

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:

М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)

А. Г. Байбородин (Иркутск)

П. В. Басинский (Москва)

А. В. Болдырев (Курск)

А. В. Кирилин (Барнаул)

В. М. Костин (Томск)

А. К. Лаптев (Иркутск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Р. В. Сенчин (Екатеринбург)

М. А. Тарковский (Красноярск)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов

ответственный секретарь

Максим Долгов

начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова

редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова

редактор отдела художественной литературы

Михаил Косарев

начальник отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Рябов

редактор отдела общественно-политической жизни

Кристина Кармалита

редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Ю. С. Лаврова

Верстка: О. Н. Вялкова

2/2019

Содержание

ПРОЗА

Олег ХАФИЗОВ. Дуэлист. Главы из романа. <i>Продолжение.</i>	3
Кристина ВЫСОЦКАЯ. Кровная свора. Повесть. <i>Продолжение.</i>	44
Мария МОЛОДЦОВА. Ромовая баба. Рассказ.	83
Николай КОЛОСОВ. Темные комнаты. Рассказы.	92
Марина ФЕДОРОВА. Домой. Рассказ.	118

ПОЭЗИЯ

Алена БАБАНСКАЯ. Яблочко песни. Стихи.	40
Алексей ГРИГОРЬЕВ. Что мы знаем о девочке? Стихи.	80
Игорь КУНИЦЫН. В зале ожидания. Стихи.	89
О жизни человека. Духовные стихи сибирских староверов <i>в литературной обработке Владимира Берязева.</i>	112

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир СЕМЕНОВ. Из дневника присяжного заседателя. <i>Окончание.</i>	123
Дмитрий МЕТЕЛИЦА. Четыре часа. <i>Окончание.</i>	153

Книжная полка

Андрей РАСТОРГУЕВ. За дверью всех дверей.	185
--	-----

Картинная галерея «Сибирских огней»

Тамара БУСАРГИНА. Архетипы русского сознания в пейзажах Владимира Кузьмина.	189
---	-----

<i>Авторы номера</i>	191
----------------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Олег ХАФИЗОВ

ДУЭЛИСТ

Главы из романа*

Опьянение Ахилла

*Американец Толстой писал не очень грамотно. К тому же в свою устную и письменную речь он вворачивал такие выражения, которые не принято использовать в литературе. Но говорил он смачно и так уморительно, что всегда собирал толпу слушателей. Вернее сказать, толпа восхищенных поклонников сих устных новелл облепляла его повсюду, где бы ни рокотал его внушительный говорок. А ведь он отнюдь не украшал речь риторическими приемами и книжными заготовками, как записные козеры**. Не раз мне приходилось наблюдать, как иной московский парижанин в роли Чацкого изо всех сил блистал сарказмами при Толстом, пытаясь перетянуть на себя внимание дам. Но стоило только Американцу бросить несколько небрежных фраз, как Чацкий сдувался, бесился, кривился и, наконец, присоединялся к кружку помирающих со смеху.*

Ежели бы Федор Толстой имел способность или охоту оформлять хотя бы некоторые из своих анекдотов в письменном виде, он, несомненно, вошел бы в число наших лучших беллетристов. Впрочем, мои наблюдения показывают, что люди, которые краснó говорят, очень редко так же пишут, вполне выговаривая весь свой творческий пыл. А лучшие писатели, коих я знавал на своем веку, бывали довольно косноязычны и не весьма ловки в обращении.

Я записал по памяти, с возможной точностью, один из анекдотов графа Толстого об его финляндской службе, который он любил повторять за бокалом вина, каждый раз с новыми вариациями. Однако я вижу, что этот рассказ, лишенный особого магнетизма, исходившего от Американца при самом его молчании, представляет собою лишь условный скелет оригинала.

* Продолжение. Начало см. «Сибирские огни», 2019, № 1.

** От франц. causeur — говорун, рассказчик.

После соединения Сердобольского отряда, в котором я служил при князе Долгорукове, с главными силами генерала Тучкова-первого наш противник убоился окружения и покинул свое укрепление, где отбивался несколько месяцев кряду. Было заключено перемирие, и война превратилась в пикник.

Кроме разъездов и обычной караульной службы, делать было нечего. Офицеры валялись по целым дням в палатках, пили, пели да ходили друг к другу «в гости» к соседнему костру, где можно было перекусить и перекинуться в картишки. Всего за несколько дней покоя наш табор стал обрывать хозяйством. У одного офицера искусники саперы воздвигли немислимый балаган в форме дворца китайского мандарина, с флюгером-драконом на пагоде; у другого каждый вечер давал концерты хор музыкантов с ложками, рогами и балалайками; третий держал открытый стол для всех желающих с меню из пяти грибных блюд и наливкою из лесных ягод.

Вошло в моду фехтование на саблях. Слово за слово, офицеры выходили «в огород», то есть на ровную поляну у реки, и начинали рубиться, иногда не на шутку. В огороде каждое утро собиралось по несколько пар фехтовальщиков, зрители переходили от одной пары к другой, делали ставки, и почти каждодневно с поляны уводили кого-нибудь с рассеченным лбом или отрубленным пальцем. За неделю отдыха наш отряд понес больше потерь, чем за месяц похода по лесам. Я учился фехтованию у Севербрика, одного из лучших мастеров того времени. И признаюсь, что шведское правительство должно было наградить меня за фехтовальные успехи каким-нибудь немаловажным орденом.

Однако же я отправился на эту войну не только для того, чтобы калечить своих товарищей. Мне давно не терпелось перевестись с каким-нибудь шведским удальцом по-настоящему, насмерть, как Ахилл сражался с Гектором, и притащить его труп в крови и прахе, за ноги привязанный к лошади. Мне было в ту пору двадцать шесть лет, я немало успел повидать, но, стыдно сказать, в голове моей еще не совсем отцедились всякие троянские бредни: все эти Ахиллы, Патроклы, Агамемноны и тому подобная Эллада. Я не в шутку порой воображал, что наш поход — это новая «Илиада», Тучков — наш Агамемнон, Сандельс, пожалуй, что Гектор, хорунжий Полубесов — Одиссей, ну а я, разумеется, Ахилл. Без всякой критической поправки на наш мелочный век, на дикий слог гекзаметров и северную погоду я решил, что не успокоюсь, пока в точности не повторю какой-нибудь из подвигов Ахиллеса. Оставалось найти не менее полоумного Гектора со шведской стороны.

Тем временем наши разъезды встречались со шведскими драгунами, но по правилам перемирия не стреляли друг в друга, а с любопытством рассматривали противников, вступали с ними в разговоры, а иногда и в обмен. С нашей стороны как раз стали доходить обозы с провиантом, которых мы ожидали с начала похода. А шведы были богаты английским ромом, коим хитроумные британцы щедро снабжали союзников взамен солдат.

Итак, не разглашая своего замысла, я поутру отправился в разъезд с моим приятелем хорунжим Полубесовым якобы из любопытства посмотреть на шведских кавалеристов и добыть у них рому для генеральского стола. Своей лошади у меня тогда не было, и Полубесов для прогулки одолжил мне косматое низкорослое финское животное с флегматическим северным характером, который оказался столь же обманчив, как нрав наших супостатов.

Такая арктическая лошадь не отличалась статьями арабских жеребцов, зато почти не нуждалась в пище и могла выковыривать корм даже из-под снега, да при этом была на редкость вынослива. Шведские кавалеристы, таким образом, разъезжали на киргизских лошадях с примесью северного оленя, незаменимых в дикой природе Финляндии. Однако у этой задумчивой скотины был один, и крупный, недостаток. Она не годилась для сражения с копьем. Потому ли, что в памяти сей древнейшей породы были еще живы воспоминания о первобытных охотниках с их кремневыми пиками, или по другой какой причине, но вид длинной палки был для нее совершенно нестерпим. Когда король-актер Густав III в пику Екатерине II решил вооружить своих конников пиками на манер наших казаков, из этой реформы ничего не вышло. Лошади шведских «казаков» немилосердно брыкались и сбрасывали седоков еще до того, как те успевали пикироваться с нашими.

Затемно покинув лагерь, мы на рассвете добрались до русских постов, сменили их и поехали вдоль реки, служившей условною границей. Стояла пора, называемая в Финляндии летом святой Бригитты, а по-нашему — бабье лето. Иней на чахло́й траве быстро истаивал, сверкая радугами миллионов жемчужных бусин, а от реки, как из кастрюли, валил густой пар, который стелился по низине седыми бородатými клочьями.

Речка нырнула в мрачные каменистые дебри, мы выбрались на неубранное поле ржи, и Полубесов указал мне нагайкой на синий зубчатый горб леса по ту сторону:

— Вот они!

Шведы были в таком же количестве, как мы: пять человек с офицером. Они одеты были в короткие синие куртки с черными ремнями крест-накрест, желтые штаны и какие-то диковинные стальные шишаки, как у актеров из трагедии «Король Леар». А их предводитель выделялся роскошной круглой хорьковой шапкой с хвостами — наподобие тех, что носили канадские пионеры. По этой шапке мы без труда опознали знаменитого начальника шведского авангарда, скандинавского Кульнева — капитана Мульма. О лучшем Гекторе не приходилось и мечтать.

Взвев на всякий случай курки, мы медленным шагом поехали в сторону шведов. И они тронулись нам навстречу в объезд поля. Шагах в двадцати мы остановились, ревниво разглядывая друг друга.

— Ты разумеешь по-немецки, так скажи им что-нибудь, ваше сиятельство, — предложил мне Полубесов, оглаживая шею рыжего донца.

Я подтолкнул в бока мою арктическую лошадку, она проржала что-то по-фински своим лохматым сестрам из вражеского отряда и сделала несколько деликатных шагов в сторону капитана Мульты. После этого, не будучи принуждаем к дальнейшему движению, мой букефал остановился.

— Гутен морген! — сказал я, приподымая финский вязаный колпак, который заменял мне кивер.

Это, признаюсь, были едва ли не первые германские слова, всплывшие в памяти со времен моих детских занятий с наемным немецким дядькою. Однако, как я успел заметить в нынешней кампании, немецкий язык не настолько отличался от шведского, чтобы вовсе быть непонятым. Полагаю, что швед может так же легко при желании сговориться с немцем, как русский человек с хохлом.

— Гутен таг! — ответил капитан Мульты и пошевелил растопыренными пальцами поднятой руки с игривостью, которая показалась мне не совсем античной.

«Ах ты, шведский гусак», — подумал я, распаляя себя гневом, и приступил к моему делу. Я решил бросить вызов Мульты гекзаметром, на языке Ахиллеса, а точнее на языке Гнедича, который точно знает, как говорил Ахиллес.

Что ты мне машешь рукой, капитан богоравный?
Или давно не глотал ты хорьковую шляпу?
Вьнь же свой меч из влагалища, но не того,
что таится меж ног дивнооких финляндок,
А из того, что висит у тебя на бедре,
ударяя звучно о стремя!

Сей монолог я произнес голосом трагического актера, завывая, вращая глазами и жестикулируя свободной рукой. Казаки за моей спиной ржали, а хорунжий Полубесов так скорчился от сдавленного смеха, что ему пришлось упереться лбом в гриву лошади. Шведы, напротив, наблюдали мою экзальтацию совершенно хладнокровно, как будто я им зачитывал официальную ноту российского кабинета. Сдвинувшись лошадьми, они шепотом что-то обсудили, а затем капитан Мульты по-французски обратился ко мне:

— Мы не разумеем татарского языка. Благоволите сказать то же самое на шведском или любом другом европейском языке.

В каждом русском человеке содержится от одной до трех четвертей татарской крови. А в представителях столбового дворянства, к коему я имею честь принадлежать, таковая примесь иногда достигает девяноста процентов. И однако упоминание этого генеалогического факта кажется нам обидным от своих и прямо издевательским от иностранцев. Как, это заросшее рыжей бородою чухонское рыло в драном зипунишке и башкирском треухе смеет упрекать меня в недостатке европейской тонкости? Так я же отвечу ему по-русски!

— Вынимай свою селедку, чухонская морда, пока я не отрубил тебе уши! — сказал я уже без декламации, обычным тоном, да еще присо-вокупил к этому приглашению короткое выражение, которое русские из целомудрия считают татарским заимствованием.

Для того чтобы в точности привести ответ моего шведского визави, я принужден попросить дам на несколько мгновений покинуть комнату или хотя бы заткнуть уши. Ибо наши противники, прежде чем освоиться с тактикой русских войск, научились пользоваться их главным оружием — матерной бранью. И я не раз слышал, как финляндцы весьма ловко применяли русские обороты в тех случаях, когда собственные средства шведского и финского языков оказывались пресными.

— Iddi ti v joru! — сказал мне капитан Мульм так отчетливо, словно зачитал по шведско-русскому разговорнику.

Ну какой Ахилл, Геракл или хотя бы Челубей выдержал бы такое оскорбление? Я решил прикончить наглеца на месте и для этого использовать самое гомерическое оружие — копье одного из моих казаков. Поскольку пращей и бронзовых мечей на вооружении российской армии на тот момент не состояло.

Мульм правильно оценил мое настроение, мигом выхватил из кобуры полированный кавалерийский пистолет и стал прилаживать к нему приклад, который шведские драгуны используют для точного прицеливания. Я уже не помнил себя от ярости и превратился в свирепую машину для убийства, как всегда происходит со мною на поединках. Но и капитану Мульму с его сноровкой, видно, не привыкать было отправлять к Аиду ближнего своего. Еще мгновение — и один из нас, проколотый или подстреленный, обагрив бы кровью каменистую финскую почву, а скорее, потоки нашей крови смешались бы под копытами лошадей, как бывает, когда оба противника чересчур ретивы. Но тут мой конь предательски вспомнил о своем национальном долге.

Заметив дико скошенным глазом в моей руке какую-то длинную страшную палку с тряпкой на конце, чертов букефал начал, что называется, козлить: взбрыкивать поочередно то задними, то передними ногами, то обеими парами ног одновременно, крутиться, изгибаться и пытаться сбросить со спины седока, то бишь меня. Таковые его усилия в конце концов и привели к желаемому результату. Упрямая скотина отбежала в сторону, а я со своим дурацким копьем остался лежать в лопухах, так и не обагрив рук кровью ненавистного врага.

— Ja so, — произнес капитан Мульм обычное шведское присловье, неизвестно что означающее, развинтил блестящий пистолет и спокойно убрал его в седельную кобуру.

При падении я ушиб бок и потерял всякое настроение продолжать сей подвиг. А хорунжий Полубесов, поднимая меня из канавки и отряхивая с материнской заботливостью, сообщил истину, которую я пронес через все последующие битвы, гомерические и обычные:

— На войне, как в церкви, материться нельзя. Сам пропадешь и на нас навлечешь несчастье.

Всю ночь я пылал мезтью, не мог сомкнуть глаз и видел перед собою, как наяву, издевательскую ухмылку Мульма. Более всего меня оскорбило не его ругательство, вполне привычное для русского уха, но его брезгливая мина, которая словно относилась к шалливому мальчишке, ломающему перед ним комедию на деревянной лошадке, с жестяною сабелькой в руках.

Едва забрезжил рассвет, как я растолкал Полубесова и потребовал тотчас проводить меня к нашим аванпостам. Мой оруженосец отнюдь не удивился этой затее, поскольку был склонен к любым проделкам и не менее моего истомился кратковременным миром. По его энтузиазму я догадался, что он рассматривает это дело чести как повод завладеть роскошной хорьковой шапкой Гектора a la Canadien.

Не прошло получаса, как мы съехались с пикетом капитана Мульма, словно и не расставались намеренно. На сей раз мой обидчик был не расположен шутить и обратился ко мне первым.

— Прежде чем решить наш вопрос, я хотел бы узнать, с кем имею честь.

— Поручик граф Толстой к вашим услугам, — отвечал я в том же приличном тоне, поскольку мои ночные бредни успели рассеяться и я видел, что капитан ведет себя по правилам.

— Не вас ли называют Американец Теодор? — продолжал Мульм, рассматривая меня с почтительным любопытством.

— Это мое прозвище, — отвечал я также с любопытством, ибо мой гнев совсем улетучился.

— Перед разделкой я должен выполнить поручение знакомого корнета Брунсвика, который обязан вам жизнью, — сказал Мульм, жестом подзывая одного из своих лесных рыцарей. — После плена Брунsvик подал прошение об отставке по болезни и был отправлен в Швецию, но перед тем просил передать вам подарок — этот бочонок рома.

Шведский солдат спешился, отвязал притороченный к седлу бочонок поместительностью с ведерко и с явным сожалением преподнес его мне. При виде такового сокровища мой Полубесов, кажется, даже забыл о трофее, ради которого приехал.

— А что, как ты, ваше сиятельство, заколол бы его вчера? — шепнул он с укоризной.

Я был в замешательстве. Даже самый заядлый бретер не может равномерно злобствовать два дня кряду. Мне же, признаюсь, пришлось по душе благородный поступок шведа, которому никто, казалось, не мешал присвоить бочку драгоценного напитка, вместо того чтобы отдавать ее русскому бузотеру. Дело чести, однако, было запущено после вчерашнего скандала, и предстояло довести его до пристойного конца. Вдруг меня осенило.

— Мне также известно, с кем я говорю, — сказал я. — Имя капитана Мульма пользуется уважением среди русских. Но наше

недоразумение зашло слишком далеко, чтобы разрешиться одними словами. Итак, как лицо оскорбленное, я считаю вправе предложить мои правила поединка...

— Бери, ваше сиятельство, пока он не передумал, — вмешался Полубесов, обеспокоенный моей витиеватой французской тирадой, после которой бочонок все еще оставался на траве.

— Я предлагаю вам дуэль на стаканах — кто кого перепьет, — продолжал я, глухой к терзаниям казака. — Количество и крепость напитка, переданного корнетом Брунsvиком, позволяют предположить, что, испив его до дна, один из нас лишится чувств, а может, и самой жизни. Тот же из соперников, который после этого сможет продемонстрировать секундантам свою трезвость стоянием на одной ноге в течение двадцати секунд, считается безусловным победителем. Согласны ли вы с моими условиями?

— Они мне кажутся тяжелыми, но справедливыми, — отвечал сей потомок викингов.

За свою жизнь я участвовал в десятках поединков на всех вообразимых видах белого и огнестрельного оружия вплоть до четырехфунтового картаула*. Однажды я даже дрался с противником в холодных водах Балтийского моря и вышел, так сказать, сухим из воды. Но поединок с капитаном Мульмом в 1808 году был, безусловно, самым долгим и жестоким в моей жизни. Как сказал бы Наполеон, швед в нем подтвердил свою непобедимость, а русский стяжал славу быть непобедимым. Или наоборот.

Всем известна склонность русских к горячительным напиткам. И мы, русские люди, основательно считаем, что, при постоянном отставании России в вопросах механики, комфорта и гражданских свобод, перепить нас невозможно. Однако опыт путешественника убедил меня в том, что такое сомнительное преимущество приписывают себе и другие нации. Мне, по крайней мере, приходилось слышать, что самым пьющим народом в мире являются англичане, ирландцы, датчане, поляки и так далее. Буквально за минуту до того, как упасть с табурета на усыпанный опилками пол бразильской таверны, ту же оригинальную мысль высказывал один португальский кабадьеро. Мощные шведы, возвращенные в суровых условиях северной природы, конечно, не могут быть исключением в этом щекотливом вопросе. И если бы какой-нибудь историк взял на себя труд сопоставить самые жестокие попойки с наиболее известными сражениями в истории человечества, то наш поединок на стаканах по праву следовало бы уподобить битве под Полтавой.

Мы расположились на бурке под огромным развесистым дубом в присутствии двух секундантов. Они также прикладывались к стаканам, так что наш бой можно было отнести к *duel carrée*** , до тех пор пока мой арбитр Полубесов не захрапел с открытым ртом, а шведский свидетель

* *Картаул, картаун* — вид артиллерийского орудия.

** Четверная дуэль (франц.).

не отбежал к кустам, где и завалился в безжизненном виде. Роль патронов играли шесть серебряных стопок размером с наперсток, которые шведский воин случайно возил в седельной торбе. Наполненные ромом стопки расставлялись на бурке, и мы метали жребий на право первого «выстрела». Затем противник, которому повезло (или напротив), бросал на бурку игральную кость. По количеству выпавших очков надлежало выпить без перерыва от одного до шести наперстков рому. После чего опустошенные наперстки пополнялись и наступала очередь метать другого дуэлиста.

При слове «наперсток» я вижу ироническую улыбку на губах моих юных читателей. И я готов простить их самонадеянность, если только кто-нибудь из них не пожелает скрестить со мною шпаги в этом опаснейшем из поединков. Дело в том, что крепкие напитки, употребляемые в большом количестве мизерными дозами, оказывают на мозг гораздо более губительное действие, чем опрокинутый залпом кубок вина. Старшие из вас, наверное, помнят знаменитое пари Алябьева, который выпил одним духом из горла бутылку рома, сидючи со свешенными ногами на подоконнике четвертого этажа. Я сам проделывал этот фокус не однажды, и он заключается в том, что сильное опьянение начинается только через несколько минут, за которые вы, во всяком случае, успеваете спрыгнуть с окна и добраться до дивана. Напротив того, наперсточные возлияния впитываются в кровь мгновенно и насыщают мозг тяжелым, стойким, длительным хмелем, и его невозможно изгнать ни рвотой, ни ледяной водой.

В начале поединка мне, по обыкновению, везло. Как опытный картежник, я вел мысленный подсчет очков, и выходило, что против моих семи капитан Мульм опорожнил дюжину. Он заметно покраснел и охмелел, однако держался молодцом. Я предчувствовал скорую победу и предложил моему визави фору в три рюмки. Расчет был прост. Сейчас я еще достаточно тверд, а когда наступит кульминация, я могу перевести эти три очка на Мульма. Каждый бывалый пьяница знает, что человека валит с ног не бочка вина, а последняя рюмка, выпитая сверх нее. Это и будет мой *coup de grâce**.

— Вы очень любезны, граф Теодор, но я еще выпью за ваше здоровье по окончании поединка, — ответил капитан Мульм и неожиданно громко икнул.

После этого самонадеянного заявления фортуна стала от меня отворачиваться. На девятнадцатой рюмке я сбился со счета и стал зажмуривать один глаз, ибо количество шведских капитанов по ту сторону бурки кратно умножалось. Полубесов, который поначалу посмеивался над нашей блажью в надежде, что мы не в состоянии нанести бочке серьезного ущерба, обеспокоился не на шутку и стал по-русски уговаривать меня разлить по манеркам хотя бы часть драгоценной жидкости, пока не позд-

* Удар милосердия, добивающий удар (франц.).

но. Я был в кураже и по-русски же ему отказывал. Тогда наши секунданты посовещались и предложили каждому дуэлисту подтвердить свой боевой дух стоянием на одной ножке.

Поднимаясь с бурки, Мульм заметно качнулся, но затем собрался с мыслями, утвердился и продержался даже несколько сверх положенного. Я же во время его упражнения ожидал очереди стоя и успел совладать с головокружением. Поза цапли далась мне настолько легко, что я ее усложнил наклоном туловища вперед, оттягиванием левой ноги, разведением рук и петушьим криком.

— Bravo, мосье Теодор! — воскликнул шведский капитан, награждая меня рукоплесканием. — Я по-прежнему уверен в превосходстве Швеции, но отныне готов поставить Россию на второе место в мире. Что же касается датчан, они кажутся мне самыми хитрыми, тупыми и жадными людьми на планете.

— Господин капитан не имел удовольствия сталкиваться с хохлами? — поинтересовался я.

— Как же, это разновидность русских.

— Я тоже полагал, что шведы и датчане — одно племя.

— Так же как англичане, ирландцы, шотландцы и жители Уэльса, что бы они о себе ни мнили.

— Поляки, богемцы, словенцы, сербы и все жители Балкан, как бы они себя ни называли.

— Равно и все негры, эфиопы, арапы, бушмены, готтентоты и карликовые лесные жители пигмеи.

— Как я вас понимаю, друг мой! — воскликнул я в порыве дружелюбия. — Ведь для меня что русский, что татарин, что ирокезец одинаково хороши, если они хороши со мной.

— А я больше всего на свете люблю русских и даже желаю им победы в войне. Да-да! Пора вам сбить спесь с нас, этих самодовольных шведских свиней!

В знак приязни мы расцеловались и обменялись мундирами. И это было последнее воспоминание того поединка, которое мне удалось вызвать в памяти...

Ибо вслед за этим я очнулся в незнакомом месте, напоминающем просторную землянку, на раскладной койке под портретом шведского короля Густава IV Адольфа. Надо мною склонились трое мужчин в синих куртках с черными ремнями, с голубыми глазами и ярко-рыжими волосами. Даже после бочки рома в этих людях нетрудно было распознать шведов. К тому же один из них, в офицерских эполетах, произнес какие-то шведские слова, в которых я угадал вопрос:

— Кто вы такой?

— Их бин Толстой, — отвечал я на том языке, который, по моему мнению, должен был быть понятен каждому просвещенному жителю Европы.

— Вы русский? — допытывался рыжий офицер (хотя, как я уже сказал, его товарищи, равно как и большая часть состава этой армии, были той же масти, и напоминать о цвете их волос, пожалуй, так же излишне, как уточнять цвет каждой лесной белки).

— Я немец на службе российского императора, — схитрил я на всякий случай.

То, что я все-таки представитель цивилизованной нации, а не славянский варвар, несколько смягчило моего дознавателя, и он отцепился от моего плеча. Я свесил обутые ноги с койки и провел рукой по голове, испытывающей какое-то странное ощущение. На моей голове была пышная шапка капитана Мультма.

— Вы решили вступить в шведскую службу? — спросил швед, взглядом чистых глаз сверяясь с товарищами.

— Почему? — пришла моя очередь удивиться. — Как я могу служить одновременно двум государям, ведущим друг против друга войну? Что, если Густав IV Адольф прикажет мне провести против русских рекогносцировку, а Александр I в это время велит атаковать? Как исполнителю офицеру, мне останется только истребить самого себя.

Мой софизм, облеченный в уродливую форму чужого языка и не вполне ясный мне самому, привел шведского офицера в полное недоумение.

— Ja so, — только и вымолвил он, почесывая рыжий подбородок.

Затем шведы удалились из землянки для совещания, носившего довольно бурный характер, вопреки нашему предрассудку насчет флегматичности скандинавской расы. С моей койки были хорошо слышны выкрики спорщиков, и даже при моих скудных познаниях в шведском наречии смысл отдельных слов удалось распознать. Эти слова весьма незначительно отличаются от родственных немецких выражений и переводятся: «русский», «шпион», «расстрелять» и «повесить».

«Могут ли они по крайней мере дать мне перед казнью глоток рома?» — гадал я. Смерть в таком унижительном состоянии казалась особенно невыносимой.

Наконец консилиум вернулся, и офицер огласил мою судьбу:

— Будучи русским военным, вы не можете носить шведский мундир и спать в шведской армии, где и без вас недостаточно мест. Во время войны каждый солдат должен находиться в своей армии, а не валяться где попало. Итак, я требую, чтобы вы немедленно удалились.

При всех своих скандинавских вывертах шведы могут быть самыми обходительными людьми на свете. Поэтому после того, как мой вопрос был формально решен, меня как родного напоили чаем с ромом, проводили мимо постов и даже одолжили осла, снисходя к моему плачевному состоянию. На осляти, в шведском мундире и огромной круглой шапке с висячими хвостами я вернулся в родной отряд как раз к обеду. И здесь, за столом моего командира князя Долгорукова, еще застал капитана Мультма, от коего и узнал окончание нашей истории.

Я уже говорил, что мои воспоминания обрывались на том месте, когда мы с Мульмом стояли на одной ноге, а затем обменялись платьем. Секунданты к тому времени уже находились в бесчувственном состоянии, поэтому дальнейшие события можно трактовать лишь гипотетически.

«Швед, русский — колет, рубит, режет», — писал мой приятель Александр Пушкин. И к вечеру поляна нашего пиршества напоминала сцену Полтавского сражения, ибо шведские и русские тела были свалены на ней в самом безобразном беспорядке. Когда же ведеты с русской и шведской стороны наконец приехали за своими товарищами, то они погрузили меня (в синем мундире) на шведскую повозку, а Мульма (в зеленом) на русскую. О моих приключениях в шведском тылу я уже поведал. А капитан Мульм очнулся в балагане генерала Долгорукова, на той самой койке перед входом, которую обыкновенно занимал я. Так что поутру князь имел удовольствие лично познакомиться с самым опасным и храбрым врагом русской армии, которого иногда сравнивали с самим полковником Кульневым, и пригласить его на обед.

По окончании обеда, когда я на правах распорядителя стола стал собственноручно обносить гостей французским вином из нашего экстренного запаса, Долгоруков вдруг придержал меня за рукав и спросил:

— Признайся, Федя, для чего капитан-лейтенант Крузенштерн ссадил тебя с корабля на Камчатке?

Общий разговор прервался, и капитан Мульм попросил своего соседа перевести слова Долгорукова.

— Я полагаю, что Иван Федорович испытывал сомнения, — отвечал я со всевозможной деликатностью.

— Какого рода сомнения? — удивился князь.

— Он сомневался, что «Надежда» сможет обогнуть вокруг света с моею обезьяной при мне.

После этих слов князь погрузился в глубокую задумчивость. А затем произнес фразу, которая могла бы стать разглашением военной тайны, ежели бы сосед капитана Мульма ее правильно перевел:

— Надо кончать перемирие, пока этот Американец не пропил мое войско.

О ловле нежных созданий

Во время перемирия князь Долгоруков пригласил Американца поохотиться на бабочек. Наступала осень, сезон охоты отходил, а коллекция князя не пополнилась ни одним новым экземпляром — так что порою он жалел о начале этой войны.

— Зачем захватывать страну, где не водится ни одной порядочной бабочки? — ворчал князь, завязывая грубые альпийские башмаки с шипами, специально приобретенные в Германии для лазанья по горам. — Я всегда говорил, что эту кампанию следовало открыть в Индии, где у

англичан слабое место. Тогда мы сейчас не бегали бы по буеракам за каждым мотыльком.

Сложность заключалась не в том, что в Финляндии вовсе не водятся бабочки: бабочки и мыши есть повсюду. Однако князю нужна была только одна и совершенно определенная палевая рябенькая бабочка под названием *Parnassius apollo* из немецкого атласа «Die Tagfalter Europas und Nordwestafrikas»*, привезенного вместе с альпийскими ботинками из последней кампании, столь же губительной для русской армии, сколь плодотворной для энтомологии.

Коллекция князя Долгорукова была небольшой, но, возможно, единственной в своем роде. Ибо Михаил Петрович собирал бабочек не по видовому, географическому или эстетическому принципу и даже не стремился стать первооткрывателем в этой благородной науке. Он коллекционировал имена, и притом лишь такие, что упоминаются в бессмертных поэмах Омира «Илиада» и «Одиссея». Таким образом, при помощи собственных военно-полевых изысканий, переписки с коллегами из Вены, Геттингена, Амстердама и других мозговых центров Европы, а также весьма значительных расходов ему удалось проткнуть иглками грудки Ахилла и Клитемнестры, Зевса и Улисса, Елены и Париса, а также многих других персонажей древнегреческого эпоса, которых я не стану перечислять во избежание энтомологического скандала.

Но вот лучезарного Феба-Аполлона, что так рьяно содействовал троянцам и послужил косвенной причиной гибели главнейшего из греческих героев, нигде невозможно было раздобыть, словно он насмехался над жестоковейными новыми ахейцами и нарочно не давался в руки. А ведь, согласно атласу, этот рябенький божок обитал именно в Финно-скандинавии, более того, в ее юго-восточной части, которую Долгоруков вознамерился покорить.

Военные энтомологи вооружились разборными сачками на телескопических ручках с такими огромными мешками, что в них можно было поймать не бабочку, но откормленного зайца, а также пистолетами и полусаблями на тот конец, если вместо бабочки вдруг попадет финляндский партизан. Долгоруков вручил Толстому пинцет, которым пойманную бабочку следует держать за кончики крыльев, дабы не повредить их драгоценную поверхность, и крошечные треугольные пакетики из вощенной бумаги, куда бабочек помещают до надлежащей препарации. Охотники надели соломенные шляпы с сетками от комаров, особенно въедливых в этих краях, положили в корзинку пистолеты, салфетки, лепешки кнекере и плетеную бутылку вина и тронулись в путь.

Всю дорогу от бивака до опушки ближайшего леса князь не проронил ни слова и только сбивал лопухи суковатой дубиной *jasobin*, которая в Париже времен Директории продавалась за большие деньги, а здесь валяется под каждым деревом. Толстой предчувствовал, что князь соби-

* «Дневные бабочки Европы и Северо-Западной Африки» (нем.).

рается сообщить ему нечто важное, и по врожденной своей догадливости опасался преждевременно прервать его молчание неловким словом. Последнее время ему казалось, что Долгорукову как-то не по себе, словно он ожидает какой-то неприятности, заболел или потерял кого-то близкого. Похоже, что даже воинская слава перестала его тешить. А иногда, посреди бурного военного совета, он вдруг замолкал, глядя пустым взглядом перед собой, через силу стряхивал с себя оцепенение и отвечал невпопад.

— Какое верное, грубое и нежное это русское слово «бабочка» — маленькая летающая баба, — наконец промолвил князь.

— Не то что «масляная муха» англичан или французская «папильотка», — согласился Толстой.

— Я ловлю только таких, каких нет больше ни у кого. Потому и не поймал никакой, — признался Долгоруков с таким сердцем, что Американец догадался: речь все-таки не о бабочках, но о тех существах, от которых пошло их название.

— Будто бы и не поймали — с вашими-то данными? — усомнился Толстой и подумал: «Свечка жалуется на мотыльков».

— Я не *ночных* бабочек имею в виду, — с досадой откликнулся Долгоруков. — Каждый желающий может иметь их столько, сколько позволяет его кошелек, но такие победы не прибавляют чести. Я говорю про женщин, которые равны богиням и не могут принадлежать ни одному смертному, кроме тебя. Или такая, или никакой — вот мой принцип.

— Ежели вы нацелились на какую-нибудь королеву, то ваше положение, действительно, может быть затруднительно.

— Именно так, — ответил Долгоруков с грустной усмешкой.

Толстой наострил уши.

Ни одной самой захудалой бабочки не наблюдалось в радиусе пушечного выстрела. Энтомологи присели на окаменелый ствол сухого дерева, похожий на мамонтовый бивень, или же на бивень мамонта в форме кривого бревна и достали трубки.

— Ты слышал когда-нибудь о *Princesse Nocturne*? — спросил Долгоруков, утрамбовывая табак в трубке инкрустированным серебряным пестиком.

— Говорят, это одна из достойнейших дам Петербурга, и притом умнейшая, — тактично отозвался Федор, который, как и все без исключения жители обеих российских столиц, конечно же, слышал о странном романе Долгорукова и княгини Г. по прозвищу Ночная Принцесса.

— Умнейшая? — Князь уставился на Толстого с таким видом, словно ему сообщили оригинальную новость. — Мне кажется, Федор, что женский ум надо мерить особым аршином. Наши предки считали Луну звездой, которая излучает собственный свет. Но мы теперь знаем, что этот мертвый камень всего лишь отражает солнечный блеск, придавая ему пленительную бледность. Так и женский ум. Чаще всего на его месте находится темная туча без единого проблеска. Однако при благоприятном расположении светил женщина может улавливать самые благород-

ные идеи, самые возвышенные феории и передавать их так увлекательно, будто свои собственные, и даже лучше. Сияние исходит из другого, мужского источника, но и в преломленном виде оно несет искру истины. К тому же его действие на мужские умы стократно усиливается мелодичным голоском, надутыми губками и пышными кудрями философа.

— Менее всего я хотел бы сжимать в объятиях ехидного плешивого Сократа в юбке, — заметил Толстой.

— Или титулованную кухарку в брильянтах, — добавил Долгоруков. — Говорят, что свет Луны заставляет безумцев вставать по ночам, выходить на крышу и безопасно гулять по самому краю, где человек обычный закачается и рухнет со страху. Но если лунатика окликнуть, он сейчас очнется и грянется оземь. Таково было и действие *Princesse Nocturne* на мужчин, которые имели неосторожность подпасть под действие ее чар. Те из них, кого молва записывала в ее любовники, плохо кончали. Граф О. сломал себе шею при падении с лошади, генерал С-кий отравился грибами, а несчастный мичман М. утонул во время учебного плавания гребного флота в Финском заливе. При этом, узнав княгиню короче, я удостоверился, что она отнюдь не стремилась пожирать своих поклонников, как делают самки черного паука и столичные *femmes fatales**. Природа наградила ее добрым, отзывчивым сердцем. И единственной ее виной по отношению к добровольным жертвам было то, что она не умела отражать свет направленной на нее любви с равномерной силой. Сводя с ума многочисленных лунатиков, эта ночная звезда сама страдала от неспособности любить.

— Однако в таком характере есть нечто вампирическое, — заметил Толстой.

— Безусловно, — согласился Долгоруков. — Недаром же княгиня не выносила дневного света. День ее обыкновенно начинался с заходом солнца, когда гости собирались в готическом зале ее салона, и продолжался до утра. Вопреки представлениям кумушек, на этих оргиях не пили ничего, кроме воды, и не услаждались ничем, кроме любомудрия. А от утра до вечера окна ее дворца на Большой Миллионной улице были закрыты непроницаемыми ставнями, словно там все вымерли.

— На какие же средства Ночная Принцесса приобрела такой дворец? — вслух подумал Толстой.

— Ее муж, бесхребетный князь Г., по требованию государя предоставил ей полную свободу и значительное содержание — вот все, что мне известно. В Париже подобный образ жизни — обычное дело, — сказал Долгоруков, который провел во Франции несколько лет и приобрел там безграничную толерантность.

— В таком случае самые злые языки обязаны умолкнуть, — поддержал его Толстой, исповедующий тот же принцип терпимости относительно себя.

* Роковые женщины (франц.).

Временно преобразившись из энтомологов в грибников, Толстой и Долгоруков пошли по редколесью.

«Почему он нашел уже четыре гриба, а я ни одного?» — недоумевал князь.

— Я наберу на вашу долю, — пообещал Толстой.

Историю, которую князь Долгоруков поведал во время грибной охоты, Толстой впервые слушал из первых уст.

Знакомство князя и Ночной Принцессы состоялось вскоре после возвращения Михаила Петровича из Парижа. Долгоруков со свежими анекдотами о консуле Буонапарте, его знойной супруге Жозефине, мадам де Сталь, Талейране и других кумирах современности, знакомых ему лично, пользовался бешеным спросом. На некоторое время князь сделался интеллектуальным деликатесом Петербурга. Самые модные салоны столицы выстраивались за ним в очередь, а прекраснейшие дамы чахли от зависти, если конкурентке удавалось залучить к себе этого баловня.

Известность князя приближалась к зениту, за которым только привычка и забвение. Завистники настолько присмотрелись к Долгорукову, что вынуждены были признать его ум. Михаил Петрович скучал и подумывал о небольшой победоносной войне, которая помогла бы освежиться. А его нога до сих пор еще не ступала на паркет самого загадочного из петербургских домов — салона *Princesse Nocturne*. Казалось, что между князем Долгоруковым и Ночной Принцессой происходит поединок и правилом его установлено как можно дольше игнорировать друг друга. Долгоруков отзывался о княгине Г. довольно сдержанно в том смысле, что после Парижа его трудно удивить свободным поведением, от которого он желал бы отдохнуть, к тому же он не большой поклонник дамской философии. Когда же Ночную Принцессу спрашивали, отчего она до сих пор не пригласила этого восхитительного Долгорукова-третьего, та с подозрительной горячностью отвечала, что сказки о Бонапарте она предпочла бы слышать от него самого. И то, что принадлежит слишком многим, не принадлежит никому.

Однако Ночная Принцесса была женщина, и самообладание ей изменило. Однажды во втором часу ночи возле дома князя Долгорукова остановилась черная карета с зашторенными окнами, запряженная четверкой огромных черных коней, с возницей в черном плаще и широкополой конической шляпе, с двумя арапчатами на запятках. Князь в этот вечер отдыхал от визитов, штудировал латынь и наслаждался грамматической скукою так, как другие люди его возраста упиваются балами. Отрывок из «Галльской войны», который переводил Михаил Петрович, приобретал все более внятную форму, от общего смысла князь переходил к нюансам. И временами, зачарованный лаконичной красотой этого точного языка, Долгоруков забирался на диван, забрасывал на плечо полу халата наподобие тоги, простирал перед собою руку и произносил какую-нибудь фразу точь-в-точь как Цезарь. *Alea jacta est, aut Caesar, aut nihil,*

tu quoque, fili...* Язык ли придавал этим людям величие или наоборот, но быть Цезарем и изъясняться по-латыни казалось герою совершенно естественным. Это получалось самопроизвольно, как выругаться по матушке, когда тебе на ногу уронили кирпич.

Записку от Ночной Принцессы передали именно в тот момент, когда Долгоруков стоял на пьедестале дивана с правой рукою, задрапированной халатом, и левой, обращенной в вечность, то есть в самом дурацком виде. И хотя его камердинер был достаточно дрессирован для хладнокровного восприятия любых, самых диких зрелищ, а мальчик-посыльный в чудной голландской шляпе его не волновал, такое вторжение в заветную мечту было не совсем приятно.

Записка в переводе с французского содержала всего два слова: «Сегодня ночью» — и подпись: «P. N.». А на словах князю было велено передать, что он, если угодно, может одеться и отправиться на этой черной карете в дом Ночной Принцессы, где состоится философический вечер. Княгиня понимает всю необычность своего приглашения, но уверена, что между людьми спиритуальными не может быть условностей. И она будет слишком огорчена, если сегодня не увидит князя среди своих гостей.

В порыве раздражения, к которому примешивалось еще не остывшее латинское высокомерие Цезаря, Долгоруков одним духом написал:

«Ваше сиятельство!

В Париже, откуда я имел честь недавно воротиться, ночью приглашают только два сорта людей: возлюбленных и докторов. Не имея счастья принадлежать ни к тем ни к другим, возьму на себя дерзость уклониться от вашего приглашения и провести этот вечер в привычной скуке научных занятий.

Остаюсь ваш преданный слуга и проч.
князь Михаил Долгоруков».

— Передай княгине эту записку и, пожалуй, добавь на словах, что застал меня спящим, — сказал Долгоруков, запечатывая письмо фамильным перстнем, как вдруг за его спиною раздался задорный голосок:

— Однако для спящего вы довольно бодрый!

Голландский мальчик сдернул с головы свою сказочную шляпу, рассыпал по плечам пышные черные кудри и обернулся прекрасной греческой богиней. Ибо княгиня Г. была точной копией знаменитой статуи богини Дианы — охотницы, девственницы и покровительницы Луны. Вернее — ее живым образцом.

— Хотите, я угадаю, князь, что вы мне ответили? — сказала Ночная Принцесса, постегивая себя кнутом по подвернутому голенищу желтого ботфорта. — Вы написали: «Я вам не доктор таскаться по ночам».

— Однако вы здесь, и записка не нужна, — отвечал Долгоруков, измельчая листок до микроскопических клочков, ибо к моменту произ-

* Жребий брошен, Цезарь или никто, и ты, сын... (лат.)

несения этих слов он был уже влюблен настолько, насколько это вообще возможно, то есть до безумия.

Здесь надобно прервать повествование и перенестись обратно в финский лес, ибо в эту минуту Толстой перебил рассказчика.

— Неужели такое возможно? — спросил поручик, наслаждаясь крепким ароматом срезанного боровика.

— Смертельная любовь с первого взгляда? — переспросил Долго-руков.

— Неужели возможно, чтобы вы приняли переодетую даму за мальчика? Когда на сцену театра выходит актриса в мужском платье, это всегда бросается в глаза всем, кроме актеров, которые ломаются и ничего не понимают до последнего действия. Я полагал, что дамские формы, заключенные в тесные мужские панталоны...

— Не забывай, мой друг, что княгиня явилась ко мне в образе служки, — объяснил князь Долгоруков. — Я не обратил бы на нее внимания, даже если бы у нее не хватало одной ноги. С другой стороны, ее фигура нимфы до сих пор остается такой стройной и гибкой, что ее немудрено принять за подростка, а грудь так мало развита...

Князь погрузился в воспоминания на добрых десять минут и по рассеянности наступил на подберезовик. Толстой деликатно прокашлялся. Долгоруков встрепенулся и продолжил рассказ.

К шести утра, когда гости наговорились до умопомрачения и стали разъезжаться по домам, Михаил Петрович находился в каком-то потустороннем состоянии, наподобие того, что испытывают эпилептики перед приступом. Он чувствовал болезненную бодрость, и все предметы вокруг как бы излучали сияние.

«Я болен или счастлив?» — думал князь, пожимая на прощание холодную, почти бесплотную ручку Эвдокси (так звали Ночную Принцессу). Мальчик-кавалергард, которому стало дурно от столоверчения, нечаянно повалил у двери тысячерублевую саксонскую вазу и обмер от ужаса, княгиня же при этом не моргнула глазом.

— Вы боитесь боли, мой принц? — нервно спросила она Долгорукова.

— Если бы я боялся боли, то выбрал бы другую профессию, — отвечал Долгоруков, жадно вдыхая теплый запах ее волос.

— Тогда вам придется потерпеть, — сказала она вопросительно, повернула его руку ладонью вверх и вдруг оцарапала запястье чем-то острым.

Надрез получился, действительно, довольно болезненным, и князь едва сдержал вскрик неожиданности. Ночная Принцесса мигом извлекла из бисерного мешочка на поясе хрустальную склянку, собрала в нее несколько капель крови с руки Долгорукова и укупирила склянку притертой точеной пробочкой.

— Теперь вы в моей воле, — сказала Ночная Принцесса и слизнула каплю крови с запястья князя.

«Она безумна, только такую женщину можно любить», — подумал Долгоруков.

Никто не знает наверное, применила ли Princesse Nocturne какую-то магию против князя Долгорукова. Но после похищения крови Михаил Петрович стал непрерывно грезить о Ночной Принцессе, видеть ее во сне, явственно слышать наяву ее голос и даже вступать с нею в астральную беседу, к недоумению окружающих.

Княгиня Эвдокси была прекрасна в полном смысле слова, хотя и несколько щупловата на московский вкус. Огромные, смоляные глаза пугающе горели на ее бледном лице с вишневыми губами и тонкими нитями бровей. Нос был, пожалуй, великоват, но царственно очерчен, а черные блестящие кудри спускались тяжелыми волнами до самого пояса. К тому же она обладала интересной резкостью движений, которая обыкновенно исчезает у женщин после семнадцати лет, и довольно неожиданным для такого тельца томным и немного грудным голосом. Влюбиться в нее было немудрено, однако избалованный Долгоруков еще не решил, что ему нужна именно такая любовь. А между тем любовь без спроса охватывала его болезненной манией.

При своем детском виде княгиня Г. была все-таки недостаточно юной для невесты. Она была как-никак замужней женщиной. А предложить ей роль метрессы, которая была бы естественной для любой нормальной женщины в ее положении, казалось даже чудовищно. Дело в том, что при всей красоте, живости ума и смелости поведения Ночная Принцесса словно бы не обладала биологическим инстинктом самки, заставляющим молодых женщин интересничать, заманивать мужчин в сети и, отдавшись, завладевать ими.

С каждым днем князь Долгоруков все больше убеждался, что те злосчастные мужчины, которых молва связывала с Princesse Nocturne, были в действительности *духовными* друзьями или, во всяком случае, какими-то астральными любовниками, не посягавшими на ее тело. Если бы княгиня в первую же ночь пустила его в свою постель (что было не такой уж большой редкостью, как принято изображать в литературе), он бы давно успокоился и на самом деле стал бы лучшим из ее друзей. Но княгиня его попеременно манила и отталкивала, дразнила и жестоко разочаровывала. Словом, она вела себя как девственница, и теперь, через несколько месяцев безумных ночных бдений, умопомрачительных мистических диспутов и испуганных спиритических сеансов, он готов был поклясться, что Princesse Nocturne была целомудренна даже по отношению к пожилому мужу, который безропотно обеспечивал дорогие капризы жены, но предпочитал земные ласки крепостной экономки.

Ночная Принцесса, точно, не принадлежала ни одному мужчине. В то же время она не принадлежала и Долгорукову, требуя от него безус-

ловной верности. Эта тщета настолько разодрала душу князя, что он уже и в мыслях не мог изменить княгине Г. Для того чтобы хоть как-то ослабить муки изнурительной мании, брат Петр предложил ему навестить модный немецкий бордель фрау Вейсбюст (она же мещанка Белогрудова), однако это доставило Михаилу Петровичу не большее удовольствие, чем посещение нужника.

Ужасаясь своей ошибки, Долгоруков явился к княгине как-то днем, когда ее чары не действовали, и сделал формальное предложение. В дневном свете, с убранными волосами и темными кругами бессонницы под глазами, Ночная Принцесса вовсе не казалась демонической колдуньей. Это была обычная худенькая женщина лет тридцати, довольно милостивая, но не богоподобная, такая же как десятки других. Долгоруков впервые заметил на ее бледных плечах веснушки. Впрочем, теперь это не имело ни малейшего значения, потому что само ее присутствие вызывало у него дрожь.

— Согласны ли вы быть моей женой? — спросил Долгоруков.

— Не знаю. О да, я согласна, — отвечала Эвдокси с болезненной улыбкой, кутаясь в шаль.

— Для этого вам следует получить развод.

— Я напишу мужу.

После таких слов пылким возлюбленным полагалось бы заключить друг друга в объятия и слиться в экстазе поцелуя, но князь и княгиня отпрянули друг от друга и разбежались как зачумленные.

Недели через две из Москвы пришел ответ от князя Г. Муж Ночной Принцессы отвечал, что не намерен давать развода, ибо по-прежнему любит свою жену и остается ее супругом перед Господом. Если же ей угодно взять себе любовника, он не собирается вмешиваться в ее частную жизнь и даже готов оплатить связанные с этим издержки.

«Какое утонченное издевательство», — думал Долгоруков об этом мнимом добряке.

К счастью, вскоре после отказа князя Г. разразилась первая война с Наполеоном, и Долгоруков отправился в Богемию.

Совет в Куопио

Среди бумаг Американца Толстого, которые он мне показывал, хранился черновой протокол военного совета от 13 октября 1808 года, где обсуждалось грядущее сражение при Иденсальми. Я сделал для себя копию этого любопытного документа, набросанного рукой Федора Ивановича и представляющего собою как бы беглый абрис отношений князя Долгорукова и генерала Тучкова-первого, погибшего от раны, полученной в Бородинской битве.

Смерть уравнила обоих генералов; потомкам одинаково дороги пылкий, заносчивый Долгоруков и честный, рассудительный Тучков. Их ссора накануне сражения, якобы ставшая причиной дуэли «на

бруствере под шведскими ядрами», кажется нам необъяснимой. Но документ, который граф Толстой хранил до самой смерти в память своего любимого начальника, показывает, что легенда сия не вовсе лишена основания. К тому же этот черновик проливает дополнительный свет на характер самого Толстого, продолжавшего ерничать даже в скучной роли протоколиста. Остается только гадать, что было бы с адъютантом, составившим подобную бумагу для строгого Барклая или сурового Багратиона. Не говоря уже о нынешнем лакейском веке...

Писано в Куопио, октября 13, 1808 г.,
 адъютантом поручиком Толстом (*sic!*),
 в изумлении.

ПРОТОКОЛ ЗА НУМЕРОМ 3

Присутствовали:

ген.-лейтенант Тучков-первый,

ген.-адъютант князь Долгоруков-третий,

ген.-майор Алексеев;

командиры полков:

Тенгинского, Ревельского, Навагинского, 4-го Егерского;

начальник штаба,

начальник кавалерии,

начальник артиллерии,

начальник пионерии;

поручик Липранди,

аз, Федор Иванов Толстой.

Тучков. Позвольте, господа, огласить приказ главнокомандующего графа Буксгевдена, полученный вчера секретным эстафетом. Он содержит пространные инструкции для каждого начальника вплоть до кухмистерской части, которые я покамест опушу, но суть его следующая. (*Читает, держа на отлете очки.*) «Позвольте напомнить вам, ваше превосходительство, что вы приехали в Финляндию воевать, а не на хутор бабочек ловить. Обвинение, воздвигнутое на вас за провал нашей летней кампании, я не считаю еще вполне удовлетворенным. И вам надлежит паки доказать...» Но это неважно. «Засим приказываю вам 15 октября прервать перемирие и, перейдя пролив при кирке Иденсальми, поддержать наше наступление на юге и отбросить бригаду Сандельса на север. Остаюсь преданный вам и прочее...» Короче говоря, мы атакуем послезавтра в полдень.

Долгоруков. При чем здесь бабочки?

Тучков. Я понимаю это изречение в том смысле, что государь уехал в Эрфурт, а войска тем временем избаловались.

Долгоруков. Хорошую бабочку поймать труднее, чем выиграть пустяковое сражение.

Тучков. Однако мы сюда посланы выигрывать сражения.

Долгоруков. Странно это слышать от вас.

Командир Тенгинского полка. Господа! Что, если мы поговорим о войне? Куда мне завтра вести свой полк? Если в обход озера, то получится долго, а через мост — нас перебьют.

Начальник штаба (*у карты*). Позволю себе обратить внимание ваших превосходительств на некоторые особенности позиции, затрудняющие послезавтрашнее дело. Как видите, батальоны мушкетерских полков Низовского и Ревельского отделены от главных сил проливом. А полки 4-й Егерский, Ревельский и Тенгинский продвигаются по узкому дефилею к мосту, обороняемому карельскими драгунами. Таким образом, наши войска накапливаются в тесном проходе, как бы закупоренном пробкою моста.

Долгоруков. Мои молодцы вышибут эту пробку подобно струе шампанского.

Тучков. Однако же струя может брызнуть назад и облить вас с ног до головы.

Долгоруков. Осторожные не пьют шампанского.

Тучков. Зато и не обтекают.

Долгоруков. То-то вы обтекли шведов весной.

Начальник кавалерии. Что, если нам посадить егерей позади кавалеристов на лошадей и рысью преодолеть мост, прежде чем противник успеет его разобрать?

Тучков. Дельное предложение. Занесите в диспозицию.

Долгоруков. Куда годятся эти кентавры, которые не могут ни цельно стрелять, ни быстро скакать? Вычеркните.

Тучков. Как вы можете распоряжаться? Я генерал-лейтенант, а вы генерал-майор.

Долгоруков. У меня есть личное распоряжение императора на бланке.

Тучков. А у меня приказ главнокомандующего. (*Потрясает приказом.*)

Долгоруков. Кто же, по-вашему, главнее?

Начальник пионери. Положим, что мост все-таки будет разобран. Как я буду чинить его под ядрами?

Начальник артиллерии. Предлагаю выдвинуть на берег пролива батарею конной артиллерии и осыпать картечью неприятельские шанцы, пока наши пионеры будут работать на мосту.

Командир Ревельского полка. Я тем временем подтяну свои батальоны и ударю на шведов в штыки.

Начальник кавалерии. А мои уланы ударят во фланг и переколют прислугу на шведских батареях.

Долгоруков. Сам Наполеон не придумал бы лучшей диспозиции.

Тучков. На вашего Наполеона тоже найдется управа. Если же мы будем стрелять картечью через головы наших пионер, она все равно не долетит до неприятельских рядов. Грохота много, а толку мало. Я против.

Долгоруков. Против меня или против шведов?

Тучков. Я против мальчишества. Долгорукие спешат, а солдаты расхлебывают.

Долгоруков. Вы намекаете на брата Петра?

Тучков. Я напоминаю про Аустерлиц.

Долгоруков. Пуганая ворона куста боится. Я имею в виду вашу ретираду* от Пикайоки.

Тучков. Однако я бы попросил...

Командир 4-го Егерского полка. Пока мы развернем орудия, шведы успеют разобрать мост. Что, если нам бегом, без ранцев броситься за кавалерией, рассыпаться по берегу и открыть по шведам беглый огонь? Тем временем артиллеристы установят батареи, а линейная пехота развернется для атаки.

Долгоруков. Великолепный план.

Тучков. Ни к черту не годится.

Алексеев. Стало быть, будем опять воевать по-русски. Сначала собираться чуть не до вечера, а потом лезть всем скопом напролом.

Командир Ревельского полка. Покудова шведы не устанут нас бить и не разбегутся.

Начальник штаба. Но именно так действует Наполеон. Он создает на узком участке фронта колоссальное превосходство сил...

Долгоруков. *À la guerre comme à la guerre***.

Тучков. Оставьте ваши французские замашки.

Долгоруков. А вы перестаньте трусить.

Тучков. Я заслуженный генерал. Как вы смеете обвинять меня в трусости?

Долгоруков. У вас есть шанс доказать свою смелость в огороде, и немедленно. Поручик Липранди, граф Толстой, я попрошу вас быть моими секундантами.

Скандал. Офицеры вскакивают с мест и кричат наперебой.

Алексеев. Неслыханно!

Ф. И. Толстой. Отлично!

Начальник штаба. Это первый подобный случай в военной истории.

Начальник кавалерии. Поскольку оскорбление средней тяжести, надо рубиться на саблях.

Командир 4-го Егерского полка. Долгоруков на пятнадцать лет моложе Тучкова — только пистолеты.

* Ретирада — отступление.

** На войне как на войне (франц.).

Командир Тенгинского полка. Куда мне вести моих солдат, если генералы перебьют друг друга?

Тучков. Напрасно изволите беспокоиться. Я не стану драться с князем Долгоруковым.

Алексеев. Слава тебе господи!

Ф. И. Толстой. Позвольте!

Долгоруков. Интересно знать: как вы теперь поступите?

Тучков. Глупо и безрассудно генералам драться накануне сражения, когда их могут и так убить. К тому же на карту поставлены государственные интересы. Предлагаю вам выйти послезавтра вместе со мною в передовую цепь и стоять под неприятельскими выстрелами до тех пор, пока Господь нас не рассудит и один из нас не падет. Вот и посмотрим.

Долгоруков. D'accord*. Бог не Микишка.

Ф. И. Толстой. В таком дуэле даже я не участвовал.

Тучков. Вас еще забыли спросить.

Командир Тенгинского полка. Куда же мне все-таки вести свой полк?

Алексеев. Вы, батенька, как будто первый день в армии. Ведите куда попало.

*(Резолюция рукою князя Долгорукова:
«Федька, переписи прилично!!!»)*

О ловле нежных созданий (продолжение)

Под вечер 13 октября финский рыбак, проверявший на озере сети, увидел из лодки русский отряд, который ехал шагом по дороге на краю каменистого обрыва. День был ясный, бодрый и почти по-летнему теплый. Лес на осыпавшейся скале, окруженной темным извилистым заливом озера, полыхал всеми оттенками пестрого лоскутного одеяла в тускнеющем бронзовом закате, и на декорации из яркой желтой, багровой, бурой и местами еще зеленой листвы фигурки всадников казались вырезанными из бумаги черными силуэтами.

Впереди ехала полусотня казаков в цилиндрических шапках с алыми хвостами и синих кафтанах, из-под которых виднелись шаровары с лампасами. Тонкие пики казаков былинками колыхались в такт лошадиной поступи. Следом за казаками ехали два генерала в ботфортах, золотых эполетах и высоких шляпах с раскидистыми черными плюмажами, будто специально изобретенными для лучшего прицеливания. Генералов сопровождали свитские офицеры в мундирах разных цветов, в шляпах, киверах и фуражках, с эполетами и без. А замыкал колонну отряд драгун в длинных шинелях и касках с гребешками. В правой руке каждый драгун держал упертый в колено карабин.

* Согласен (франц.).

Ехавший вне строя драгун с двухцветным гребешком на шлеме, на-
верное вахмистр, прицелился в рыбака и сказал: «Пиф-паф!» Драгуны
заржали, и в ответ заржали их огромные кони. Рыбака окатило жарким
страхом до самых корней волос, и он уронил в воду наполовину выбран-
ную сеть.

Вахмистр что-то отрывисто рявкнул, и солдаты стройно, на два го-
лоса запели:

Ах, скучно мне
На чужой стороне.
Все немило,
Все постыло.
Друга милого нет,
Не глядел бы я на свет.
Что, бывало, утешало,
О том плачу я.

В кроткой осенней тишине печальная песня доносилась так ясно,
словно певцы находились в двух шагах, и даже когда последний солдат
скрылся за лесом.

«Как прекрасно, — подумал финн. — И за что Господь наградил
талантами этот грубый и злой народ?» Он с сожалением оставил в пучине
полную рыбы сеть и взялся за весла. Рыбак этот был отпущенный на
побывку солдат, и он обязан был срочно предупредить начальство о подо-
зрительных перемещениях противника.

Под действием жалобной песни князь Долгоруков захотел перемол-
виться с кем-нибудь более душевным, чем прямолинейный генерал Алек-
сеев. Он кивнул Толстому на место справа от себя. Федор втиснул свою
лошадь между двумя генеральскими, и Алексею, оттесненному на обо-
чину, пришлось отъехать назад, к штабным.

«Никакой субординации», — подумал тот об Американце, с кото-
рым, впрочем, давно смирился.

— Как тебе условие генерала Тучкова? — спросил Долгоруков, при-
держивая лошадь.

— Хорошая мина при плохой игре, — отвечал Толстой. — По-моему,
он трусил.

— Тучков все что угодно, только не трус, — великодушно заметил
Долгоруков. — Но я не дам ему разделить мою победу пополам. Два по-
бедителя в одной битве как два мужа при одной жене.

— Нам следует сначала разгромить Тучкова, чтобы не мешал во-
евать, а потом обратить штыки против Сандельса, — предложил Толстой.

— У меня есть более надежный способ сохранить мои лавры.
Я сделаю так, что к прибытию Тучкова Сандельс уже будет вручать мне
свою шпагу, а ты будешь считать захваченные знамена шведских полков.
Я прикажу атаковать...

Вдруг взгляд князя остановился на каком-то предмете за плечом Толстого. Долгоруков резко остановил коня, лошадь генерала Алексева налетела мордой на круп коня Толстого, строй смешался, и казаки из передних рядов стали в недоумении оглядываться.

— Парнасский прохвост! — яростно воскликнул Долгоруков.

Толстой невольно оглянулся, но, не найдя вокруг никого, к кому относилось бы это высказывание, подумал, что князь отчего-то осерчал на него самого.

— Дай мне свой кивер, да побыстрее, не расстегивай! — потребовал князь, прежде чем Федор успел обидеться, сорвал кивер с головы Толстого, мигом спешился и бросился в кусты.

— *Encore une de ses bizarreries!** — заметил Алексеев.

— Должно быть, это действие клюквенного сиропа, — предположил Липранди.

Через несколько минут князь Долгоруков вернулся с расцарапанной щекой, весь покрытый репьями, но просветленный, так что Толстому подумалось, что Липранди, пожалуй, был прав. В вытянутых перед собою руках Долгоруков бережно нес кивер, накрытый лопухом.

— Я поймал его, Федя! — просиял князь.

— Да кого вы там поймали? — не понимал Американец.

— Парнассиус аполло, мать его! Полюбуйся, как хорош, мерзавец!

Долгоруков заманчиво отодвинул лопух и поднес кивер к глазам Толстого. Затем он и сам попытался что-то рассмотреть в темноте сквозь узенькую щелку.

— Мне показалось, что в шапке ничего нет, — с глубоким сожалением констатировал Толстой.

В свите генерала переглянулись.

— Ради бога, поймите меня правильно, Михаил Петрович, — шепотом сказал Толстой, наклоняясь к самой холке коня. — Но в середине октября бабочки летают только в Южном полушарии, где в это время весна. Когда мы будем завоевывать Патагонию...

Долгоруков сбросил с кивера лопух и стал разглядывать внутренность военного колпака сначала издали, а потом в упор. На дне его лежала одна сухая былинка.

— Я видел его, как твой нос, — упорствовал князь. — Палевый, почти беленький душка. На нижних крыльях по паре красных глазков, а на верхних черненькие пятнышки. По-твоему, я одурел?

Спутники Долгорукова тягостно молчали, не зная, что и подумать о странной выходке начальника, который послезавтра поведет их в бой.

«Должно быть, князь галлюцинирует от несчастной любви», — догадался Толстой. Долгоруков тяжело вздохнул, взгромоздился на коня и взмахом перчатки приказал продолжать движение.

* Опять его странности! (франц.)

— Ты думаешь, должно быть, что я рехнулся от любви? — усмехнулся он.

— Ну что здесь интересного? Марш по местам! — прикрикнул Толстой на обступивших генерала товарищей.

— Ты мне не ответил, — строго напомнил Долгоруков, после того как всадники сзади и спереди освободили им пространство для интимного разговора.

Это походило на обращение падишаха к своему визирю за советом, от которого зависела голова советчика. И Талейран не смог бы более ловко вывернуться из столь щекотливой ситуации.

— Я полагаю, ваше превосходительство, что многие явления природы кажутся необъяснимыми лишь постольку, поскольку они неизведанны, — сказал Толстой, потирая переносицу. — Во время путешествия на корабле «Надежда» мой научный наставник профессор Тилезиус обнаружил в самом центре Атлантического океана светящуюся блоху, которая ничем не отличалась от насекомых из шкуры домашних животных, хотя накануне не выпил ни капли рому. И никто из представителей научного мира не посмел обвинить Вильгельма Готлибовича в дурости.

— Если бы твой Тилезиус полюбил такую женщину, то ему на Северном полюсе померещились бы жирафы.

— О, как я вас понимаю, Михаил Петрович! — с жаром согласился Американец, весьма довольный тем, что рискованная энтомологическая тема сменяется общечеловеческой, амурной.

— Что же ты, к примеру, понимаешь? — подозрительно справился генерал.

— Мне посчастливилось танцевать на балу с вашей *Princesse Nocturne*. И признаюсь, от этого танца у меня сильно закружилась голова.

— Ах, Феденька, ну при чем здесь *Princesse Nocturne*? — с досадой воскликнул Долгоруков.

Толстой оглянулся на тот случай, чтобы их разговор не достиг чьих-нибудь нескромных ушей.

— Мне кажется, что именно о княгине Г. вы рассказывали при нашей последней ловле бабочек.

— Я рассказал тебе о Черной Принцессе, но умолчал о Рыжей. Прикажи казакам, чтобы они спели самую печальную песню своего репертуара. Сейчас ты поймешь, что рыжая женщина настолько же опаснее черной, насколько тигрица опаснее пантеры. И страдания от любви к Черной Принцессе показались мне приятной щекоткой после вулканической страсти к Рыжей.

Всадники запели о том, как казак скакал через долину с войны лишь для того, чтобы убедиться в неверности казачки, и в сердцах выбросил заветное колечко в тихий Дон, Яик или, возможно, какую-то другую глубоководную реку. Песня надрывала суровую военную мужскую душу так сладко, словно война специально была устроена для таких историй.

— Даже тебе, *mon cher Américain*, — заговорил князь, — не могу я назвать настоящего имени Рыжей Принцессы. Скажу только, что она принадлежит к одной из августейших фамилий Европы, а ее старший брат недавно стал монархом небольшой, но зажиточной германской державки. Впрочем, сей Вильгельм (назовем его так) с детства воспитывался при дворе своей родственницы Екатерины II и стал таким же русским, как ты да я. А Рыжую Екатерина Великая называла дочерью и прочила на роль королевы в одном из немецких государств, которые весь прошлый век представляли нам императриц.

Ты, наверное, знаешь, что нравы при дворе Екатерины не отличались благочестием, и детей воспитывали французские вольтерьянцы. Примеры самого грубого разврата лезли в глаза Рыжей Принцессы и ее брата в каждом закоулке дворца, на каждой лежанке, в каждой беседке дворцового парка. Никто и не думал тогда ограждать августейших детей от зрелищ разнузданной чувственности. Едва ли не от самой колыбели стены их детской были покрыты непристойными «античными» фресками, а их безбожный учитель на примере модных французских вольнодумцев доказывал, что целомудрие есть удел уродов и гупцов, но каждый просвещенный человек должен пестовать и улаживать свои природные инстинкты.

Представь себе мое недоумение, когда я был доставлен во дворец камер-пажом и после тульской глуши, где я удил рыбу и играл в бабки с крепостными ребятами, попал в какие-то чертоги Калигулы. Я был почти уже взрослый мальчик, но не понимал и половины двусмысленных разговоров, которые вели между собою брат и сестра. Признаюсь, было дико видеть, как они в моем присутствии купаются нагие в ручье или часами барабашатся в одной постеле, перешептываясь, хихикая и рассматривая гравюры с какими-то переплетениями тел, от которых у меня кругом шла голова.

Иногда Вильгельм и Рыжая, которую он называл своею Обезьянкой, сговорившись, набрасывались на меня, щекотали и пытались сорвать одежду, а я отбивался и убегал от них в сад, смущенный до слез. Впрочем, наши отношения были вполне братские, и я страшно бесился, когда Вильгельм шутя прочил Обезьянку мне в жены. *Princesse Rouge** казалась каким-то сорванцом в юбке и не могла вызывать у меня романтического томления, как жеманные напудренные фрейлины возрастом несколько старше нас. Кроме того, на фарфоровой коже принцессы, характерной для природно-рыжих людей, вблизи можно было рассмотреть какие-то мраморные крапинки. А я тогда полагал, что романический герой не может быть влюблен в конопатую барышню.

— Она была красива? — уточнил Толстой.

Долгогузов задумался, похлопывая себя перчаткой по бедру.

* Рыжая Принцесса (франц.).

— Ах, если бы она была прекрасна, как Ночная Принцесса, все было бы проще. Однако красавицей в точном смысле слова ее не назовешь. Нос вздернут и немного толстоват, глаза слегка навькате, как у ее безобразного отца, безумного немецкого герцога. Но те же самые черты, которые делали ее отца похожим на мопса, придавали ей невыразимую прелесть. Эта резвость, свойственная игривым щенкам, этот залиvistый смех и переменчивость настроений... Эта ее жадная любознательность до всего, что происходит вокруг... И яркий контраст медных волос с зелеными глазами и белой кожей... Она не была писаной красавицей, да только хваленые красавицы перед нею меркли. Боготворить ее, как *Princesse Nocturne*, казалось странно. Но отойти от нее было невозможно, и гипнотизированные поклонники влачили за нею толпами.

Вскоре мое пребывание при дворе завершилось. Вильгельму подыскали достойную немецкую принцессу из какого-то великого герцогства размером с Торжок, а для Рыжей начался сезон охоты на короны, который составляет содержание жизни девушки, имевшей несчастье родиться королевной. Я вместе с графом Zubовым отправился в злосчастный Персидский поход, где получил тяжелое, но необходимое военное воспитание. А Рыжая тем временем вела сражения на матримониальных фронтах, столь жестокие и беспощадные, что слухи о них неслись от турецкого серая до Тюльери и от Афинов до Кяхты.

— Я полагал, что только в Средние века принцесс сватали по миньюторному портрету, а замуж выдавали силком, в обмен на владения, — заметил Толстой.

— Увы, теперь принцессы сами ловят венценосных женихов, когда те собираются на конгрессы, как львицы хватают рога носных оленей, сходящихся на водопой, — вздохнул Долгоруков. — Для политиков Тильзит был ареной борьбы за власть. Для августейших же девиц это какая-то Макарьевская ярмарка, на которой они предстают одновременно товаром и продавцом, а их красота оценивается землями и рентами. Впрочем, и сами они являются не более как пешками в руках могущественнейших шахматистов. И чем выше положение царственной особы, тем менее она имеет возможности выбора.

— В таком случае царевны суть такие же невольницы, как крепостные девки, которых стоимость измеряется красотой, — сказал Толстой.

— Увы, мой друг, цари правят миром, в котором сами они последние невольники, — согласился Долгоруков и лицемерно подумал: «Слава богу, что я не царь».

«На кой черт тогда лезть в цари?» — искренне подумал Американец.

— В шутку или всерьез, Екатерина Великая прочила Рыжую в императрицы Константинополя. Для роли же нового византийского императора она готовила своего среднего внука, как следует из самого его имени. На сей конец Константину при всем его невежестве даже удалось овладеть греческим языком. Однако химерический проект завоевания

Цареграда умер вместе с великой императрицей, а политический масштаб великого князя остановился на уровне фельдфебеля.

— Рыжая не любила Константина Павловича? — справился Толстой, перебирая при этом в уме, кто бы могла быть эта загадочная девица, претендующая на роль императрицы очередного, четвертого по счету Рима.

— Полюбить барабошного Константина было мудрено при ее уме и оригинальности, — возразил Долгоруков, оглянувшись при слишком громком упоминании великого князя. — Зато она помешалась на идее мирового владычества, которая была ей стократ дороже всех красавцев мира. Кажется, ей не давало покоя воспоминание об ее названной матушке, которая ведь тоже начинала захолустной немецкой принцессой, а закончила владычицей полумира.

— Но не себя самой, — напомнил Толстой.

— И не своих остывающих инстинктов, — добавил Долгоруков.

Эти молодые повесы тем поучительнее рассуждали о губительности человеческих страстей, чем более сами им были подвержены. Так хорошо разбираются в чужих болезнях только тяжелобольные люди.

— Во время царствования Павла моей принцессе приходилось довольствоваться при дворе самой скромной ролью и самыми скромными доходами — именно вследствие ее близости к покойной императрице. Для поддержания приличного существования Рыжая, правда, получала ренту с какого-то казенного имения, но по желанию императора должна была ее лишиться тотчас после замужества с иностранным подданным, дабы доходы от государственных крестьян не покидали нашего бюджета. Таким образом расстроился ее брак с незначашим герцогом В., который по прибытии в Петербург казался страстно влюбленным — ровно до того момента, как узнал о мнимом приданом своей избранницы.

Впрочем, и сама Princesse Rouge была не слишком опечалена изменой герцога В., которого политическое ничтожество было пропорционально роскошеству костюма. К тому же этот В. был отчаянный трус. Я был самовидцем того, как, командуя одним из полков при Аустерлице, он боялся скакать галопом, и солдат водил его лошадь по полю под уздцы.

— Принцесса и его не любила?

— Принцесса скачет по буеракам как дьявол, фехтует не хуже нас с тобою и с двадцати шагов попадает из пистолета в туза, — сказал Долгоруков. — Это настоящая чертовка в юбке.

— Я вам сочувствую, — сказал Толстой.

Вдруг спереди хлопнули два выстрела, колонна приостановилась, и казаки загалдели. Загораживая корпусом генерала, Толстой подался вперед и достал из седельной кобуры пистолет.

— Не извольте беспокоиться, это заяц, — с угодительной улыбкой передал по цепи казачий сотник.

Оказывается, станичники палили по перебежавшему дорогу зайцу. Долгоруков задвинул в ножны кавалерийскую саблю, которую носил на походе вместо шпаги, и продолжал рассказ.

— Ежели бы моя принцесса с горя вышла замуж за ничтожного герцога В. при Павле Петровиче, то при Александре Павловиче она, несомнительно, съела бы от злости свою шляпку вместе с воалем и цветами. Потому что при новом императоре перед Рыжей открылись самые великолепные вакансии в Европе.

«В царицу он, что ли, влюбился?» — подумал Толстой с уважением к чужому безумию.

— Кронпринц Б. был наследником в одной из самых значительных после Пруссии германских стран, с ним считались все три императора Европы, и каждый пытался перетянуть его на свою сторону перед решающей схваткой. Австрийский император обещал с ним поделиться своими славянскими землями, французский угрожал отнять у него корону, а русский заманивал невестой. Ибо *Princesse Rouge*, считаясь на ту пору подданной российской короны, получила от венценосного суверена такое содержание, которое немногим уступало бюджету королевства Б.

В то время как я изнывал по Черной Принцессе и пытался совместными радениями соединиться с душою Ганнибала, Рыжая, ее брат Вильгельм и император Александр вели лихорадочные брачные переговоры с кронпринцем, который должен был вступить в антинаполеоновскую коалицию, если хочет получить в свои объятия Прекрасную Обезьянку. Кронпринц не возражал против Прекрасной Обезьянки и ее солидного приданого, но страшился Наполеона, стоявшего под его стенами с огромной ратью. Ибо его маленькая корона была ему дороже самой большой любви. Кронпринц Б. покинул Петербург и будущую невесту в самых пылких чувствах, с намерением вернуться и сыграть свадьбу в ближайшее время, однако после этого их переписка отчего-то становилась изо дня в день все более вялой, а после Аустерлица и вовсе сошла на нет. Вскоре европейские газеты сообщили о женитьбе кронпринца на одной из многочисленных родственниц Наполеона, за которой последовало фактическое присоединение его королевства к Франции.

— Променять наше рыжее золото на корсиканскую ворону... — заметил Американец.

— Вот что значит жениться по расчету, который неверен, — согласился Долгоруков.

— Рыжая была уничтожена таким конфузом?

— О, ты не знаешь рыжих! Когда кронпринц Б. стал королем и из ведущих актеров европейской сцены перешел в кордебалет Наполеона, Рыжая нацелилась на должность императрицы, о которой бредила с детства. И на сей раз в ее планах не было ничего фантастического.

«Ужели она решилась отравить государыню Елизавету Алексеенну?» — мысленно ужаснулся Американец. И Долгоруков, как обычно, ответил на его мысль.

— К тому времени скончалась родами императрица Австрии, оставившая своего мужа Франца I вдовцом с двенадцатью детьми.

— Я полагаю, что кайзеру надо было обладать немалыми мужскими достоинствами, чтобы настрогать целый плутонг кронпринцев, — уважительно присвистнул Толстой.

— Напротив, — возразил Долгоруков. — Я еще не встречал такого ничтожества. Император Франц, как я успел заметить, был самым неряшливым, нелюбезным и трусливым среди европейских монархов. К тому же он был значительно старше Рыжей Принцессы и изрядно потаскан.

— Представляю себе, как она страдала от необходимости совокупиться с таким чудовищем!

— Напротив! Она настолько воспламенилась ненавистью к Наполеону, что вознамерилась во что бы то ни стало объединить против него силы всех европейских держав. И для этой патриотической цели готова была пожертвовать своим прекрасным телом.

— Ей это удалось?

— Увы, к моему счастью или на мою беду, все матримониальные авантюры Рыжей Принцессы оканчивались крахом вместе с ее претензией возглавить хоть какую-нибудь из мировых держав. Ибо после Тильзитского мира Бонапарт из корсиканского чудовища превратился в нашего временного любезного брата, а кайзер Франц, напротив, в притворного врага. И мой приятель король Вильгельм по указанию Александра запретил своей сестре даже думать об Австрии.

— Нет худа без добра, — бодро откликнулся Толстой. — Зато у вас появилась возможность утереть нос Черной Принцессе и завоевать Рыжую. Как знать, возможно, и вам перепадет какое-нибудь уютное княжество, в котором я буду отправлять должность визиря при вашей особе?

— Ты слишком забегаешь вперед, — произнес мрачно Долгоруков, поскольку Толстой увлекся рассказом и обогнал лошадь командира на полкорпуса. — Огненный цвет волос как бы роднил Рыжую с фениксом, который после каждого сгорания возрождается из пепла усиленным. Среди людей обыкновенных невеста, отвергнутая женихом под самым венцом, считается навеки опозоренной и обесценивается в глазах соискателей, даже если все ее прелести при ней. С Рыжей Принцессой происходило нечто противоположное. Ибо после каждого брачного конфуза могущество следующего претендента на ее руку возрастало. Так на примере европейских монархов подтверждается стадный инстинкт покупателей на ярманке или травоядных скотов. Когда никто не подходит к товару слишком большой ценности, то всем и кажется, что этот товар не про них. Но вот перед прилавком задержался солидный господин, это заинтересовало любопытную даму, другой барыне стало завидно... И вот уже покупатели толкаются локтями, вырывая друг у друга вещь, которая казалась безделицей.

Я только хочу сказать, что следующим моим соперником стал Наполеон. Да-да, *mon cher Américain*, держись в седле крепче. Формального предложения от императора Франции Рыжая пока не получила, однако мне положительно известно через ее брата, что во время Тильзитских переговоров Александр и Наполеон проводили за интимными беседами целые часы, гуляли под руку по берегам Немана и за пределом Европы подбирали новую супругу для императора французов, недовольного бесплодием Жозефины. Я не буду утверждать, что в этой колоде невест моя Рыжая была козырной дамой, но шансы ее казались авантажны.

— Как игрок, я знаю, что выгодную карту мало получить — надо еще ею распорядиться, — философски изрек Толстой.

— Сейчас ты узнаешь, как Рыжая распорядилась картой стоимостью в половину мира и отчего за один каприз такой женщины я без раздумья брошусь в огонь.

Из Тильзита Вильгельм написал своей Обезьянке письмо, представляющее во всех деталях мировой пасьянс венценосных невест, и сообщил об ее вероятном будущем. Зная правила переписки такого рода, можно было не сомневаться, что подобное сообщение равносильно приказу и исходит оно не от малозначительного брата Вильгельма. Равно как и в том не сомневаться, что ответ Рыжей тотчас ляжет на столы императоров Александра и Наполеона. Письмо *Princesse Rouge* я видел позднее из собственных рук Вильгельма и ее ответ запомнил буквально. Вот он: «Скорее я выйду замуж за первого встречного истопника. Что за беда, что он грязный, ведь я могу его помыть».

— Bravo! — воскликнул Толстой, трижды хлопнул в ладоши и подумал: «В роли первого истопника — князь Долгоруков».

— В роли истопника оказался один важный генерал, фамилию которого я также не могу разгласить, — ответил на его мысль Долгоруков. — Могу только намекнуть, что он азиатец и у него самый длинный нос в русской армии.

«Багратион?» — легко додумался Толстой.

— Такова была диспозиция, когда я в начале этого года явился в салоне *Princesse Nocturne* в качестве смиренного друга и узнал в остроумной, скульптурной, дерзкой гостье с огненными волосами и зелеными глазами мою подругу детства. Вернее, сначала я влюбился, а потом узнал ее.

В тот вечер играли в *charades en action**. Наверное, ты знаешь эту детскую забаву, когда один игрок разыгрывает какое-нибудь действие без слов, а остальные, поочередно высказываясь о свойствах загаданного, постепенно приближаются к истине. Игрок, который первым попадает в цель, получает от ведущего награду в виде какого-нибудь желания и занимает его место. К примеру, в комнату заходит господин в генеральском

* Живые шарады (франц.).

мундире, который всеми силами своего таланта изображает, как ему хорошо. И это должно означать выражение «*bien être général*»*.

— Шутка стара как мир: «Хорошо быть генералом», — догадался Толстой.

— Именно. После чего угадавший приказывает генералу снять панталоны, воткнуть себе в зад плюмаж от генеральской шляпы и трижды прокукарекать.

— Надеюсь, вас миновала чаша сия? — невинно справился Толстой.

— Увидишь, что я не остался внакладе, — пообещал Долгоруков. — В артистическом салоне княгини Г. даже такое пустяковое развлечение, каковы *charades en action*, исполнялось с исключительной выдумкой. Публика здесь собиралась далеко не ординарная, мне даже посчастливилось встречаться с Карамзиным, а посему иные гости превращали свои загадки в целые спектакли с костюмами, декорациями и вспомогательными актерами.

Граф О. заменил меня на страдательном посту платонического возлюбленного Ночной Принцессы. Он и выступил первым, представив нам следующую композицию. Вначале граф вышел на сцену в парике, чулках и допотопном васильковом кафтане и с самым серьезным видом продекламировал гремучее стихотворение Третьяковского. Затем слуга вынес на подносе неошипанного рябчика, а граф О. вновь явился на сцене с нагайкой и немилосердно отхлестал убиенную птицу. Знаешь ли, что это означало?

— Дайте подумать... — Толстой дернул себя за нос, как обычно при умственном усилии. — Я бы сказал, что это значит: за такие стихи мало убивать.

— Ты близок к догадке, мой друг. Шарада графа О. означала: пороть дичь. После бурного и продолжительного гадания победительницей стала Ночная Принцесса, которая заставила графа О. немедленно огласить при всех свое самое сильное желание, даже если оно верх неприличия. «Умереть подле ваших ног», — признался граф О. с робостью, совершенно не свойственной ни его званию, ни его летам.

— И только? — разочарованно присвистнул Толстой.

— Притом что через неделю граф О. на конной прогулке с княгиней нечаянно упал с лошади и переломил себе шею, действительно у самых ее ножек, его желание не кажется мне таким уж пустяком, — возразил Долгоруков. — Живая картина Ночной Принцессы была чрезвычайно мудреной и аллегорической, как все, что исходило из темных лабиринтов ее путаного ума. Прежде всего на фоне декорации из каких-то итальянских руин явилось чудовище — лакей в косматой шкуре и безобразной маске с клыками, — напоминающее то ли медведя, то ли ражего самца

* Общее благосостояние (*франц.*); если же переводить дословно, то получается «хорошо быть генерал».

гориллы. Эта безобразная тварь исполнила на сцене что-то вроде матросского танца, сломала деревце, растоптала декоративный грот, наплевала в ручеек и вдруг наткнулась взглядом на Ночную Принцессу, грациозно раскинувшуюся в сени какого-то картонного италийского дерева. Спящая красавица была едва прикрыта газовой шалью в самых интересных местах, зрители при виде ее громко сглотнули слюну, а я, признаюсь, ощутил в сердце болезненный укол ревности, коего совсем не ожидал.

На хорах заиграла тревожная музыка. Мерзкая горилла склонилась над спящей нимфой и стала изображать борение чувств, среди которых восхищение девственной красотой состязалось с самой грубой похотью в пользу последней. И в тот самый миг, когда чудовище совсем уже приговорило сорвать с Принцессы последние покровы и все мужчины непроизвольно приподнялись на своих стульях, на сцену в лучах яркого света вбежал рыцарь в сияющих латах, шишаке со страусовыми перьями и с луком в руке.

Этот рыцарь был граф О. Я невольно обратил внимание на то, что в обтягивающем балетном трико его мужские достоинства производят внушительное впечатление, и это наблюдение не доставило мне удовольствия. Рыцарь пустил стрелу в чудовище, которое издохло в страшных конвульсиях, подхватил на руки Принцессу, очнувшуюся ото сна и целомудренно прикрывшуюся, и унес ее под сладостные рыдания скрипок. В зале воцарилось глубокое молчание.

«Демон заблуждения покушается на спящий разум, но падает под стрелами истины», — прозвенел надо мною голосок Рыжей, которая сидела в верхнем ряду скамеек, установленных ступенями, и упиралась ботинкою мне в спину. Публика одобрительно загудела и разразилась аплодисментом. Я сразу понял, что ответ подстроен... Ты не устал меня слушать, дядя Федор?

— Нисколько. Я только думаю, что надо разыграть подобное действие среди офицеров нашей бригады, когда остановимся на винтер-квартиры. Живые шарады развивают смекалку.

— Пожалуй, я распоряжусь... Итак, вместо италийского грота слуги установили на сцене италийский же лужок, где паслись италийские овечки в сопровождении соответствующих пастушков.

«Пастораль? Идиллия? Елисейские поля?» — гадали зрители, а Рыжая, прохаживающаяся перед нами с видом классной дамы, на все отвечала «froidement»*, пока кто-то не догадался: «Поле».

После этого на поле явилась весьма искусно вырезанная и раскрашенная картонная овечка, которую подергивал за нитки замаскированный лакей. К восторгу зрителей, овечка грациозно трусилась по полю, щипала травку и вибрировала малодушным «бе-е-е». На ее кудрявой голове красовалась характеристическая треугольная шляпа, которую не признать было мудрено. И тут уж догадки посыпались градом.

* Холодно (франц.).

«Бонапарт! Император! Бонапарт на поле славы. Бонапартий — баран!»

И я поспешно вставил:

«На-поле-он!»

«Vous avez de la chance*. Вот вам!» — пленительно сказала Рыжая и бросила мне перчатку.

Однако после относительно простого Наполеона, ошипывающего славу на поле чести, явилась совсем уж непонятная чучела. Этот актер был одет в латы и шлем, одолженные из предыдущей зарисовки, но его кольчуга в рукавах свисала до колен. Помотав длинными рукавами ровно столько, сколько нужно для всеобщего внимания, рыцарь засучил один рукав, достал из кармана обширный носовой платок с инициалами «П. Д.» и потер им кудрявую мордочку Наполеона. Затем он дал барану крепкого пинка, занавес опустился и представление закончилось.

Все догадки были «froidement», включая «Россия и Франция на поле мировой гегемонии», «У России до Наполеона руки дойдут», «С Наполеоном нельзя спустя рукава» и так далее и тому подобное, пока граф О. не брякнул: «Долгорукий» — и тут же извинился за глупость.

«Отчего же... — пропела Рыжая, похлопывая себя веером по ладони. — Chaudement** и очень chaudement».

«Ну, разумеется, князь Долгорукий, витязь с длинными руками, легендарный основатель Москвы. Нет, скорее Долгоруков Петр, помните инициалы “П. Д.”? Очевидно, имеется в виду ссора князя Петра с Наполеоном при Аустерлице», — поумнели все разом задним умом.

И в паузе между высказываниями из меня как-то само собою вырвалось:

«Долгоруков утер нос Наполеону».

Я победил, и моя победа стоила десятка сражений. Потому что в награду мне досталась Рыжая Принцесса.

«Какое ваше желание должна я исполнить, мой повелитель?» — спросила Рыжая, грациозно приседая передо мной в притворном смирении.

«Я не могу его огласить, а потому и не могу настаивать на его исполнении», — возразил я.

«В таком случае я отдам вам нечто такое, чем дорожу более всего на свете, а вы вольны отвергнуть мой подарок, если он не по вкусу. Князь, я попрошу вас проводить меня домой тотчас. У меня разболелась голова».

Я покинул салон княгини Г. словно в тумане. Последнее, что запомнилось при прощании, была закушенная губа Ночной Принцессы, злые глаза дам и раскрытые рты кавалеров...

* У вас шанс (франц.).

** Горячо (франц.).

— Рыжая Принцесса распорядилась подать чаю, — продолжал Долгоруков, — а сама отошла, как говорят англичане, to slip into something comfortable*. Я прохаживался по ее уютной гостиной, рассматривал гравюры, с отменным вкусом развешанные по обитым шелком стенам, и гадал, в каком же виде предстанет передо мною моя чаровница. Время шло, часы вязко отбили третий час ночи, а Рыжая, как истинная дочь Евы, все тянула и тянула гуммиластик. Мой пыл уже начал остывать, к тому же и выпитое шампанское давало себя знать все более неотложно. Срочные позывы делали любовное томление не токмо второстепенным, но и лишним. Я стал приглядываться к выходу, за которым могло бы находиться отхожее место, и сделал движение к звонку, чтобы справиться у слуги, как вдруг двери в соседнюю комнату распахнулись и оттуда выпорхнула на цыпочках моя гурия au naturel**. Да-да, Феденька, она была нагая, за исключением венка в ее рыжих кудрях, всклокоченных подобно языкам пламени, и крошечного крестика между капризно вздернутых груди.

«Сильно ли я изменилась с тех пор, как мы с братом Александром купались в Царском Селе?» — невинно спросила она.

Я без слов упал перед нею на колени и стал торопливо покрывать поцелуями ее младенчески нежные ножки.

«Мне кажется, что брата звали Вильгельм», — удивился Толстой, и вдруг его озарило, кто же была эта секретная пассия. Как можно было не догадаться? Ну конечно же, эта Рыжая — родная сестра императора Александра. Бедный, бедный Долгоруков!

— Когда мы разъединили наши объятия в пятый или шестой раз, уже при полном свете дня, то вдруг как-то разом порешили, что нам необходимо жениться. Сердечных препятствий со стороны Рыжей Принцессы никаких не оставалось. Она призналась, что последнее время была довольно близка с комендантом Павловска, тем самым долгоносим генералом, о котором я тебе намекал, но этот человек имеет жену и к тому же гораздо старше годами, а потому она ценит его лишь как заслуженного деятеля отечественной истории. Истинная и едва ли преодолимая преграда крылась в моем происхождении. Да-да, mon cher Américain, князь Долгоруков, принадлежащий к одной из самых древних и заслуженных боярских фамилий на Руси, был недостаточно высокого происхождения, чтобы жениться на этой барышне.

«Вильгельм любит тебя как родного брата и сделает все, чтобы уговорить нашу матушку, — жарко шептала мне на ухо Рыжая Принцесса, ерзая по мне своею шелковой ножкой. — Но даже согласия нашей матери может быть недостаточно для такого решения, в котором замешаны так или иначе главные дворы Европы. Окончательное решение остается за императором Александром.

* Набросить что-нибудь поудобнее (англ.).

** В натуральном виде (франц.).

Итак, тебе надлежит одержать в какой-нибудь войне несколько решительных побед и стать вровень с виднейшими полководцами Европы, чтобы мой выбор ни у кого не вызывал недоумения. А я тем временем буду интриговать в тылу. Александр меня обожает как родную сестру и даже более, он у меня в руках, и не будь я Рыжая, ежели к концу этого года не сделаю тебя моим королем!»

Не помню, как мы наконец разъединились, как я оделся и как в полудреме дотащился до дома. Однако после того, как я, засыпая на ходу, взшел в спальню, меня ожидало такое видение, от коего моя голова мигом прояснилась. Посреди комнаты в креслах утопала в складках черного шелка *Princesse Nocturne*! Ее пышные тяжелые волосы в беспорядке были рассыпаны по мраморным плечам, лакированная туфелька выглядывала из-под платья и отбивала нервный ритм, а пламенные очи сверкали гневом. Она была прекрасна как никогда.

«Вы провели всю ночь в объятиях *этой!*» — воскликнула Ночная Принцесса, бурно разрыдалась, оттолкнула меня и бросилась прочь.

Я упал на диван без сил. В голове звенело, как при Пултуске, когда возле самого моего уха лопнула французская граната. Мои чувства вопили, толкались и перекрикивали друг друга, как торгаши на Кузнецком мосту. Временами я чувствовал удовлетворение, оттого что поквитался с этой неприступной гордячкой и увидел ее возле моих ног, и тут же хотелось броситься за нею следом, потому что в этот миг я понимал, что никого и никогда не любил так сильно.

Я был вместе счастливейшим и несчастнейшим из смертных. Я хотел умереть.

(*Окончание следует.*)

Алена БАБАНСКАЯ

ЯБЛОЧКО ПЕСНИ

* * *

Приехать в город, жить на острове,
Где чаек выкрики гортанны.
И в туфлях с каблуками острыми
Ходить на Пряжку и Фонтанку.
Писать друзьям воображаемым
Воображаемые сплетни.
Стать стопроцентным горожанином
И летом в сад являться Летний.

* * *

Он опять выпускает на свет двойника,
Словно лист вырывает из дневника.
И двойник, сединой убеленный,
Где-то там, в параллельной вселенной
Много курит. И ясно, что дело табак,
Если яблочко песни на мертвых губах.
И мерцает вербальное тело.
И астральный проектор заело.

Злато скифов

1.

Слушай, любитель мифов,
Времени длань легка.
Лошади — злато скифов —
Скачут через века.

Степью ли раскаленной
 Мчатся — дрожит земля.
 В Маньч идут соленый,
 Крыльями шевеля.
 Мимо курганов, вскрытых
 Кем-то в недобрый час.
 Мимо холеных, сытых
 И равнодушных нас...

2.

Вот-вот распахнется бескрайний простор:
 Обрывистый берег в тиаре кустов,
 Там скопы и чайки летают лениво,
 И зеркальце Дона блестит под обрывом.
 А воздух цветеньем, как гладью, расшит.
 И медная птичка считает гроши.
 И я вспоминаю из детства,
 Как в зеркальце это глядеться.

3.

Крещена я водою донскою.
 Это значит, чего-то да стою.
 Я иду за своею звездю
 С растрепавшейся гривой гнедою.
 Я иду к сиротливым домишкам
 С жарким солнцем и ветром под мышкой.
 И пускай здесь совсем не хоромы,
 Только вишни вокруг, что короны,
 В первосортных багровых рубинах:
 Для своих, для друзей, для любимых.

4.

Выйдешь из себя погулять.
 Посмотреть, как люди живут.
 А вокруг такие поля,
 Золотистая пшеница по грудь!
 Вот орел парит и падает вниз.
 Гул цикады сквозь полуденный зной.
 Зимородка бирюза. Парадиз —
 Доморощенный, льняной, травяной.

* * *

Пока еще глаза не отцвели,
Пока еще уста не оробели,
Плывешь во чреве матери-земли,
Качаешься в посконной колыбели.
Пускай судьбу предвидеть не дано,
Пускай ты выживать не мастерица,
Калачиком свернешься — и на дно:
Со всех сторон обнимет материнство.

Как птица

Вытри нос, девчонка, скорее сядь!
Отложи полосатый мячик.
Детство кончилось где-то за пятьдесят.
Только смерть впереди маячит.
Так что быть серьезней уже пора,
Научиться держать осанку.
Перестань дурачиться и орать,
Позабудь про коньки да санки.
Позабудь про легкий велосипед,
Про его золотые спицы,
Крутанешь педали — и смерти нет.
И летишь, и летишь как птица.

Ток

Пока корпел в прозекторской прозектор,
Душа ушла по капельке в розетку
И стала электрической волной
Во славу нашей родины родной.
А мы чужой души не замечали.
Включали в доме свет и выключали.
Но, знаешь, утешительный итог,
Что вечность есть, пока в розетке ток.

* * *

Черное дерево горит, а белое тлеет.
Черное дерево вдали,
А белое рядом.
Черное дерево, кому оно надо:
Веток ершистый веер.
Птица его боится и не садится.
Да что там птица!
Только всего и трещит одна цикада.
Или огонь с хвостом барсучьим
ползет по сучьям

* * *

Что для юношей тверезых,
А тем более хмельных,
Пара сломанных березок
На просторах временных?
Потому — гуляй, рванина!
Потому — руби, топор!
Среднерусская равнина,
Поздней осени костер.

Жимолость

Точно жимолость одержимость.
Поддержи нас ягодой, поддержи нас
На зеленых ручках при сильном ветре.
Получи предлинным письмом в конверте.
Погоди, не рви, прочитай, запомни.
Урони с последней листвой под корни.

Кристина ВЫСОЦКАЯ

КРОВНАЯ СВОРА

П о в е с т ь *

11.

Да, Вова был такой, молчать не умел. Палил как из пушки. Благодаря этому качеству он поднялся и из-за него же погорел.

Они с Мариной родились в один год и в один день. Феня наконец-то дождалась большой и сильной любви, перед которой все остальные любви казались ничтожными. Материнская тоже, кстати, исключением не была.

Павлик появился буквально из ниоткуда. Точнее, вышел после очередной отсидки. Огляделся, присмотрелся и решил, что Фенька — самое то. Сам он был так себе. Да, ростом не обижен, морда скуластая, подбородок мощный, руки огромные, но глаза сидельца со стажем — глаза собаки, которая загрызет за здарсьте, — и если присмотреться, то видно, что степень потасканности и потрепанности близка к критической. Лексикон такой, что лучше бы молчать в тряпочку, но Павлик говорил, и много. А Феня ему в рот смотрела: «Павлуша — золотце!» Золотце как начало на зону ходить в шестнадцать лет, так до сорока оттуда почти и не вылезало. Со временем сидеть за решеткой в темнице сырой стало даже привычнее и проще: там и накормят, и нары предоставят, и лица почти родные — Пашу из Урги знали все близлежащие тюрьмы и колонии. А на свободе он терялся: чего делать-то? Работать, что ли?

И тут ему подвернулась эта бабенка — Фенька. Вроде жить можно.

Родился Вова. Павлик на радостях пустился во все тяжкие, пил и дебоширил так, что весь поселок колыбался. Отрихтовал морды всем, кому только мог. Разнес в щепки конюшню Платона (сестры Мира и Тая подсказали новому родственнику, куда можно с толком направить энергию), выбил ему в доме все стекла, насмерть перепугав Ньюру и девочек. Насилу счастливого отца успокоили.

Первые четыре месяца Феня была занята сыном. Такой славный да ладный Володенька получился, щекастый, крепкий, кулачки сжаты —

* Продолжение. Начало см. «Сибирские огни», 2019, № 1.

боец! Но Павлик начал скучать, ночами не спит, бедный: сын орет, от жены того самого не допросишься, все время уставшая... В общем, муж начал уплывать. И Феня приняла решение сдать сына в интернат. Ничего, не война, вырастет как-нибудь. А что делать, если Павлуше внимания и любви не хватает? Вскоре ей и вообще не до Вовы стало: понесла второй раз. Родился Вася, и Феня, недолго думая, отправила его к брату: надо было мужа караулить.

А муж пошел вразнос. Совсем тоска его взяла, вконец измаялся. Зачастил к Мире, туда же подтягивалась Тая, пьянки устраивали знатные. На одной из таких попок Мира как бы невзначай лягнула:

— А слабо тебе, Пашенька, Платона зарубить?

Пашенька не стал вдаваться в детали, взял во дворе топор и пошел своей звериной походкой в соседний дом.

Платон в это время ремонтировал крыльцо. Чудом успел увернуться, а иначе Павлик раскроил бы ему череп напополам. Незамедительно прибежали сестры. Кстати, да не очень подвернулась Платону лопата, он и вмазал нападавшему наотмашь по башке. Тот упал плашмя, вроде бы замертво, но нет, жив остался. Мира с Таей позаботились: Платону дали два года. Сидел он недалеко от Талицы, в Камышлове. Нюра с девочками приезжали к нему. Фаина хорошо запомнила эти поездки, а Марина почти нет. Помнила только, как отец шел к ним по длинному тюремному коридору, а они бежали ему навстречу, он хватал их на руки, и его богатые усы щекотали им щеки...

А пока сидел Платон, сел и Паша из Урги. Душа его требовала перемен, причем кардинальных. В очередном дебоше он зарезал милиционера и загремел по сто второй на десять лет. В общем, вернулся к привычной жизни.

Феня недолго горевала. Ну сел и сел, вот новость. Вспомнила про мальчишек. Сперва не могла узнать в двух дохлых беспризорниках своих сыновей. Забрала домой. Отмачивала в железной ванне, в горячей воде со скипидаром, выводила вшей, гнид и паразитов. Начали походить на людей. Феня отдала их в детский сад. Мальчиков определили в одну группу с Мариной: вместе сидели на горшках, ковырялись в носу, вместе оставались в садике сверхурочно. Их отводили к сторожу, где они грелись возле буржуйки, грызли сушки. И если Марину хоть поздно, но забирали, то ее двоюродных братьев Феня однажды вечером забрать забыла.

— Да в конце-то концов! — вышла из себя заведующая. — Где мать? Есть у них мать или нет?!

Детей взяла Шура в свою комнату в общежитии. Мальчикам там нравилось. Шура учила их самостоятельно есть, держать ложку и кружку, чистить зубы, мыться, одеваться. Дети ничего не умели, но охотно учились. Можно сказать, сами себя за волосы вытянули из канавы, в которую их упорно подталкивала жизнь. В подростковом возрасте страстно увлеклись гантелями, ходили атлетами, безумно красивыми и смуглыми.

Вова был ростом пониже, более коренастый и плотный, темноглазый, темноволосый, со стальными мышцами и стальным характером. Вася вымахал почти метр девяносто. Чистый Аполлон: сам смуглый, а волосы белокурые, глаза голубые, лицо ясное. Доброта в братьях хлестала через край, откуда-то взялись правильные манеры, умение говорить и держаться, привычка читать книги и из множества вариантов поведения выбирать исключительно правильный. Ребята страстно любили Высоцкого, слушали его взахлеб, организовали общество почитателей Владимира Семеновича, где обсуждали его стихи, роли, песни. Помимо Высоцкого говорили о творчестве Солженицына, Бродского, которое в то время тщательно скрывалось от масс. Им было интересно быть во всем первыми, лучшими, уникальными.

Тягомотную школу братья окончили со скучными аттестатами: четверки пополам с тройками. Но у каждого была мечта. Оба рванули в Свердловск: Володя решил стать инженером, а Вася — актером. Дружно провалили экзамены и вернулись в Талицу. Поступили в техникум, продолжали слушать Высоцкого, читать умные книги и готовились к поступлению на следующий год, снова в Свердловск.

Но случилось так, что никаким актером Вася не стал. Двадцать пятого июля тысяча девятьсот семьдесят восьмого года, в свой восемнадцатый день рождения, он утонул. В тот день устроили большой праздник на пруду с шашлыками, девочками, танцами. Вова с тревогой следил за братом: стояла жара, а тот пил водку и запивал ее пивом, в конце концов его развезло. Даже Фаина, которая не пропускала ни одного семейного мероприятия, будь то именины, крестины или поминки, была не столь безнадежно пьяна. Потом одна из поклонниц братьев запросила кувшинку, дальнюю и крупную. Вова, как на грех, в тот момент отошел в кусты, а Вася, будучи истинным джентльменом, поплыл. Сначала резво, потом вяло, потом совсем пропал. Пьяная Фаина видела, как между кувшинками мелькнула его голова — кажется, он улыбался. Поднял руку, а в ней, как флаг, бледный цветок с зеленым хвостом:

— Сорвал...

И все. Пропала его красивая голова в этих чертовых кувшинках.

Фаина разом протрезвела и завопила, сколько было сил и голоса. Вова уже плыл в сторону, куда тыкала обезумевшая сестра. Но когда Васю вытащили на берег, он не подавал признаков жизни. Ни искусственное дыхание, ни массаж сердца не помогли. Вова плакал, умолял, материл брата, тряс его, бил по щекам... а когда понял, что не вернуть, то закричал так, что всколыхнулась вся округа. Стая птиц мощно и резко поднялась из бора, испуганно закружила над пляжем...

Хоронили Васю под Высоцкого. Марина на похороны не пошла, потому что на руках у нее была трехмесячная Майя. Фаина рассказывала, что крышку с гроба не снимали: жара стояла нестерпимая, тело раздуло и пошел запах. Парни несли гроб на руках до самого кладбища, Высоцкий

рвал горло, «Кони привередливые» заставили рыдать всех. Под те же песни ровно через два года будут хоронить самого Владимира Семеновича.

Впрочем, были и те, кто не уронил ни слезы. Феня всю панихиду упорно хранила молчание. Ее белое лицо в обрамлении черного платка выглядело как белый флаг. Правда, белый флаг выбрасывают обычно после кровопролитных и ожесточенных боев, а тут что? Все хорошо помнили, как она билась о гроб, когда умерла Лада, и как пеклась о ее детях-сиротах и овдовевшем муже. А тут хоть бы раз глаза промокнула! Что там у нее внутри? Видно, механизм, который вырабатывает в женщинах любовь к своим детям, у Фени дал сбой еще на заре ее жизни.

Володя мать не любил, втайне считал чужой. Отца не помнил, и пообщаться им уже не довелось. Пашу из Урги освободили как положено, день в день. Никакой амнистии, еще чего! А он и не рвался на волю: чего он там не видел? Нехотя подошел к дому, заранее ощущая смертную тоску. Поднялся на второй этаж, поднес палец к звонку, но позвонить не успел. Разом сдавило грудь, а сердце обожгло болью. Повалился на дверь, и все. Феня услышала, что кто-то скребется, открыла — и муж упал в квартиру, как дерьмо с лопаты. Принимай, мол, жена, я к тебе не один, а с обширным инфарктом. Это был последний прикол Паши из Урги.

Вова, которого в армию не брали, поскольку он единственный кормилец в семье — мать престарелая, брат несовершеннолетний, — ушел в нее сам. Проводы были бурные. Особенно убивалась Вовина девушка Света, Маринина подруга. Уж как она Вову любила — до одури. Как на икону на него смотрела, как на лик святой. Прозрачная синичка на тоненьких ножках все глаза выревела в военкомате. Эта бы ждала не то что два года, а даже двадцать два. Письма ходили исправно, нежность была через край, ожидание подогревало любовную страсть. А когда через два года Володя вернулся, возмужавший, до невозможности красивый и, прости господи, такой сексуальный, Света неожиданно получила отставку. В долгие объяснения он пускаться не стал: лишнее. Много думал там, решал... В общем, мы чужие люди, ничего общего. Все, подруга, будь счастлива.

Света стояла как парализованная, с ватными ногами и отнявшимся языком. Нарядная — она же готовилась практически к обручению, сделала новый маникюр, чтобы руку для кольца не стыдно было подать... А в результате крах — и гнев врачей неотложки, которые ее, идиотку, потом откачивали после суицида. Несчастливая любовь, вскрытые вены, надоели, ей-богу! На заводе в токарном цехе мужику руку перемолотило, спасти надо, а тут, видите ли, сердечные проблемы. Шуруй с ними к кардиологу, а скороую по пустякам не дергай.

Марина потом хорошенько треснула подругу по морде и выдала-таки замуж за надежного и полезного в хозяйстве парня. Бурных страстей у

Светы с Валентином не случилось, зато были две вполне удачные дочери, хороший дом и спокойная старость в окружении красивых внуков. Что еще нужно для счастья человеку разумному?

А Володя, ко всеобщему изумлению и, чего уж там, ужасу, женился на Галине Эдуардовне Лямкиной. Галечкой ее назвать язык не поворачивался, Галиной — ну как-то, знаете ли... Галька-лямка — самое ласковое. Была она старше Володи всего на пять лет, но выглядела как поношенный валенок, неловко стоптанный могучей ногой. Семья у Лямкиных была неплохая, в поселке их все знали, но вот дочура получилась не пойми в кого. Шаль — будто в драке у цыган отбитая, серое драповое пальто с вечно грязным и затертым животом, потрепанные суконные боты... Особо потрясли Марину Галины гамаша поносного цвета, сморщенные гармошкой на щиколотках. И эта женщина готовилась войти в их семейку, где и без нее клоунов хватало!

— Ну теперь нам точно нечего терять, — подвела черту Фаина, когда узнала, кого Володя выбрал себе в жены.

Даже самые активные злопыхатели неловко переглядывались: «Что это? Таких уродов среди Мажаров еще не водилось...» Ну, на свадьбе они бы устроили представление — и невеста, как пить дать, от стыда полезла бы под стол. Но никакой свадьбы не было. Володя знал, чем обычно заканчиваются семейные мероприятия, и предпочел не рисковать. Они с Галиной быстро расписались в местном загсе и ударились в бег.

Перед тем как уехать, Вова с молодой женой зашел к Марине — попрощаться с дорогим человеком. Было утро выходного дня, Марина кормила Майю геркулесом, а та вдумчиво размазывала кашу по столу.

— Исуньки! — патетично говорила Майя.

— Красота! — не менее патетично всхлипывала Марина: «нарисовать» дочка успевала больше, чем съесть.

Гостей проводили на кухню. Чай? Кофе? Ну нет так нет... Майя весело запустила кашей в Гаю. Марина ожидала скандала, а Галя засмеялась — ну чисто бубенчик-колокольчик! Подошла к Майе:

— Иди ко мне, чудище ты красивое!

И Майя пошла. А Марина вопросительно смотрела на брата. Это что за волшебное превращение чучела пусть не в красавицу, но, по крайней мере, в подобие Мэри Поппинс? Объясни!

— Галяся, иди с Майкой в комнату, мне с сестрой поговорить надо.

И Галяся протопала мимо Марины своими ножищами в капроновых чулках. Слава богу, это были уже не «какашечные» гамаша.

— Отмыл, придел, улыбаться научил?.. — Марина старалась быть лояльной, но ее распирало.

— Мариша, не разгоняйся и не разочаровывай меня. Ты одна из лучших и мне самая родная. Признаюсь, такие женщины, как Галя, мне никогда не нравились. Ее даже медведицей назвать сложно, это скорее такая добрая бегемотиха. Зато, знаешь, никаких страданий и страстей.

Я со Светкой этого нахлебался во! — И Володя провел ребром ладони черту под горлом. — Вот там что ни секунда, то Шекспир. Так надоело!

Марина вобрала воздуха, но Володя жестом попросил не перебивать.

— Да, знаю, что она не Бриджит Бардо. Но в этой гавани мне спокойно, понимаешь?

Марина не совсем понимала. Вероятно, в ней, как в любой женщине, никак не желала умирать надежда на возможность неземной любви, которую она, кстати, сама тоже не встретила, хотя в комнате за стеной искрила смехом Майя.

— Мы завтра уезжаем. В Ирбите* у Гали родственники. Устроюсь механиком на мотоциклетный завод, кое-что я знаю и умею. Поступлю в институт... Проживем. А тут нам жизни не дадут, бежать отсюда надо.

— Куда? — Марина смотрела как будто сквозь брата. Она прекрасно видела перспективу развития его жизни, его семьи, его карьеры, его взлетов и падений, его...

— К себе. Бежать и бежать, пока не найдешь. Себя.

В комнате басом гоготала Галя, дуэтом с ней щебетала Майя. Какую вам еще любовь...

Простились они по-доброму. Потом писали друг другу письма, посылали фотографии. Вот Володя, Галя и их первый сын Гена. У Гали на фотографии вполне приличная прическа, темное платье с белым воротничком, как у школьницы, на коленях красивый темноглазый ребенок с великолепным «фамильным» носом, щеки почти лежат на плечах — сразу видно, дите на аппетит не жалуется. Рядом красивый муж — для солидности, видимо, надел галстук и отпустил бороду. Вот только Галя заметно поправилась после родов. Маленький носик почти потерялся на лице. Через три года семейный архив пополнился еще одной фотографией, на которой уже оба родителя держат по ребенку. У Володи на коленях сидит старший, Генка, изумительно красивый — в отца, который, кстати, тоже своих позиций нисколько не сдал: возмужал, раздался в плечах. Второй мальчик, невыносимо хорошенький, у Гали на руках, а сама Галя в объеме как хулахуп.

Марина смотрела на фотографию и диву давалась: сама она после родов похудела до сорока килограммов и с трудом набрала семь, это был максимум. А тут просто какие-то невероятные возможности женского тела! Фотография передавалась из одних рук в другие, особенно долго задерживаясь у Фаи.

— Смотри-ка, Гальку прет и прет! Скоро в объектив не войдет. И в двери тоже, — Фая убирала фотографию, потом брала ее с новым пылом. — Я вот одного не понимаю, как у Вовки на нее стоит? Сколько у него на стороне баб, интересно?

* Ирбит — город в Свердловской области, в котором находится знаменитый Ирбитский мотоциклетный завод.

Марина кидала на сестру крайне возмущенный взгляд: не наше дело. Но когда пришла третья фотография, то и Марина открыла рот. В центре стоял Гена, у Вовы на коленях сидел подросток Гоша, а у Гали на руках — совсем еще маленький Гриша. Все три брата были как отксерокопированные. Слава богу, они пошли в отца, и даже как будто превзошли его. Дети с обложки. Но вот Галя... Это был какой-то бегемот.

— Ну, знаешь! — Фаина уже не могла проявлять терпимость по отношению к Галиному непотребному виду. — Мы все рождем и кормим! Взять хоть тебя...

— Я плохой пример, — улыбнулась Марина.

— Она хороший? Тебе просто жиреть некогда: то срачка, то болячка. А она только рождает и жрет. У нее, небось, голова не болит, как дите прокормить, как из садика успеть забрать, где ему колготки и трусы купить. Извини, но всему есть предел!

Предел, действительно, был, но отнюдь не Галиному ожирению. Она добрела как на дрожжах и выпирала из платьев, как тесто из квашни. Предел случился у Володи.

Через больших профессиональных побед являла собой не просто белую, а ослепительную полосу его жизни. Из простого механика мотоциклетного завода он сделался его директором. Карьера шла в гору, и, несмотря на катастрофу в стране, завод процветал. Володя выстроил двухэтажный особняк, возил семью за границу, Галя ходила в соболях, и, учитывая ее габариты, соболей в ее шубе был, пожалуй, не один десяток. Для девятиного восьмого года это было даже больше чем роскошь. А потом Володю посадили. Судя по всему, заговор готовился давно и тщательно. Спектакль с подкинутой взяткой был разыгран безукоризненно, шансов выпутаться Володе не оставили никаких. Приказ его убрать явно поступил сверху. Гостеприимная тюрьма в Камышловке, которая уже знавала некоторых членов семьи Мажаров, на три года приютила и его.

За эти три года Володя в корне пересмотрел свои взгляды на все, что мог. Создал новую философию жизни, любви, семьи. Учился быть спокойным, мудрым, стойким. Учился вообще. Бешеная гонка прекратилась, и он, словно адепт учения Будды, созерцал свое нутро и диву давался, как там все захлавлено.

В то время, когда он приступал к расчистке, его женазнакомилась с самостоятельной жизнью. Самостоятельная жизнь предстала в образе жадной и злой бабы. Оказалось, что рубль между диваном и жопой не пролезает. А уж какую задницу себе отрастила Галя — при всем желании от дивана не оторвешь! Она и не отрывала. Сначала из дома ушли шубы, потом цацки, потом кое-какая посуденка и предметы мебели. Когда продавать стало нечего, Галя впала в депрессию.

Сама она на своих жировых запасах протянула бы долго, но мальчишки хотели есть. Сначала пошел зарабатывать восемнадцатилетний Ген-

ка, потом он подтянул к себе Гошу, которому только исполнилось пятнадцать. В основном работали грузчиками: Гена весь день в нескольких точках, а Гоша подключался после школы. Галя занималась только тем, что нянчила Гришу. К мужу она не съездила ни разу. Ему же не нужны шекспировские страсти и лебединая нежность...

Конечно, все выжили, и всё пережили, и хотели бы забыть случившееся, но оно почему-то не забывалось. Когда Володя вернулся и все как-то вошло в колею, подростки сыновья стремглав разлетелись кто куда. Гена выучился на прокурора и уехал в Москву, Гоша отучился в Нефтегазе* и уехал в Салехард. А Гриша стал поваром и уехал в Грузию. Работая в одном из ресторанов Екатеринбурга, он познакомился с грузинкой. Девушка попросила показать ей повара, который приготовил хинкали так вкусно, как не готовила даже ее бабушка. Гришу вывели из благоухающей специями кухни — и все. Сказать, что между молодыми людьми заискрило, — ничего не сказать. Это был разряд невероятной мощности. Поженились они через полгода. Майя была одной из немногих членов семьи Мажаров, кто присутствовал на свадьбе в Тбилиси. Шумное счастье плескалось в этих людях, плясало от радости сердце, и Майе хотелось, чтобы в ее жизни тоже стало так же солнечно и красиво.

Но пока там был какой-то беспросветный мрак и тухлое болото.

12.

У Майи не было сил смотреть на свистопляску с «проститутками». Она села к деду. Она бы легла к нему, насовсем, но там, в кухне, сидела мама, которую нельзя было бросать. И был Витя, которого баба Нюра сегодня отвела в школу. А еще вот-вот нарисуетя Фая и начнет орать так, что полопаются стекла и плафоны. И не только потому, что умер отец, это не единственная причина, а потому, что гроб отвратительный и место на кладбище ужасное. Что, получше не могли найти? Уж она бы разобралась с этими свиньями в поссовете! Для папы бы самое лучшее выбила! Уж она бы... Да уж, выбила бы ты! Максимум, что бы ты выбила, это глаз секретарше с сиськами, бережно разложенными по столу. И вообще, для какого папы? Ты, прости господи, знаешь, кто папа-то? Вот и закрой рот...

Марина еще тогда, на похоронах Марьяны, прижала-таки Олега к стенке: говори, чего там булькал про Нюсю. И Олег, уже выпивший, осоловелый, слезинка из глаз, выложил ей всю подноготную.

— Файка-то не тебе родная сестра, а нам. Вона как! — Олег пристынул и закурил. — Когда моя мать уходила из дому... ну то есть когда родители расхотелись, мне батя все рассказал. Он тетку Анну любил до ужаса. Она же красавица была в молодости. Фигура нереальная, мор-

* Нефтегаз — здесь: Тюменский государственный нефтегазовый университет.

дашка как у голливудских актрис — ну прелесть какая! И отец с ума сходил. Караулил ее с работы, на работу, как хвост за ней таскался. Вот и дотаскался. Ей уже замуж за Платона Мироныча идти, а она скандально непорочная. Ситуация щекотливая, согласись. У меня отец сильнее всех на свете любил твою мать и твоего отца. Он все рассказал дяде Платону, и они решили, что женщину делить не будут. Фаина родилась через восемь месяцев после свадьбы, и никто ни сном ни духом.

Олег докурил одну сигарету и сразу принялся за вторую. Марина сидела в холодной испарине.

— Надо ли рассказывать, как отец страдал! Любимая женщина родила его ребенка, но живет с его братом, который тоже очень сильно ее любит... Все, чтоб им, друг друга любят! Какая у нас замечательная семья! Просто диву даюсь! — Олег хлопнул себя по коленям, получилось звонко, и Марина вздрогнула. Потом он встал и заходил по комнате. — Помнишь, Мариша, когда Платона посадили, папа мой почти не вылезал от вас? Ну помнишь, нет?

Олег махнул рукой, потому что Марина не помнила. Точнее, помнила, но очень смутно. Совсем мелкая тогда была.

— Так вот, — нервно продолжал Олег, — папа эти несчастные два года был так счастлив рядом с Нюсей и Фаей! Ты, прости, была не в счет. А мать волосы на себе рвала. Она, понимаешь, очень любила отца — и все знала. Так мы и жили в этой безнадее... А главный ужас в том, что папа в конце концов повесился. Он больше не смог. Я думаю, ему просто стало нечем дышать.

Олег тоже как будто выдохся. У него самого, видимо, закончился какой-то запас внутренних сил. Опять сел на табурет и взял новую сигарету, но не успел раскурить. Марина, психанув, выхватила ее и швырнула к печке:

— Хорош смолить! Не продохнуть.

История, конечно, была из ряда вон. Какие еще скелеты вывалятся из шкафа и сколько их еще там останется побрякивать пожелтевшими косточками? Это же только подумать: папа всю жизнь воспитывал Фаю как свою дочь и молчал, держался как кремень. Никогда Марина не замечала ни перегадов, ни недомолвок. То ли их действительно не было, то ли это она невнимательная идиотка.

— Ты никому и никогда об этом не скажешь. Понял меня, Олег?

Марина сидела прямая и совершенно спокойная. Сквозь сизый дым, который плавал в воздухе на этой половине дома, Марина видела влажные от слез глаза Олега. Было впечатление, будто это он узнал ошеломляющую правду и сейчас упадет в обморок.

Олег отвернулся к окну. Там стояла мартовская темень и слышался редкий лай собак.

— Я понял, Мариша. Понял.

Все равно папа всегда больше любил ее, Марину. Она это знала. Нельзя сказать, что она была очень похожа на отца, ей не досталось

этой яркой красоты, черноты бровей и зелени глаз. Но их роднила другая красота — внутренняя, кроткая, тихая. Марина, как отец, была созерцателем, наблюдателем за наблюдающими, в некоторой степени аналитиком и очень, до идиотизма, доброй. Платон не спускал с рук свою Мариночку-тростиночку, свою крошечку, умницу доченьку. Файка, буйная, шумная, наглая, бесцеремонная, буквально отвоевывала отцовскую любовь. А если вдруг не получалось, то убегала в депо, пряталась между вагонами, и потом ее полночи искали. Эти акции протеста у Фаи продолжались лет до двенадцати. Потом начались драки между сестрами, редкие, но ядреные. И, как это ни парадоксально, побеждала Марина, несмотря на разницу в возрасте и весовых категориях. Она, уже с расквашенными губами и носом, брала сестру за горло, и ее тонкие пальцы, как твердая клешня, держали добычу, пока та не начинала синеть.

— Ты маньячка! — откашливалась Фая, наконец отпущенная.

— А ты дура. — И Марина спокойно шла по своим делам.

Они были такие разные, не похожие ни на отца, ни на мать. И если с Фаиной родословной теперь все было понятно, то с Марининой — не очень. Не из этого она огорода. Нюра, полухохлушка-полуполячка, была чудо как хороша! Одна из пятерых красавиц дочерей, которых родила беглая польская княжна Христина Король от Петра Лысенко, матерого украинского мужика без шикарной родословной. Фигура умопомрачительная, непонятно, из какого материала ее выточили. Никакая современная пластическая хирургия не сварганит такие формы. Грудь как балкон, талия пятьдесят пять сантиметров, крутая упругая попка, ноги... что там Пушкин писал? Довершала все милейшая мордашка в кудрявом ореоле русых волос.

Нюра как-то не придавала значения своей незаурядной внешности. Ну грудь, ну ноги, ну и что? И жила легко, не принимая в расчет ничего, в том числе и любовь. Куда с ней, с этой любовью? На хлеб не намажешь. А Платону любви хотелось, любви без четких границ и формулировок, просто любви как состояния души и жизни. В нем-то ее было с избытком.

В общем, не получилось там семьи, дома и домашнего уюта. Был прокисший суп в кастрюле, всегда один и тот же — с плавающими на поверхности свиными шкварками, от которых Марину тошнило. Был несусветный срач, серый и беспросветный, была нелюбовь, которой Платон так боялся и которую в итоге получил.

В минуты полного отчаяния Платон начинал громить дом. Разносить было, собственно, нечего, поэтому в разные стороны летели алюминиевые ковши и чашки, постельное белье рвалось на тонкие лохматые полосы. Несчастный суп мутным шлейфом выплескивался куда придется. Нюся такие сцены не любила, она с сонным лицом уходила из дома во двор и возвращалась, когда муж успокаивался. Приходила, перешагива-

ла через бардак и ложилась спать — устала. А Платон сидел на табурете, который не успел сломать, и плакал. Но жаловаться не смел: сам ведь жену выбрал.

Девочки выросли, и родители разошлись. Нюре дали квартиру, а Платон остался на своей половинке дома. Фая, как и полагается дурной дочери, закатила шикарную истерику, орала на отца. Текст был стандартным для ситуации: как ты мог, как вы вообще могли, семья идиотов, с кем я живу, и так далее. Она бы распалась и день, и два, но Марина одной веской пощечиной прекратила это безобразие. Ни мама, ни папа не смогли бы этого сделать. Особенно папа. А Марина просто врезала по красной, возмущенной Фаиной морде:

— Я всегда говорила, что ты дура!

Наверное, если бы Марина тогда знала все, что потом рассказал Олег, то выпалила бы в удушливом злом порыве всю правду-матку, но она не знала. А когда правда открылась, ей уже было на это наплевать. Кто и чей ребенок, стало, в сущности, не важно. Ценности были уже другие, проблемы сворачивали всех в бараний рог, и заниматься разборками, кто чей папа, никто и не подумал.

Фаине от завода, где она работала бухгалтером, сразу дали комнату в общежитии. Марина жила с мамой. Она только окончила училище по специальности «повар-продавец», сдружилась там с девушкой Ириной из поселка Юшала, что был совсем недалеко от Талицы. Они как-то сплелись вместе, сразу сроднились и потом прошли с этой дружбой через всю жизнь, хотя были совершенно разные: спокойная и неброская Марина, яркая и смелая Ирина. Все, чего в одной не доставало, дополняла вторая.

Именно Ирина, с присущим ей энтузиазмом, взялась организовать их совместную поездку на юг. Решено было ехать в Геленджик. Да, вообще, не важно куда, главное, что это было первое путешествие за пределы их привычной среды обитания. Покидав в чемоданы нищенский гардероб, они, счастливые, готовы были трястись трое суток в плацкарте с жесткими полками и чаем за две копейки.

Юг — он и есть юг. Первое море, первый настоящий пляж, первый вдох настоящего воздуха без примеси гари и выхлопов. Первая любовь — и первый мужчина, кстати... Это все Ира, ее неумная энергия и поиски нового. Если бы не она, Марина бы с удовольствием провела все десять дней в ограде домика, в котором они снимали комнату. Сидела бы в саду и ела бы сливы. Но Ира встала на дыбы:

— Ты че, опупела?! Я трое суток ехала возле туалета — чтобы сейчас опять сидеть возле туалета, только в более комфортных условиях?! Мы идем на танцы!

Танцы Марина любила, но была одна проблема: ее рост, метр семьдесят два, был крайне непопулярен у коротконогих деревенских шиб-

зди́ков. Все они едва дотягивали ей до плеча. Выглядело это нелепо, и Марина стояла, как одинокий камыш, подпевая Юрию Антонову. Надежда была только на то, что где-то в мире есть мужчина если уж не выше нее, то хотя бы одного роста. И наконец такой нашелся. Байон был высокий, очень красивый, кареглазый темноволосый... грек. Зачем грек из Санторини приехал в Геленджик? А почему бы греку из Санторини и не приехать в Геленджик? Хорошенькая получилась компания: ребята из Греции — Байон и Адонис и две уральские девчонки-деревенщины с грубым говором и в старых босоножках. Театр абсурда! Но это был отдых, так что комплексы оказались отброшены, и спектакль продолжался еще целую неделю.

Байон танцевал с Мариной и очень смешно произносил ее имя:
— Ма-ар-р-рына... Ма-ар-р-рица... Так?

Он улыбался, и на небритых щеках проваливались ямочки. Густые ресницы, карие глаза... Ох, эти карие глаза и полные губы! И руки у него были красивые, с длинными пальцами и ухоженными ногтями. А у деревенских мужиков такая прель на лапах — не выведешь. Этот, конечно, гудрон не месит, но Марина никогда не оправдывала грязные ручищи. И пахнет Байон не по-нашему, нежно так пахнет, еле слышно. А от наших, прости господи, «тройнухой» так несет, что с души воротит.

Они пили вино, говорили, мешая разные языки, гуляли по набережной. Это был совершенно другой мир, и Марине казалось совершенно нелепым, что она живет не здесь, а там, в своей глухой вонючей тьмутаракани. Как она тут органична, свободна и совершенна! Никаких условностей, четырехметровой кухни и страшной родни. Забрать бы сюда папу...

Уезжать надо было двадцать четвертого июля, а двадцать третьего Марина капитулировала. Конечно, это была любовь, и глупо тут что-то обсуждать и осуждать. Да, так случилось, такое иногда случается! Люди с разных концов света встречаются в назначенном свыше месте, чтобы родилось большое чувство. А что дальше — одному Богу известно.

Марина сидела на гостиничной кровати, поджав под себя ноги, а Байон стоял на коленях и умолял ее стать его женой. Классическая сцена, правильная развязка, совет да любовь... Нет, все не так. Это сейчас можно на выходные съездить в Швейцарские Альпы покататься на лыжах, а в те времена все, что «там», с беспощадным лязгом отсекал «железный занавес». И никому была не интересна девочка Марина со своей внезапно образовавшейся интернациональной любовью.

Но даже не политические и идеологические условности были настоящими препонами, ведь для двух любящих сердец не существует моральных и государственных границ. Главным препятствием оказалась сама Марина. Ей и в голову не могло прийти, что она способна на такой судьбоносный поступок — взять и все бросить. Казалось бы, а что, собственно, бросать-то? Софу с провалившейся фанерой, разохшийся

платяной шкаф? Талицу, которая и без Марины проживет? Но был папа — любовь всей жизни. Была мама, суровая и отстраненная, но все-таки. Фая, человек-скандал, не в счет...

Поезд весело и задорно хреначил по рельсам, побрякивал стакан в подстаканнике, с верхней полки свисала чья-то шершавая пятка. Менялся пейзаж за мутным окном, менялись пассажиры, менялись разговоры в соседнем плацкарте, не менялось только Марино настроение. Она как легла, поджав ноги к животу, так и лежала второй день. Ирина готова была блять овечкой, мяукать кошечкой, кукарекать петушком, только бы Марина вышла из этого ступора. Ночью, когда любопытные глаза закрылись, она взяла подругу за грудки.

— Кончай финтить! Говори: было что?

— Было.

Марина безучастно смотрела куда-то в сторону, в отражение мелькающих фонарей.

— Ну? — не унималась Ирина.

— Я спать хочу.

И опять легла в позу зародыша. Очнулась только в Талице.

На дне ее сумочки лежал листок с адресом Байона в Санторини. Непонятно, чего парень хотел и на что рассчитывал. Вернуться на жестокою малую родину и героически уничтожить чувство, которое сделало тебя счастливой, — это как раз в духе семейства Мажаров. И обязательно плакать по ночам, а днем жертвенно волочить по жизни свое брненное тело. Молодец, Ма-ар-р-рица!

Сначала ее нестерпимо мутило, особенно когда она заходила в ванную — от запаха цветочного мыла. Потом начала кружиться голова, случилась пара обмороков. Ну а что ты хотела? Конечно, анемия: высокая, худая, работаешь на кухне в детском саду. Все у пара, у жара, где духота. Ну и нервы, конечно, общая усталость... А то, что месячных уже второй раз нет, — сущий пустяк. Потом наконец хватило мозгов пойти к врачу.

— Десять недель. Одевайся.

Железное зеркало грохнулось в таз с инструментами. Звук был как из преисподней.

Марина не поняла, что за десять недель. О чем это? Выражение лица у нее, видимо, было до крайней степени тупое. Гинеколог поняла, что девушка совсем «ку-ку». Сложила свои медицинские руки на столе. Марина свои кулинарные машинально уложила рядом.

— С мужчиной в половую связь вступала? — Врач говорила спокойно, тихо и раздельно, чуть ли не по слогам каждое слово.

— Один раз, — шепнула Марина и почти потеряла сознание, потому что до нее наконец дошло, что же означает это «десять недель».

— Ну, один не один, а хватило. Рожать будешь или... — Гинеколог пристально смотрела на ошалевшую Марину. — Срок большой, времени

на раздумья нет. Но предупреждаю: сейчас аборт сделаешь — больше не родишь. И вообще, у нас их делают знаешь как...

И выражение лица врачихи, и методичное постукивание ногтем по столу, и то, как она твердо писала направление на анализы, — все было так явственно, что Марину тошнило. Лучше бы в тумане: там хоть есть надежда, что мгла рассеется и все будет как раньше. Никакой беременности.

Дома поднялся небывалый хай. Истерика после развода родителей была всего лишь разминкой Фаиных скандальных способностей и ресурсов.

— Какая же ты идиотка! Это ж надо! Тихоня — и вот, пожалуйста, в подоле принесла! Чей бастард?!

Что это вообще за слово такое — «бастард»? Марина его ни разу не слышала. Оно отдавало средневековьем и никаким боком не втискивалось в их бытовые реалии. И потом, зачем так долго и громко орать? Позиция Фаи и так была ясна.

Но голос сестры все поднимался вверх по звуковой лестнице:

— Значит, так! Мы ставим тебе укол, мы тебя выскребаем! Я лично тебя потрошить буду!

Ее сопрано взобралось так высоко, что дальше только в небо. И тут Фая осипла.

Под конец ее пламенной речи Марина выскочила в туалет. Теперь она уже не понимала, отчего ее рвет: из-за беременности или из-за сестры.

Нюра интересное положение дочери заметила только на восьмом месяце. Как-то так случилось, что начало проскочило мимо нее. Когда узнала, то удивилась, но чуть-чуть. Ну беременная, и что теперь делать? Да ничего, рожать, скорее всего.

А вот папа был счастлив. Марина рассказала ему про Байона, про Грецию, про адрес. Про все. Но это «все» оказалось не важным, потому что главным для Платона было другое. Родится ребенок, новый человек будет жить и бегать по дому, топтать пятками, прыгать по кровати, сидеть в огороде на хлипком столе и много чего еще делать. Это же ребенок *его* дочери! И Платон велел всем заткнуться, а у кого не получается, то пошли они в бездонный женский орган. Тот всех примет.

Когда Марина открыла свою беременность заведующей детского сада, та даже взвизгнула от восторга. Кудельки на ее седой голове заколыхались в такт могучей груди, глазки загорелись, а мысли в голове забегали и, сделав несколько крутых виражей, остановились на умозаключении:

— Маришка, мы выбьем тебе квартиру! — И Ольга Евгеньевна ударила ладошкой себе в грудь так, что прическа ее опять колыхнулась.

Квартиру она, действительно, выбила, и за короткий срок. Знать бы тот инструмент, которым выбивают двухкомнатные квартиры в новом

доме на третьем этаже! Марина вошла и ахнула: сколько света, какой простор, и окна в поля выходят! Папа помог с ремонтом, вдвоем с Мишей они сложили печку, покрасили полы, ребер на батареи наставили, лишь бы Мариша с крохой не мерзли.

Через месяц родилась Майя. Странная, молчаливая, синеглазая, смуглая, светловолосая. Марина смотрела на нее и понимала, что дочь не похожа ни на отца, ни на мать. Сама по себе. Месяц от роду, а держится независимо. Взгляд сильный, изнутри, из души. Иногда Марина по ночам просыпалась, но не от плача, а, наоборот, от молчания ребенка. Лежит этот кулек рядом и не спит, но при этом ни звука, пальцы свои крошечные рассматривает, узоры на обоях, материнское лицо изучает... Что там в этой маленькой голове, неужели мысли какие-то? Там, похоже, целая вселенная живет со своими лилипутами. Вот вам и ба-стард!

А через некоторое время стало все наоборот: кожа у ребенка сделалась белая, а глаза и волосы почернели. Чья же ты, Маюшка, такая необычная? Чья же ты?..

Выросла девка — и задышала на всех адским пламенем. Ненавидела больше, чем любила, но если любила, то безоглядно. Деда любила, маму, Витю. Жару, дедов дом любила. Если в него зайти летом, то прохладно, а ты, размазня потная, у порога на лавку сядешь и остываешь. Зимой в мороз забежишь, ноги деревянные, пальцы не гнутся, нос уже синий — а у деда печка трещит, Мура бесцеремонно сидит на столе возле сковородки с рубленкой, запах пряников и молока. И дед с могучими усами, ничуть с годами не обедневшими, улыбается в проеме. Майя жадно ест, то и дело пошаркивая ладошками, согревая окоченевшие руки, рассказывает деду скудные новости, успеваешь чесать Мурку за ухом. Та блаженно тарыхтит, даже не удосуживается слезть со стола.

Потом Майя закидывает свою всегдашнюю удочку:

— Дедунь, переезжай к нам! Умоляю!

Словесных аргументов у Майи нет, все они давно закончились. Остался только визуальный. Она так жалобно смотрит на деда, так выжидательно вглядывается в его потускневшие глаза, так просит его...

— Пчелка, не проси. Мама должна личную жизнь...

Дед не договаривает, потому что Майя вскакивает с места и начинает энергично ходить по кухне. Она почти бегаёт. И психует:

— Да какая на хрен личная жизнь! Ну какая?! Во-первых, ни одного нормального мужика. Ты посмотри, кто вокруг! А ты маму знаешь. К ней тут главный инженер сватался, так она его отправила. У него, видишь ли, манжеты на рубашке грязные. А был еще один мужик — нормальный мужик, уверяю тебя, — так у него изо рта воняет! Мне кажется, что это поправимо, а маме корона жмет. Так жмет, что иногда на мозги давит! А во-вторых, с нами живет бабушка, а она, сам знаешь, всем та-

кую «личную жизнь» устроит... У мамы свидание должно было состояться, она пригласила кавалера в гости, а бабушку попросила на Мичурина уйти переночевать. Я уже и портфель собрала, мол, пошли, бабуль, пусть маман романтик устроит, так баба Нюра так заблажила! Мать, говорит, родную из дому выгоняешь, мужиков водишь. Я думала, мы с бабушкой покусаем друг друга. Из какого, на хрен, дома? На улице Мичурина ее дом, вообще-то! В итоге она села на стул в прихожей и отказалась с места сдвинуться. Вот такая охренительная личная жизнь!

Майя понимает, что говорит не совсем то, что надо, но ее уже несет.

— Деда, это все такая фигня! Я прошу тебя, пойдем к нам! Заживем отлично. Зуб даю! — и Майя щелкает ногтем большого пальца по передним зубам.

— Откуда эти замашки?! — Дед ошеломленно разводит руками. — Какой зуб?

— Все нормально, дедунь, это школа, хорошие ребята, драться меня научили. Я им иногда с английским и немецким помогаю. Я же немецкий еще учу самостоятельно. А главное, никакой этой бабской тупости. Вообще не понимаю, как можно с девочками дружить. Сплошная эмоциональная диарея. А еще смотри, что у меня есть!

И Майя достает откуда-то из рукава маленький раскладной нож. Нож грамотный, раскладывается в момент, щелк — и готово. Дед такие выдывал. У него глаза на лоб лезут, а у Майи — горят.

— Класс, да? Метать научили и на близком расстоянии орудовать!

— Майя... — Дед не знает, что говорить и что делать. Внучка — бандитка!

— Деда, — Майя энергично складывает нож и ловко отправляет его в рукав, — давай без этой вот театральщины! Меня в школе избил полгода назад за то, что я в общую концепцию не вписываюсь и блатным отвечаю. И я решила, что самооборона — единственный шанс не сдохнуть. Только маме не говори, там трагедия будет.

Дед молчит и думает: откуда эта «театральщина» и «концепция», что вообще читает этот ребенок и как живет? Самостоятельно учит немецкий и носит в рукаве раскладной нож, отвечает блатным и по ночам запросто ходит к деду через депо. И спокойно, и беспокойно за нее.

Майе не хочется уходить, ей не хочется выдвигаться в январскую холодрыгу, в темноту непроглядную, в эту жизнь, которую она, четырнадцатилетняя девочка, считает поганой. Ей хорошо тут, у деда, у Мурки, у печки. Может, самой к деду перебраться? Она будет ему готовить, ухаживать за ним, потому что ноги у него почти не ходят, глаза почти не видят, начинается Паркинсон... Господи, дедуня, пойдем к нам!

— Майка, мама уже волнуется. Давай-ка я тебя до угольника провожу.

И Майя вдруг обнаруживает, что у нее нет ни сил, ни желаний, и понимает, что дед никуда не переедет. Никогда.

Они пробираются по потемкам, не видно ни зги, хоть бы фонарь, скоты, повесили! Скоро односторонняя улица Дёповская заканчивается, дорожка сворачивает к рельсам-шпалам, слева начинаются горы песка, запорошенные снегом, справа — старые постройки депо, впереди — единственный фонарь. И они стоят под этим фонарем, два странных человека не своей эпохи. Твёрдый подбородок Майи начинает предательски дрожать, и она боится завывать. Плакать она не умеет: либо не плачет вообще, либо воеет до душевного паралича и потом долго отходит от неистовой истерики.

Майя обнимает деда, вдыхает запах махорочки, молока и пряников. Всем этим веет от его телогрейки. Вдыхает самый благородный и добрый запах, и идите вы к чертям со своими «шанелями» номер пять и прочими.

— Я не хочу так, — шепчет Майя. — Я хочу по-другому...

— Пчелушка, не рви душу. Все придет в свое время. И уйдет в свое время.

Ровно через год уйдет и дед Платон.

13.

Явились Тая и Рита. С накрашенными губами и в модных шубах. Церемонно топтались у двери, переминались с ноги на ногу. Наконец Рита не выдержала и крикнула в сторону Майи:

— Нас кто-нибудь пригласит войти? Или мы так и будем стоять у порога?

Майя, конечно, сделала вид, что не слышит. Знаем мы вас, дворянок чистопородных: надо — сами пройдете, а нет — так и пошли вон отсюда!

Рита старательно глядявалась в глубины дома, искала глазами Фаю. Она знала, что если старшая дочь тут, то им и вправду лучше не проходить: уйдут с напроочь испорченным макияжем, а шубы свои унесут в разобранном виде. И хорошо, если только шубы.

Рита всегда попадала под перекрестный огонь Фаечки раньше других. У них как-то сразу не задалось. Первое яркое и яростное Фаино воспоминание было из семилетнего возраста. Она готовится идти в школу, сентябрь уже не за горами, а тут из Тюмени — которая тогда была столицей деревень: без кирзачей по улице не пройдешь, — приехала новоиспеченная горожанка Рита и привезла много гостинцев, съедобных и несъедобных. Подарки распаковывались у Миры, куда Фаю совершенно случайно заскочила в гости к Наде. Надя сидела у Риты на коленях, и та заплетала ей косички. А в косички вплетала ленты, красные, атласные! Фаю от восторга мотнула своей кудрявой гривой.

— А мне... — Она потянула руки к коричневому чемодану и даже облизнулась. В его утробе переливалось что-то розовое.

— Рука в говне! — и Рита ударила девочку по руке, надо сказать, совершенно чистой. — Пошла отсюда, вонючка маленькая!

Мира залилась смехом, грубым, даже каким-то похабным, и все хлопала себя по ляжкам и стибалась пополам, так уж ей было весело. А Фая никак не могла оторвать взгляд от ее широко раскрытого рта, в котором виднелись металлические зубы. И тут девочку обуяло желание, с которым она не смогла совладать. Она вышла в кухню. Там на табурете стоял таз свиного фарша. Фая набрала в каждую руку по щедрому комку крученой свинины, вернулась в комнату и запустила один комок в Риту, а второй в Миру. Получилось превосходно! Фарш аппетитно и точно шмякнулся обеим прямо в лицо, и что не прилипло, свалилось на колени. Сирены двух женских голосов взвыли почти одновременно. Мира чуть запоздала, потому что выплевывала попавшие в рот кусочки мяса.

Погоня была недолгой. Точнее, ее почти и не было. Догнать Фаю? Не смешите! Маленькая, юркая, шустрая, она мигом оказалась за три версты. А потом долго плакала в сарае: такие красивые ленты и это розовое в чемодане...

С тех пор и началось эпическое противостояние разновозрастных родственниц. Виделись дамы редко, но когда встречались — обычно на чьих-нибудь поминках, — то их устная дискуссия была оживленной, но непродолжительной. Фаина почти сразу бросалась в рукопашную. Она страшно любила это дело, а тут и повод искать не требовалось: дать в морду ненавистной тетке сам бог велел. Сначала Рита пыталась интеллигентно противостоять племяннице, но получалось у нее как-то вяло и без азарта, в то время как Фаина уже швыряла в нее стулья и тарелки с винегретом. Утихомиривать Фаечку никто не решался, ну ее! Андрей как-то попробовал, так она ему вилку в руку воткнула. Да и кто же тогда знал, что не только ленточки и бантики так накалили отношения между родственницами... В результате Рита, как правило, отбывала в Тюмень с фингалом.

А она, между прочим, работала костюмером в драматическом театре. И все у нее в жизни было замечательно, если не считать стычек с Фаей и отсутствия детей. Замужество Риты длилось уже десять лет, а родить она не могла. Все вроде нормально, но ребеночек не завязывался. Любимый муж стал уваливать от любовных утех, допоздна засиживаться на работе, а потом и вовсе ушел к молодой коллеге с кафедры русского языка. И та через год родила ему двойню.

Удар был смертельный. Рита поседела. Но надо было как-то жить, без детей и украденного мужа. Что остается брошенной женщине, у которой и возраст-то уже вышел за рамки товарного? Разве что пуще прежнего удариться в работу. И Рита раньше всех приходила в свой любимый «рыженький» театр на Первомайской и позже всех уходила. Засиживалась до победного и... высидела себе второго мужа! Кто бы мог подумать, что Марго, с ее непомерной, сатанинской гордыней, позволит прикоснуться к своему телу простому сторожу?

Ну, нельзя сказать, что сторож был так уж прост. Валерий Николаевич не так давно развелся с женой, оставив ей все, а сам проживал в общежитии: театр выделил ему там комнату. Половину комнатенки занимали железная кровать и полированный стол, а вторую половину — книги. Человек он был интеллигентских кровей, работал на кафедре зарубежной литературы. (Вот ведь! Куда ни кинь, так или иначе наткнешься на эту филологию!) А как ушел от неверной жены, так решил: ну ее, эту прошлую жизнь! Все с чистого листа, и даже не в клеточку, а с альбомного! Так, чтобы совсем чисто поле. И пошел сторожем в драматический театр. Вполне себе драматично получилось.

А тут Маргарита. Такая вся интеллигентная, лаконичная, так и веет от нее эстетикой. Шляпки с цветком, перчатки с бантиком, шейный платочек, сумочка смелого фасона... Только обувь странную носит — лапти какие-то. Это он уже потом узнал, что у нее на больших пальцах ног прямо на кости росли шишки и если она надевала туфли, то ходила в них как парализованный кузнечик. А так в целом дама ему понравилась. И он ей тоже приглянулся: образованный, спокойный, обстоятельный, никакой лишней экзальтированности и пошлых порывов. Да и насчет детей ситуацию сразу прояснили: Рита не может, а он не хочет. Идеальный вариант. В общем, обе стороны такой расклад устраивал. Долго приглядываться друг к другу не стали, через месяц знакомства Валерий переехал к Марго, и зажили они мирно и спокойно.

Рита довольно долго не предавала гласности свой новый брак, но ката в мешке не утаишь. Привезла показывать нового мужа родственникам. У Миры по такому случаю накрыли стол, собралась, разумеется, элита. То есть без Платона и его семьи. Да тем не очень-то и хотелось идти на этот шабаш. Но был один персонаж, который такое мероприятие пропустить не захотел. Фаина приперлась без приглашения. Семнадцатилетняя красотка, кудри вокруг головы шапкой, как наэлектризованные, грудь в комнату входит задолго до хозяйки, на задницу таз с водой поставь — не расплещется, а глазищами так и жжет. Дверь открыла пинком, за большим столом сразу выпепила новое лицо — красивое, мужественное. Русые волосы, голубые глаза, взгляд — у Файки аж низ загорелся. И шея смуглая из белой рубашки.

За столом притихли: знамо дело, сейчас скандал, матерки, какие-нибудь проклятия... Но в этот раз как-то обошлось, даже боязно с непривычки стало. А на следующий день приперла Фая своей горячей грудью чужого молодого мужа к забору, и не где-нибудь, а прямо в огороде у Миры. Он, по наивности, вышел малинки пощипать, а ягодка сама к нему выкатилась. От деревенской романтики у городского интеллигента аж голова закружилась. Назойливо гудели навозные мухи, с полей доносилось энергичное мычание, несло сладкой ягодной гнилью. Это вам не нафталиновые кулуары замшелого театра! Тут сама природа тебя на грех толкает. Ну и Фая туда же. Удачно так подтолкнула... И место под-

ходящее выбрала — на сеновальчике у сарая, из Мириных окон хорошо видно. Села молодая кобылка сверху на старого мерина и напонила ему, что штаны мужику не только в уборной расстегивать надо.

Девчонка оказалась бешеной. Валерий Николаевич чуть сознание не потерял, у него таких головокружительных успехов отродясь не было. Так она его разлихоманила, что остановиться не мог. Среди бела дня накрыла мужика первобытная страсть! А Фая хоть и старалась от души, но не забывала краем глаза поглядывать на боковое окно и высмотрела-таки то, что хотела. Марго в мертвом оцепенении стояла за белоснежной занавеской и не могла пошевелиться, глядя на это красочное зрелище. «Что, старая кляча, нравится? Ты-то со своим хондрозом так не можешь!»

Старая кляча тридцати трех лет от роду села на стул и почувствовала, как у нее отнимаются ноги. Выгнать мужа — это как два пальца об асфальт, стереть в порошок эту потаскушку — можно, если постараться, но как быть с обожженными внутренностями? Там кто реабилитирует? Ластиком ведь не сотрешь в памяти срамную картинку на сеновале...

Муж был выставлен из дома в тот же день. Из театра уволен на следующий: Марго умела разговаривать с начальством, а также неплохо плела интриги, причем делала все это в высшей степени интеллигентно. С замужествами она решила завязать: хватит, набаловалась. В монастырь, конечно, не ушла, если на горизонте рисовалось что-то интересное — не откидывала, но и близко не подпускала. Известно же: не допускай никого до сердца — и больно не будет. А месть племяннице и ее семейству Марго давно придумала. Нужен был подходящий момент, и она его дождалась.

Стоя с поддатой Таей в дверях и высматривая Фаину, она начала разуваться, но ощутила своей уродливой стопой могильный холод и быстро надела валенки обратно. Лисой подобралась к Нюре, обняла: соболезнования, стенания — все как полагается, с нужной дозой слез и всхлипов.

— А где Фаечка? — аккуратно закинула удочку.

— Ссышь, когда страшно? — Баба Нюра сама от себя не ожидала такого фортея, но стало легче.

Марго сделала вид, что не услышала издевки, и прошла к гробу, где сразу начала энергично хлопотать. Костюм не тот, ткань не та, гроб ужасный. Платоша заслужил самого лучшего, а это кустарщина какая-то! Все переделать... Но не договорила.

Майя встала:

— Рот закрой и пошла отсюда! И Таську пьяную уводи, пока я бошки вам не поотрубала. Деда пальцем не трогай! А если тронешь — двое похорон будет. На куски тебя порублю и в мешке закопаю... — Майя больше не могла говорить, ее душили гнев и щитовидка, которая тогда только начинала свое гормональное буйство. К лицу и в ноги пошел устрашающий жар. Стало нехорошо.

Вспомнилось вдруг, как родственники во главе с Марго ворвались к деду, потребовали отдать какую-то дорогую икону, которая осталась от Марьяны, но никакой иконы у него не было. Десятилетняя Майя сидела на стуле и раскачивалась, Мурка ощетибилась, готовая к прыжку.

— Платон, — вкрадчиво начала Марго, — ты же понимаешь, о какой иконе идет речь. Работа девятнадцатого века, мама ее из Челнов вывезла в двадцатых годах. Она нам очень нужна.

За ее спиной стояли Андрей и Тихон. Платон, спокойный и улыбочивый, подошел и встал рядом с Майей.

— Вот моя икона. Моя царица. Мой ангел. А вы идите с богом.

И они пошли, вот что странно.

Вообще-то, икона, действительно, была, но Марьяна отдала ее Мире, когда та вышла замуж, благословляя одну из любимых дочерей на счастливую семейную жизнь. А Мира потом подарила образ Анне, младшей сестре, которая родилась в сорок втором. В восемнадцать лет Аня решила уйти в монахини. Она была совершенно не похожа на Марьяну, целиком пошла в отца. Рассудительная и тихая, без какого бы то ни было намека на зеленоглазость и внутреннюю бурю, она как бы витала над родными и видела их насквозь. Просто и без затей она постилась, молилась, ходила на всенощную, любила всех. Платон обнимал сестру и говорил, что она святая.

— Ха! — скалилась Мира. — Святая! Поперлась в церковь на поповские харчи. Да она самая продуманная. Пристроила свою святую жопу! И икону эту у меня выпросила. Я ей и отдала, там все равно уже ни хрена не видно, вся деревяшка испоркалась у меня в кладовке.

Аня приняла постриг, чтобы замалывать свои и их грехи, но на такую семью, как Мажары, ее одной было мало, тут и батальоном святых не обойтись. Просила Бога о сотне ангелов: а вдруг победят мажаровских бесов. Мать она отмаливала отчаяннее других.

«На куски порублю и в мешке закопаю...» У Майи даже кожа на локтевых сгибах зачесалась от злости. Она ненавидела их всех, сильно, до зуда, но Марго — больше остальных. Майя знала, чем опасны Мира и Тая, знала все про их прислужников Тихона и Андрея, но чего ждать от этой твари, было не понятно. Стелет мягко, а спишь как на щебенке и по тебе скорпионы ползают. Майя не сомневалась, что Марго готовит большую подлость и выскочит с ней совершенно неожиданно, как чертик из табакерки.

Думается, Майя обладала даром провидения, по крайней мере насчет мешка она метнула в десяточку. Марго доживала свой век в гордом одиночестве, похоронила сестер и братьев, начала хоронить племянников и в бесконечной череде похорон и поминок поняла, что вокруг не остается людей, которые закопали бы ее саму. Ее однокомнатная квартирка обветшала, обои пузырились, деревянные окна в любой момент были го-

товы выпрыгнуть на улицу вместе с подоконниками, да и сама Марго уже походила на супругу какого-нибудь египетского фараона, которой боги даровали долголетие, а привлекательностью обделили. Из мутного зеркала на бывшую красотку смотрела высохшая старуха. Губы и ногти она больше не красила, фасонистых шляпок не носила, сумочки аккуратной горкой лежали в кладовке, в ходу была только замусоленная авоська — за хлебом добрести. Ухаживала за Марго соседка Женя, молодая женщина с двумя детьми, которая грезила ускакать от пьющего и гулящего мужа. Рита обещала ей квартиру и вроде бы даже написала завещание, только, мол, не бросай старушку. И Женя не бросала. Мыла, готовила, ходила в магазин и в аптеку, старательно собирала по углам паутину и стригла ногти на ногах уставшей за жизнь хозяйки.

Однажды в пятницу, утром, Марго приспичило принять душ. Женя на неделю поехала к родне в Омутинку*, заблаговременно помыла старуху, прибрала дом, приготовила поесть. Велела ей дальше подъездной лавочки никуда не уходить. Но Марго вдруг взбрыкнула: соскучилась по театру. К тому времени старое здание на Первомайской снесли и построили новое, с шиком-помпой, аж глаз резало. По одну сторону улицы Республики облезлый «муравейник», а по другую — это величественное чудовище. Там доживали свой театральный век стареющие коллеги Марго, которые периодически снабжали ее богемными сплетнями. В общем, решила старушка сама туда наведаться, нюхнуть свежей театральной краски, вдохнуть воздух новой культуры.

Смывая с кожи остатки земляничного мыла, Марго подумала, что чувствует себя сегодня неплохо и даже выглядит как будто лучше, чем обычно. Лицо похоже на лицо, а не на бульдожью морду. Можно даже тряхнуть старой пудреницей и порыться в куче сумочек, только паутину с них смести... С этими дерзкими мыслями она выключила воду и потянулась за полотенцем, которое висело на крючке. Но не дотянулась. Повалилась ничком и застыла в неловкой и странной позе: туловище повисло над полом между ванной и дверью, голова каким-то образом вывернулась в обратную сторону и уперлась затылком в косяк, а ноги так и остались торчать над ванной. В хрущевках-то в санузлах и захочешь, а не грохнешься по-человечески. Так и висела Марго в этой неестественной позиции, источая ароматы земляничного мыла.

Через неделю запахи поменялись и потянулись в щели плохо проконопаченных стен. Соседи начали морщиться и искать причину. Не сразу заподозрили, что это смердит Марго. Она и раньше могла по нескольку дней не показываться на свет божий. В конце концов дверь сломали, и всех тут же отбросило волной вони в разные стороны. Проветривали потом не раз и подолгу, но все равно запах вьелся в стены подъезда.

* Омутинка — село Омутинское, административный центр Омутинского района Тюменской области.

Хоронили Марго в черном полиэтиленовом мешке. Вечная красавица и модница предстала на вышний суд в не самом лучшем виде. На похоронах были соседка Женя и Люся, жена Тихона. Больше никто не пришел. Женя накрыла поминальный стол, тихонько посидели, поговорили о Марго, но вспоминать оказалось особо нечего.

— Ты знаешь, Женя, а у нее ведь сестра была, близняшка, но полная противоположность. Марго всегда расфуфыренная, модная — а гордая какая, а высокомерная! — и обязательно в центре внимания. А Беата — ну ни рыба ни мясо. Вся какая-то несуразная, неряха, вечно замызганные платья, голова кудлатая — в общем, ни то ни се. Она в восемьдесят девятом уехала, но никому не сказала, куда и к кому. Кроме Платона. Она вообще его очень любила. Бывало, придет к нему — это уже когда он с Нюрой разошелся, — сядет и сидит в уголке. А сама на отшибе жила, в деревянной общаге, в комнатенке чуть ли не под крышей. Ни ребенка, ни котенка. Блаженная... Жива ли она еще, бог знает. Платон бы сказал, да его давно уже нет. Никого из них не осталось...

Люся увлеклась рассказом и не замечала, как по щекам текут обильные слезы. Она оплакивала всех Мажаров, плохих и хороших. Женя же, которая эту семью, к счастью, не знала, томилась другой мыслью: что там с завещанием и где оно?

Каково же было ее удивление, когда обнаружилось, что квартиру Марго завещала своей внучатой племяннице Полине, внучке Тихона, которая больше остальных была на нее похожа! На старости лет Марго стала сентиментальной. Надо сказать, что Полина ни разу к бабке не пришла, хотя жила чуть ли не в соседнем дворе, по улице Волгоградской. Но неожиданному подарку обрадовалась и отнюдь им не побрезговала. Ну подумаешь, труп недельку повонял, не беда. Сначала Полина попыталась продать квартиру, но соседи, зная, что Марго обещала ее Жене, сделали все, чтобы покупатели разбежались. Потом, правда, сильно пожалели об этом. Полина поняла, что хату не сбавить, и стала устраивать в ней грандиозные попойки. Соседи вздрагивали, посуда звякала, дети пугались и орали. Милиция наводила порядок, но ненадолго.

Когда Женя узнала о решении Марго, она почему-то громко засмеялась и смеялась долго. Потом успокоилась:

— Вот сучка старая! Земля тебе пухом...

Хочешь жить хорошо — живи. И не жди, что кто-то тебе в этом поможет. Женя развелась с мужем, взяла кредит, пахала как лошадь, пару раз хотела сдохнуть, но ничего, выкарабкалась, и со временем все утряслось. Сыновья выросли хорошими, ипотека перестала висеть камнем на шее, а потом, совсем уж неожиданно, под занавес женской биографии, нарисовался вполне приличный мужик, который подхватил Женю на руки и понес в светлое будущее. Вероятно, Господь все-таки что-то дает за труды наши.

Полина же с годами превратилась в драную кошку, продолжала выпивать и покуривать. И однажды не погасила сигаретку, задремала и сгорела. Спалила свою квартиру, а заодно и те, что рядом. Соседи, слава богу, выскочили, вызвали «пожарку», но спасать уже было нечего и некого.

14.

Фая приезжала рано утром, кому-то надо было встретить ее дома, принять на себя шквал истерики. Майя посадила бабушку у гроба, а сама пошла.

— Не подпускай к нему никого, особенно Марго.

— Да иди уже, подикась разберемся! — отмахнулась баба Нюра. И села караулить покой бывшего мужа.

Дома у Фаи было холодно, сыро и затхло. Эта половина поселка отапливалась хуже, чем Майина, вода здесь отключалась часто и на месяцы. Зимой, чтобы хотя бы смыть в унитазе, топили снег; летом сложнее. Поэтому вонь была неотъемлемым атрибутом всего дома.

На этот раз отключили свет. Майя это поняла, еще когда подходила к дому — не горел единственный на всю округу фонарь, не светило ни одно окно, — но на всякий случай щелкнула выключателем. Она была стреляный воробей, знала, где у тетки спички и свечи. Зажгла несколько штук, поставила в пол-литровые банки, сама села на табурет в прихожей, полудремала-полуприслушивалась к шагам в подъезде.

Фая явилась через полчаса и чуть не упала в обморок, когда увидела, что дверь квартиры приоткрыта и оттуда сочится мутный желтый свет. Второй раз она чуть не упала в обморок, когда увидела какой-то скошенный горб на табурете в окружении горящих свечей. Ахнула и кинула сумки на пол.

Майя разогнулась. Ей бы еще разогнуть онемевший язык, чтобы сказать тетке жуткую новость... Фаина застыла в расстегнутом пальто и сползшей на затылок шали, в ногах у нее стояли два клетчатых баула. В сумраке, среди горящих огоньков и волнообразных движений света, она и сама поняла, что пришла беда. Майя только набрала воздуха, чтобы сказать неподъемные слова, а Фая уже закрыла лицо руками и села на пол.

— Папа умер, — шепнула она в ладони и завывала нечеловеческим голосом.

Два часа Фаина стояла на коленях у отцовского гроба и голосила: из ее горла вырывались нечленораздельные фразы, какие-то отрывочные слова и звуки. Сосуды в глазах полопались, и она не видела белого света. Марина пыталась напоить сестру валерьянкой, но та отшвыривала пластиковый стаканчик. В доме стоял невыносимый запах всевозмож-

ных лекарств. Витя забился в угол за печку и плакал, Майя не могла его вытащить. Баба Нюра металась от одной дочери к другой. А дом начал наполняться людьми, своими и чужими.

Наконец Фаина охрипла. Она стояла на четвереньках, держась руками за гроб, а ее голова болталась на шее как чужая. Губы еще что-то шептали: кажется, она просила прощения...

— Фая, поднимайся! — Марина осторожно взяла ее за локоть. — Сына обними. Дите за печкой сидит, выйти боится.

И Фаина кинулась было к забытому сыну, но тут в кухне разразилась криком баба Нюра:

— Суки подколодные, положьте блины на место! Стоять!

Майя подумала, что не хватает выстрела, чтобы весь этот невыносимый гвалт наконец прекратился.

Все было просто. Накануне Марина напекла блинов на поминки. А тут у скорбящей семьи закончилась закуска. За поминальными блинами явилась Тая, взяв на подмогу Тихона. Они успели схватить тарелку и даже проскочили с ней в сени, но баба Нюра ринулась за ними. В сенях ей под руку попало какое-то корыто, им она и шибанула Тихона по затылку. Все загремело, повалились какие-то тазы и старая железная посуда. Бабу Нюру почти засыпало. Фая настигла воровку с блинами уже на улице и с разбегу прыгнула на нее. Печеные солнца разлетелись по ограде. Во дворе у Миры лаем захлебывались собаки. Фая мертвой хваткой вцепилась в воротник новой Таиной шубы и колошматила тетку головой о снег. Та не могла сопротивляться, потому что Фая села на нее сверху и наяривала что было сил.

— Тва-ри по-га-ны-е! — орала она навзрыд, посвящая каждому удару новый слог. — Тва-ри! Па-пу у-би-ли!

Неожиданно снег под Таиной головой закончился и обнажились доски. Бить стало веселее. Баба Нюра попыталась оттащить дочь, но оторвать ее руки от Таиной шубы оказалось невозможно.

— Ты же ей башку проломишь! Убьешь ее!

Тая обмякла и закатила глаза.

Баба Нюра рванула Фаю что было сил, и в руках у той остался воротник.

Без воротника, но самостоятельно Тая доползла до Миры, благо ползти было метров тридцать, и сообщила о приезде Фаюшки. Тихон с раненым затылком уже пристроился за столом и обнимал бутылку водки. Марго, довольная и загадочная, сидела у окна, положив голову на ладонь, как будто выполнила задание высочайшей важности.

— Вот погань! Воротник мне оторвала! Башка-то как кружится, — Тая уронила избитую голову на руки, — и тошнит, сил нет. Сходила за блинчиками... Ты подумай, караулят покойника, сучки!

Несмотря на сотрясение мозга, боевое настроение не покидало Таю. Если бы ее так не мотало, она бы и сейчас кинулась в рукопашную.

— Ну хочешь, я пойду жопу этой проститутке надеру? — вдрызг пьяная Мира шумно поднялась из-за стола, потянула цветастую клеенку, которая служила скатертью. Бутылки повалились на пол.

— Всем сидеть! — рявкнула Марго. — Я уже все сделала. Пусть караулят.

15.

Тая, Таисия, была удивительно некрасивой. Непонятно, как это природа так напортачила. Лицо у Таи получилось какое-то перекошенное. И если на нее серьезную еще можно было смотреть, то улыбаться ей было категорически противопоказано. Но она почему-то считала, что улыбка придает ей пикантности и загадочности. И жил этот крокодил совершенно уверенный в себе и своей привлекательности. Волосенки жидкие, сивого цвета, кривоногая, без намека на фигуру, узкоглазая, горбоносая... Мирон, глядя на кривую и страшную дочь, косился на Марьяну: мол, откуда ты ее такую взяла? Но Марьяна даже как будто гордилась уродцем. А вот не такая, как все, особенная, и не обязаны все дети походить на Нур. Надоело, как под копирку! Ну да, чего нам красоту да талант рожать, мы лучше будем плодить уродов моральных и физических. Дело твое, Марьянушка. Тут главное палку не перегнуть. Но Марьяна перегнула. Вцепилась в эту косорылую, как на божничку на нее смотрела. А если что не так, то вон Васька и Платон во всем виноваты. И эта маленькая дрянь быстро смекнула, что ей все дозволено. Безобразничала на всю катушку, а пороли пацанов.

Мирон однажды застал такую сцену, зарычал, выхватил у Марьяны кнут и смазал ей по щеке с оттягом:

— Еще раз увижу — убью и тебя, и эту косорылую приبلуду! Думаю, что не Мажар она. Так что сиди тихо! Салтычиха ты. Только та крестьян со свету сживала, а ты — детей родных...

Марьяна потрогала рассеченную щеку — кровь тонкой струйкой текла по щеке на шею. Так и ходила она до конца жизни с памятным шрамом. Сыновей больше не трогала, но жизнь замастачила им несносную.

Таисия выросла и стала напоминать Бабу Ягу из сказки, ну просто до смешного была похожа на Милляра в этой роли. Сказочно ужасна. А потом случилось чудо небывалое: Тая вышла замуж. И не просто вышла, а отхватила безумно, невыносимо красивого мужчину. Все открыли рты. Была свадьба с платьем и фатой, гости растягивали губы в искусственные улыбки и неловко переглядывались. Нет, всякое бывает, конечно, но чтобы вот так... Говорят, все невесты красавицы, но тут бы «красавицу» лучше чехлом накрыть или мешком картофельным. Невеста с кривозубой улыбкой на таком же кривом лице изо всех сил старалась показать окружающим, что это она снизошла до бедолаги жениха и сделала ему одолжение. Мол, так и быть, выйду за тебя. А «бедолага»

держался спокойно и влюбленно смотрел на свою косенькую жену. Чернявый, кучерявый, синеглазый, нос самой правильной формы, губы пухлые, но аккуратные, не вареники. А рост, а стать, а фигура... В общем, смотрелись они с Таей рядом как какая-то нелепая и злая шутка природы. Но свадьба сыграна, надо жить.

Первой родилась дочь Анжела — слава богу, красивая и ладненькая. Тая расстроилась: вся в отца, от матери ничего не взяла. Родня прыснула: ну, знаете... Девочка выросла в доме Миры. Просто Тае не понравилось заниматься ребенком, бывает же такое, в конце концов.

Тае вообще много чего не понравилось. Матерью быть не понравилось, женой тоже, хозяйкой — так вообще беда. Марьяна в личную жизнь дочери не вмешивалась. Она вмешивалась только в жизнь Миры — с благими намерениями и в жизнь Платона — с желанием растоптать. Так и не смогла простить сыну, что он не в нее — очень в нем человека много. В гневе всегда говорила:

— Против меня пошел. Христом решил стать. Христос у меня один, святых тоже хватает. И пусть не забывает, что Его распяли и Он в муках умер!

Платона тоже распяли, и муки были. Все как мать хотела. А еще она с него единственного из своих тринадцати детей алименты требовала.

В семидесятом году, в том возрасте, когда уже готовятся к внукам, Таисия неожиданно родила вторую дочь, да такую, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Девочка получилась настолько красивая, что все обомлели. Назвали Таней. Точная копия своего отца, до ужаса хороша! Синие глаза, кучерявая, чернявая, ресницы до бровей, а фигура — аж прикоснуться страшно.

Если Анжелка была попроще, поговорчивее, то Таня цену своей неземной красоте знала и абы как ее разбазаривать не собиралась.

Анжела уехала в Тюмень поступать в железнодорожный техникум и поступила. Но учеба была на периферии ее насыщенной событиями жизни. Анжела пустилась во все тяжкие. Подлейшим образом отбила жениха у лучшей подруги. Без стыда и совести строчила ему письма в армию, в которых красочно расписывала, что Ленка пьет, курит, дебоширит, сменила одного хахала на другого и в ус не дует. В конце концов Ленке в студенческую общагу пришло письмо от Саши, в котором причиной их расставания был назван ее, то есть Ленкин, безобразный образ жизни...

Ну что ж, нет так нет. Елена Грасс, симпатичная и экзотическая, как ее фамилия, встряхнулась, подтянулась и гордой походкой зашагала по непредсказуемой жизни. И этой же походкой через тридцать два года зашла в магазин, где стала свидетельницей сцены, которая ее и ошеломила, и позабавила. К этому моменту успешная дама Елена Александровна была уже не Грасс, а Стрешнева, владела рестораном и сетью кафе, счастливо жила замужем и воспитывала дочь. В тот день она ехала на своем очаровательном и женственном «мерседесе» по делам, как вдруг ей страшно захотелось пить. В старой части города, где прошла ее мо-

лодость, она наткнулась на крошечный магазин, скорее даже дворовую лавчонку. Елена была не из брезгливых, могла бы и из уличной колонки попить, вот только в Тюмени их почти не осталось. Забежала моложавая дама в магазинчик купить водички, а там какое-то чучело сипит и кидается на продавщицу.

— Слышь, мать, ну горит, сил нет! Ты же меня знаешь... Мы с Шуриком вернем, кровь из ноздри, вернем! — дышало чучело перегаром в лицо работнице торговли.

— Сказала, не дам! Достали, алкашня поганая! Пошла вон!

— Да туды твою мать! — чучело схватилось за горло. — Помираю... Человек ты или зверь?

Лена не выдержала и рявкнула на пропойцу. Сколько можно скулить! Та развернулась, явно готовая прохрипеть что-нибудь вроде «ща убью», но запнулась на полуслове. Лена тоже запнулась:

— Анжела? Неужели...

Ужели! Она самая. Совершенно без зубов, только с парой гнилых пней во рту, волос на голове тоже не очень много, зато роскошная поросль в носу и из ушей какая-то солома торчит. А лицо! Как будто комбайн по нему проехал, и не один раз.

Улыбается, узнала старую подругу:

— Ленка! — и обниматься лезет.

Лена рукой отстранила вонючку: еще чего не хватало! Так это пугало засушилось, засновало вдоль прилавка:

— А я щас Саньку позову, мы тут живем, в этом доме. Поди, проспался, хрен старый! — и спохватилась: — А ты нарядная какая... Праздник у тебя, что ли? А дай на опохмел, а? Горят трубы...

Продавщица смотрела на этот водевиль и пыталась понять, что у этих двух особ женского пола может быть общего.

— Ну так что, дашь на чекушку? — Анжела игриво мигала рабочим глазом. Второй заплыл напрочь.

Но Лена уже шла к выходу. Пить ей расхотелось. Какое там «пить», когда призрак прошлого вот так, без грима и предупреждения, выпрыгнул навстречу! Уже в дверях она услышала, как Анжела хвалится:

— Подружка моя, с молодости. Ишь какая стала! Сучка жадная...

Лена отъехала в соседний двор и вышла из машины. Стояла ранняя осень, теплая, нежнейшая и легчайшая. Дымка, яркость, пестрота — все как она любит, старый район города, в котором она тридцать с лишним лет назад выгуливала свою брошенность. Выгуливала-выгуливала, да и развеяла ее.

С набережной летели звонкие голоса новой молодости, новых любовей и слез. Господи, как хорошо, что все так! Спасибо Тебе...

Но это было потом, а вначале победоносная Анжела планировала свадьбу. Свадьба действительно состоялась, правда без размаха, зато жених набил невесте морду прямо за банкетным столом. С этого эпического события и началась их семейная жизнь.

Молодым дали комнату в общежитии, но вскоре они оттуда съехали: соседи взвыли и стали писать жалобы. Горластая и хамоватая Анжела вытрясла в своей железнодорожной конторе отдельную однокомнатную квартиру на Флотской. Там родился Эдвард. Да-да! Родственники просто обалдели, когда услышали имя ребенка. Решили, что это насмешка. Можно было бы этот казус свалить на пьянство родителей, но те тогда пили умеренно и еще не утратили здравомыслия. Эдвард рос как бамбук, то есть быстро вытягивался и был чрезвычайно худ. Его любимой едой был «чай с сасалом». Другой еды, собственно, в доме почти и не водилось. Потом родилась Агнесса. Нет, ну они, точно, издеваются!

Больше всех возмущалась Мира. Она Анжелку вырастила и такого откровенного хамства стерпеть от нее не могла.

— Это что за безобразие, что за Эдвард и Агнесса! Ты на спор детей, что ли, назвала?! — В тетке все клокотало и бурлило. — Третий родится — Даздрапермой назовешь?!

Третий, слава богу, не родился. Жизнь Анжелиного семейства постепенно превращалась в кошмар, и не ночной, а самый настоящий. Пили сначала по великим праздникам, потом по мелким, потом начали отмечать самые незначительные события. Со временем пьянки стали образом жизни. Гуляли с размахом, дрались тоже. Агнесса, нагледевшись на это безобразие, очень рано выскочила замуж и уехала в новую семью. Непонятно, как у нее мозгов хватило. А Эдвард как был пустым бамбуком, так им и остался. Рано подсел на наркотики, рано сел в тюрьму, а потом сгинул. Как не бывало парня. Агнесса пыталась его найти, но следы потерялись, совсем. Зато у родителей появился новый повод выпить: сын пропал, горе в семье. А до этого, видимо, исключительно счастье обмывали.

В общем, Анжела заливала шары, а деньги ей подкидывала сердобольная сестра Таня, которая к тому времени набрала обороты.

Шестеренки у Тани в голове закрутились чуть ли не сразу после рождения. Красавица, щедро обласканная природой, она четко все спланировала. Если полюбить — то только короля, а если проиграть... Нет, проигрывать она не собиралась, ни миллион, ни гривенник. Только победа и выигрыш!

Она окончила школу, и этого ей хватило с лихвой. Для чего учиться, если красота прет, как тесто из квашни? А с красотой — только в люди, и, конечно, не в замызганной Талице. Но и в Москву Татьяна не собиралась. Зачем далеко ехать? К сестре в Тюмень — уже хорошо.

Восемнадцатилетняя Афродита прибыла на конкурс красоты, пока местечкового масштаба. Отборы она не прошла, а проскочила, как будто одно ее появление уже было пропуском куда угодно. И вся она была хороша, с какой стороны ни подойди. В купальнике — блеск, в платье — шедевр, волосы распустила — у организаторов инсульт... В общем, все просто падали в обморок, когда Таня Аллилуева поворачивала свою лебединую шею и откидывала назад кудрявую гриву. Конкурс она выиграла

не напрягаясь. Просто вышла и все — поняла, что королева. Даже скучно стало.

Потом был прием, на котором участники разглядывали, как чистопородных лошадей, и приценивались. Кто-то из девочек уходил под руку с каким-нибудь мужиком в лоснящемся костюме, с лысинкой и вспотевшим лобиком, кто-то грустно пил шампанское, которое Таня даже пробовать не стала. Не для того она сюда приехала, чтобы пошло дешевое хлебать. К ней неуверенной походкой подошла кукольная блондинка с пышным бюстом — конкурсантка, которая хотела в первые ряды, а ее отшвырнули на какое-то дальнее место. Она обиделась и напилась.

— Ну что, пупсик, — блондиночка высунула розовый язык и издала неприличный звук. — Обделалась? Вот ведь оно как — не родись красивой... Всех потрапушек разобрали, а ты чего ж?

— А я не потрапушка, может, поэтому и не берут?

Таня весело улыбнулась. Чего с пьяным быдлом в объяснения пускаться?

Она бодро накинула пальто, перешитое из старого материнского, и вышла в сырой апрель. Ерунда эти ваши конкурсы! Может, и правда, в Москву? Там и масштабы, и возможности другие. А тут только грязь месить. Грязь, кстати, весело летела в разные стороны, темнота была и на небе, и на земле. Предстояло тащиться через весь город к сестре, пешком, в старом пальто, но в короне. Таня опять улыбнулась. Королева, едрена мать!

Сзади ее тихонько подхватили под локоток. Рядом, переминаясь с ноги на ногу, стоял мужичок непонятного возраста и крайне растерянного вида, рыженький, лысоватый, маленький и, кажется, пузатенький — в темноте же не видно, — и заглядывал своими блеклыми, безрассудно влюбленными глазками в Танины ясные очи.

— Чего? — Таня отшатнулась, как от маньяка. — Чего надо?

— Вас... — тихонечко прошептал мужичок и опять утонул в ее глазах.

Счастливый билет? Нет. Это был не билет, и даже не самолет. Это была целая авиакомпания мировых масштабов. Таня поняла это, когда его личный шофер вез их в автомобиле, каких она не видела даже по телевизору, в загородный дом, как будто выпрыгнувший из сказки. «Я теперь Золушка!.. Да что там Золушка... Я сама Фея!»

Этой же апрельской ночью Таня рассталась с девственностью, а мужичок, который оказался сыном губернатора области, чуть с ума не сошел, когда увидел на простыне красное смазанное пятно. Тане понравилось быть женщиной, быть в этом доме, быть с личным водителем и с этим мужчиной. Он оказался при ближайшем рассмотрении весьма симпатичным, и то, что он с ней делал, не совпадало с рассказами подружек. Никакого нахальства, грубого лапанья, никаких пятиминутных случек, а потом отворачивания к стене и оглушительного храпа... Хоть Тане и не с кем было сравнивать, но Витя ее вполне устроил. А сам он, конечно, влюбился, крепко и навсегда.

Выпивая шампанское — хорошее шампанское, а не разливное из фляги, — Таня сидела на подоконнике в Витиной рубашке и побалтывала ножками. Всем давно известно, что мужская рубашка, желательно белого цвета, на голом женском теле — это совершенное оружие. А если тело молодое и красивое, то выстрел производится в упор. Витя был расстрелян многократно, и на нем места живого не осталось. Он сидел на кровати и с идиотическим выражением лица смотрел на свою принцессу.

— Таня, ты выйдешь за меня замуж?

Он даже задержал дыхание, чтобы не выдохнуть в случае отказа.

Таня прислонилась спиной к холодному стеклу окна. Поставила хрустальный бокальчик на подоконник:

— А что мне за это будет? — и даже облизнулась.

— Все. Все, что ты захочешь!

Как лань или кошка, Таня спрыгнула с подоконника с холодной спиной и жаркой головой и села сверху на своего жениха. Она быстро поняла все, что нужно делать. Как будто женщина в ней спала, а тут ее разбудили, дали абсолютную волю, и она понеслась по свету, расплескивая чары во все стороны. Оставалось только совершенствоваться. Таня сделала несколько легких возвратно-поступательных движений — и ощутила неоспоримое подтверждение своей божественной привлекательности и демонической сексуальности. Ей все больше это нравилось. Витя, будто вырываясь из собственного тела, схватил Таню, и та поняла, что вот теперь она королева. Победительница.

К ее ногам не упало разве что небо. Все блага мира сами шли в дом и предлагали себя. Гардеробы ломались, косметички трещали по швам, обувные полки рушились под тяжестью туфель, сапог, босоножек и прочего. Мир просто не выдерживал натиска Таниной красоты. Она цвела, умащенная дорогими кремами, промятая искусными руками массажистов, причесанная и завитая мастерами-парикмахерами, которых заказывали чуть ли не из Лондона. Муж сходил с ума от любви, вечно желал свою жену и был абсолютно счастлив. Отказа Таня ни в чем не знала, поэтому содержала сестру и мать. Последняя бесконечно требовала шубы. Таня периодически это дело пресекала, напоминая, что жадность фраера сгубила. Забыли, кто хозяйка?

В общем, все было хорошо, кроме одного: детки у них все никак не получались. Уже прошло десять лет, было сделано несметное количество обследований и анализов. В какой-то момент Тане даже показалось, что она чаще раздвигает ноги в кресле у гинеколога, чем в постели перед мужем. В общем, выяснили, что «виновата» Таня. Бесплодие абсолютное и безоговорочное: яйцеклетки не жизнеспособны. Суррогатное материнство не обсуждалось, потому что к Тане этот ребенок не имел бы никакого отношения.

Чтобы утешить жену, Витя стал вывозить ее за границу не два раза в год, а три-четыре. Но ни Монако, ни Греция уже не отогревали. Таня начала выпивать. Точнее, пить — сразу, много и запоями. Витя схватил-

ся за голову. К черту гинекологов, начались психотерапевты, лечебницы, клиники... Он мужественно боролся за единственную женщину своей жизни, без которой смерть и мрак. Но сколько наркомана ни лечи, пока он сам не захочет, все бесполезно, хоть из штанов выпрыгни. Таня искала и находила что выпить и чем опохмелиться. Она всегда была целеустремленной, не подкачала и тут.

В какой-то момент элитные соседи попросили немедленно принять меры. Витя вывез жену за город. Там, конечно, контролировать ситуацию было сложнее, но он подключил охрану.

Ускользнула Таня ночью. Вылезла со второго этажа по простыням, накинула шубку на ночную рубашку и была такова. Что ей та охрана!

Ее искали с собаками, но не нашли. Она была у сестры, а адреса Анжелы никто не знал: с родственниками-алкашами Таня мужа не знакомила. Зато сейчас очень кстати пришлось и сестра, и початая бутылка водки.

Тут, согласно сценарию, Витя должен был вскрыть себе вены или повеситься на люстре, но ничего этого ему делать было не нужно: он и так умер. В нем погибла та внутренняя вселенная, которая делает человека по-настоящему живым. Он перестал искать. Разум говорил ему, что, даже найди он свою любовь, спасти ее уже невозможно, а видеть то, что осталось от его синеглазой королевы, Витя не хотел. Пять лет он выкуривал и вытравливал из Тани зеленого змея, но эта рептилия сожрала ее. Теперь надо как-то жить одному.

Все, что осталось у некогда счастливой красавицы, — это соболья шуба, в которой она убежала от мужа. Надо отметить, Таня ее не пропала. Ходила в ней в магазин за бутылкой. Зрелище было не хуже, чем в театре: вот она я, пропитая до костей, вот моя соболья шуба, а вот сопочка на опохмел. Окружающие смотрели на эти сцены с интересом и сожалением.

В канун своего сорокалетия Таня изрядно напилась в малознакомой и очень разношерстной компании. Там ее оприходовали все, кому не лень, но она это плохо помнила, потому что совершенно ничего не соображала. Потом на нее натянули сапоги, вылинявшую «театральную» шубу и выкинули на декабрьский мороз. На улице мело, Таню носило в разные стороны. В четвертом часу утра она упала в сугроб и уснула. Проморозилась от холода и какого-то странного зуда. Она лежала на кушетке, под казенной простыней, совершенно голая. Больничные стены ударили по глазам обморочной белизной, в нос шибанула хлорка. Страшно чесались ноги. Таня потянулась, чтобы поцарапать ступню, но царапать было нечем. Руки оказались без кистей. Она совершенно ясно чувствовала, что кисти болят, но их не было. Таня посмотрела на перебинтованные культы, и первым, что пришло ей в голову, была ошеломляющая мысль: «Чем держать рюмку?!»

Последний ее бурный выход в общество случился на похоронах Андрея. Таня быстро и сильно напилась, скинула скромную одежку и,

тряся обвисшим бюстом, который и назвать-то так уже было нельзя, совершила дефиле через поминальный зал. Марго кинулась прикрывать это бесстыдство, не лезущее ни в какие ворота. Была бы мать жива, со стыда бы сгорела! Но Танюха отрывалась от всей своей некогда красивой души. Майя тогда видела ее впервые и от ужаса не могла наглядеться. От бывлой королевы не осталось ничего. Зубы почти выпали, на голове, едва доставая до плеч, трясся какой-то сальный хвостик, и еще эти жалкие культи... Кстати, рюмку она ими держать наловчилась. Сморщенная, как курага, высохшая, как гриб, и страшная, как всадник Апокалипсиса, Таня веселилась на поминках дяди, демонстрируя окружающим фигуру богини, вот только какой...

Умерла она в две тысячи пятнадцатом году. Упала с железнодорожного моста. Какого рожна она туда полезла ночью в январе? Видимо, переползала из одной пьянки в другую. Так и лежала между путями, пока бодрствующая проводница не увидела.

Хоронила Таню Агнесса с мужем и детьми. Потихонечку закопали и ушли. На памятник сделали потрясающую фотографию. Таня, еще молодая и невыносимо красивая, улыбается своей жемчужной улыбкой, и сразу становится понятно: у этой девочки все хорошо и всегда так будет. Разве бывает у таких по-другому?

Тая, получившая в качестве компенсации за внешнее уродство любовь матери и мужа, не спешила благодарить Бога за такой шикарный подарок. Когда родилась Таня, жизнь стала совсем скучной.

Толя, Таин муж, часовых дел мастер — лучший, надо сказать, во всем Талицком районе, — все чаще стал допоздна засиживаться на работе, возвращался усталый и смурной. Ходил в каком-то тяжелом предчувствии. Тут как раз Анжела слетела с катушек, начала двигаться в нехорошую сторону. Таня уже не отходила от зеркала, маленькая королева... Дом полон баб, а суп сварить некому, мужик штаны с трусами сам себе стирал.

И вот пришел он, значит, домой чуть пораньше, чем обычно. Торопился — как-то покальывало слева в этот день, заходило прямо, как будто с Таей что-то не так. Бегом взлетел на второй этаж их деревянного, еще царской постройки, дома, рванул дверь квартиры, задыхаясь шагнул — и замер. В комнате слышалась какая-то возня. «Грабят! Тасю убили и грабят!» — первое, что пришло ему в голову. Скрипнула кровать, за стеной перестали пыхтеть и заохали. Что за нехороший сон и почему так жмет слева? Толя, как жулик, по стеночке пробрался в комнату, аккуратно выглянул из-за косяка — и в груди защемило и зажгло сильнее. На кровати лежала его замечательная жена, а сверху на ней дрыгалась мужская задница. Видно, такая страсть захлестывала любовников, что даже штаны не сняли, а просто приспустили. Не до раздевания было. Толя прислонился к косяку и наблюдал за действием, как будто он посторонний и просто проходил мимо, а тут такое... Все бились, как в агонии, только кто-то в любовной, а кто-то — в предсмертной. Толя вышел в кухню, по-

стоял, опершись о стол и выравнивая дыхание. В комнате неизвестный мерзавец во все лопатки трахал его жену, а он, законный муж, стоял на кухне, держась за сердце...

Нож как-то сам подвернулся под руку, хороший, большой, добротнo наточенный — сам точил. На мгновение Толя засомневался, кого убить. Потом уверенной походкой прошел в комнату и воткнул лезвие между лопаток любовнику своей жены. Мужик охнул, вскрипнул, задрал голову и замер.

— Ты что, Вась? Все? Что-то рановато сегодня, — Тая была недовольна и требовала продолжения.

А Вася весь обмяк и рухнул на нее, и за ним показался Толя, а потом стал виден нож в Васиной спине. Несколько секунд молчания и оцепенения, а дальше визг и крик. Васю жалко, а муж родной катись ко всем бесам! Муж и покатился, и даже почти по адресу — в милицию. Пришел, сел, рассказал все как на духу: готов, как говорится, понести заслуженное наказание. В милиции переглянулись. Все знали Анатолия Аллиуева: мужик отличный, часовой мастер от Бога. Когда он женился на Тае, Талица охнула: что за идиотизм?! И сейчас, когда это чудище умудрилось изменить мужу в его же квартире, народ загудел. Состоялся суд, громкий, тяжелый. Подсудимый был спокоен, немногословен и, казалось, просто устал от всего этого. Как бы даже просил: посадите меня уже, чтобы я скорее отсидел и вышел. Его и посадили: дали всего пять лет общего режима, столько нашлось смягчающих обстоятельств. Но Анатолий и пяти лет не отсидел. На зоне он был человеком уважаемым, его ремесло там пригодилось даже больше, чем на воле. За образцовое поведение его перевели в колонию-поселение. Там он познакомился с женщиной — молодая, всего сорок лет, сидела за убийство. И вот это уже ирония судьбы: застукала мужа с любовницей и зарезала. Любовницу, разумеется.

Ее звали Маша, она была красавицей, и даже тюрьма не покорежила ни ее лица, ни характера. Сидели они в Ивделе*, для нее дом родной, а для него чужой город. Маша вышла на полтора года раньше, дождалась Толю, и они поженились.

Всего один раз он приехал в Талицу с новой женой. Было это в восьмидесятом году. Приехал, чтобы проститься с дочками. Анжела его видеть не пожелала просто потому, что как раз вышла из глубочайшего запоя и пребывала в похмельной депрессии. Толя поехал к Мире. В дом его не пустили, ждал за воротами. На улицу выбежала десятилетняя Таня, обняла отца и доложила, что у них «новый папа».

— Мама в больнице, потому что неудачно ковырнулась, папа Семен на стройке в Пановой**. Тетя Мира не велела с тобой разговаривать и даже запретила тебя папой называть. Говорит, что ты ээк поганый, Васю убил...

Маша стояла рядом и диву давалась. Тюрьма не страшна, когда есть такая семья и такие родственники!

* Ивдель — самый северный город Свердловской области.

** Панова — деревня в Талицком районе Свердловской области.

— Папа, я вырасту и стану королевой, потому что я самая красивая!

И Таня повернула длинную шею, демонстрируя профиль маленькой богини. Мира наблюдала из-за занавески — обязательно доложит родственникам.

Толя зашел к Платону. Не мог не проститься. Они уважали друг друга и крепко дружили.

— Беги отсюда и никогда не возвращайся, — Платон был рад за Толю, даже как-то пугающе рад.

— А ты что же не уедешь? Гадюшник ведь! Задавят, заживо сожрут.

— Я никогда не брошу этот дом. Я его строил, я в нем умру. А ты езжай. Счастья тебе!

И Толя уехал. Они с Машей тоже построили дом, она занималась хозяйством, а он — своими любимыми часами. Он навсегда остался красавцем. Седина ему шла, с возрастом он стал похож на какого-нибудь французского актера благородных кровей. А Маша — на итальянскую актрису, играющую королев и герцогинь. Толя двадцать лет провел в болоте, а сейчас научился беречь время и дорожить каждой секундой. Сколько еще осталось, кто знает... Они были счастливы.

После того как Толя сел, Тая развернулась. Сначала родственники ее жалели: такое горе, друга сердечного убили, — потом начали сватать ей кавалеров. Никого не смущало, что возраст у нее уже пенсионный. Что же теперь, помирать? Друзья сердечные начали мелькать перед ней красочным калейдоскопом, принося в ее жизнь фингалы, побои, венерические заболевания, аборт... И, конечно, пьянки. Потом, когда Таня воспарила над этим грешным миром в статусе губернаторской невестки, Тая вдруг стала матроной и местной модницей. Легко выглядеть успешной, когда дочь наряжает тебя в шубы и заваливает турецкими шмотками, да и деньгами не обижает. Жизнь удалась! Танечка — умница, не то что Анжелка, алкашня поганая...

Когда Танино спонсорство резко прекратилось и сама Таня скатилась ниже некуда, Таисия вдруг завела другую песню. Анжела, мать стареет, пенсия грошовая, что же ты — бросишь? На что Анжела, не размазывая долго, отрезала:

— Пошла на хрен! Поди, не сдохнешь.

Дочь, как и мать, не страдала лишней сентиментальностью. Ну хоть чем-то похожи, а то Тая шибко печалилась, что никакого сходства с ней у кровиночки нет.

В семьдесят девять Таинных лет выпрыгнул диабет и лихо принялся за ее ноги. В том же году ее шарахнул инсульт, после которого всю правую сторону парализовало. Неподвижное и совершенно бесполезное тело командировали в Дом старчества*. Дочери к умирающей матери не приехали ни разу. Любящая сестра Марго наведальась однажды, привезла

* Дом старчества — так в то время назывался Талицкий дом-интернат для престарелых и инвалидов.

три гвоздики и торт. Для диабетика сладенькое в самый раз. Тая почти не говорила, у нее немного двигалась левая рука, а все, что было справа, омертвело. Только правый глаз все время плакал сам по себе. Марго уже тоже сдавала катастрофически, но старалась держаться. Она довольно холодно попрощалась с сестрой, рекомендовала ей беречь себя и обязательно попробовать торт: он исключительно вкусный. Тая протянула к ней единственную рабочую руку, но Марго уже удалялась, прикрывая нос платком — в палате дурно пахло. Таю редко мыли и еще реже перестилали постель, ее ноги безбожно гнили.

Через три дня после визита сестры Таю хватил еще один инсульт. Его то ли действительно не заметили, то ли сделали вид. Она из последних сил пыталась позвать на помощь, но в тот день в Дом старчества как раз приехали детские коллективы с культурной программой. Весь персонал собрался посмотреть на песни и пляски. И под выступление танцевального ансамбля «Солнышко» Тая отбыла в мир иной, а ее правый глаз продолжал ронять слезы, словно все оплакивал кого-то.

Позже обнаружилось еще одно отвратительное обстоятельство: хоронить Таю некому. С дочерьми все понятно: дело тухлое. Сестра Марго сама оказалась в больнице — ноги совсем не давали житья. А племянники глаза попрятали.

Марине позвонили домой. Ее знакомая работала в этой богадельне.

— Мариша, твоя тетка Таська умерла. Извини, что тебе звоню, но она уже три дня в морге, скорее всего, как безродную хоронить будут. Стыдно — при такой-то родне...

— Стыдно у кого видно, — отрезала Марина и сама покраснела от сказанной пошлости. — Хорошо, спасибо, Тоня.

На похоронах Таи было четыре человека: Марина, Майя, Фаина и Витя. Компания для такого мероприятия более чем странная. Моросил противный ноябрьский дождик, осень в том году была поздняя, в начале ноября только начало подмораживать. Майя скрючилась, зубы у нее стучали от холода, ноги промокли. Размякшие комья сиротливо шлепались на крышку гроба, могильщики кое-как собрали из полужидкой земли холмик, поставили крест. Майя даже заказала фотографию, выбирала сама, умудрилась найти приличную.

Фая тихо материлась, Марина тихо ее ругала.

— Сучий потрох! Почему так? Зачем?

— Потому и затем. Молчи.

— Марго я хоронить не буду!

— Не будешь, не будешь. Успокойся.

Действительно, не будет. Без нее похоронят.

(Окончание следует.)

Алексей ГРИГОРЬЕВ

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ДЕВОЧКЕ?

* * *

в детском саду изучали ремёсла —
так называли предмет.
вырос, вода у дороги замерзла,
запил за стенкой сосед.
все, что случается, все называется:
ну например, «календарь».
день повторяется, свет осыпается.
черная точка. январь.

встреча

достает серебряную «хортицу».
помню, поджигал ее — горит.
— сам чего, обрыдла?
— нет, не хочется. —
большого не нужно говорить.
— ну тогда возьми в пакете яблоко.
зря мы так о жизни, что плоха.
облака на небе — будто ялики
из давно любимого стиха.

провода

Елене Евтеевой

алкоголь через сутки на вкус как вода,
только думать о печени неинтересно.

провожали в четверг, говорил: «не беда:
 никогда не любил это место».
 это было как в фильме про облако-рай.
 над вокзалом текло тепловозное эхо.
 водка кончилась где-то на слове «бывай».
 никуда, разумеется, я не уехал.

* * *

что мы знаем о девочке в платьице длинном?
 той, с фломастерным пятнышком на носу?
 только то, что мы видим: рисует картину —
 очень маленький домик в еловом лесу.
 через час дорисует на ветках иголки,
 станет вслушиваться в тишину.
 спросит: «волки?» — у папы. — «какие тут волки?»
 и в ответ это долгое: «у-у-у».

* * *

два луча — это фары с бетонной дороги.
 дед ссыпает в ладонь очень взрослый табак.
 — греки думали, звезды не звезды, а боги.
 может, думали, только не очень-то так.
 оборвется и смолкнет в поленнице желудь,
 жалко греков, и деда, и всех остальных.
 как там дальше без них, фиолетовых, желтых,
 равнодушных, изменчивых, ледяных?

похороны

после кладбища много молчали и пили.
 бабка славкина терла слепые глаза.
 говорили: неместные в драке убили,
 только правильной будет вот так: развязал.
 возле речки потом восьмилетняя галя,
 провернув на запястье браслет голубой:
 — а вперед для чего непременно ногами?
 — потому что в начале вперед головой.

знаки

от конфеты останется розовый фантик,
то есть образ конфеты и слово «была».
между прочих времен над одной из атлантик
ватку неба пронзает стальная игла.
как там бар назывался? не hasta la vista?
ничего нет за знаками, в этом и суть.
что мы знаем про девочку в той серебристой?
что мы знаем про волка в осеннем лесу?

Мария МОЛОДЦОВА

РОМОВАЯ БАБА

Р а с с к а з

Маше Молодцовой выпала нелегкая судьба. Там, где она находится сейчас, не пожелаешь оказаться никому. В разъяснения вдаваться не буду...

Она была одной из лучших в моем семинаре прозы в Литературном институте им. Горького. Я помню ее прозу — сильную, упругую, совсем не «женскую». Студенты семинара давно уже закончили учебу в ЛИТе, а Маша — пока нет. Но уверен, что вернется и я снова увижу ее в стенах нашей альма-матер.

Важно, что и в трудных условиях она продолжает писать, присылает мне свои новые вещи. Они немного другие, изменилась интонация, добавилось сентиментальности. Но осталось замечательное чувство ритма, а ритм, как верно считает один из самых интересных питерских прозаиков Илья Бояшов, — наипервейшее дело в прозе. Главное, от ее рассказов всегда остается какое-то послевкусие. Ты вспоминаешь отдельные моменты, по-другому начинаешь понимать. Это тоже признак настоящей художественной прозы.

Рассказ «Ромовая баба», на первый взгляд, незамысловат. Но две смерти — капитана и щенков собаки в блокадном Ленинграде тем не менее пронзают тебя насквозь. А сейчас очень мало пишется прозы, которая вызывает в читателе такое вроде бы элементарное, однако важное человеческое чувство, как жалость. Напомню, что один из шедевров русской литературы, рассказ Ивана Тургенева «Муму», как раз про это — про жалость, про то, что человек уязвим, как и животное, а животное страдает не меньше, чем сам человек.

Я думаю, со временем из Маши получится крепкий писатель. У нее есть для этого все данные.

Павел Басинский

В кафе отеля было людно и шумно, как и всегда в этот час, когда толпы местных из Аквилы и Пины и туристов поднимаются на фуникулере на вершину Гран-Сассо — кто зачем: покататься, поглазеть на снег или пообедать.

За столиком в углу, в белом ярком свете, отражавшемся от гор, сидел старик. Нога на ногу, массивный, как динозавр, он пил кофе из такой маленькой чашки, что при каждом глотке она скрывалась в его бороде.

Напротив сидела светловолосая девчушка: подобрал под себя ноги в ярких лосинах, повернув голову чуть вбок и ни на секунду не отрывая губ от соломинки в стакане сока, она пыталась сложить из листка счета кораблик-оригами.

На кухне загремела посуда, мелодично выругался женский голос. В зал вышел официант с большой корзиной пирожных.

— Деда! Деда! Смотри — ромовые бабы! Хочу такую! Можно?

— Говори по-итальянски, Мари.

— Деда! Но я не знаю, как будет по-итальянски *gomovaya baba!* — воскликнула Мари, высоко вздернув брови.

— Хм, а ведь и я не знаю, — ухмыльнулся старик в бороду.

— Деда, а ее придумали в Италии или в России?

— Ну и вопросы у тебя сегодня, Мари. Честно — не знаю. Зато одно могу тебе сказать точно: это пирожное поддержало многих людей в блокадном Ленинграде.

— Когда — в войну?

— Да, в войну.

— Но ведь тогда было совершенно нечего есть. Ты же сам читал мне про морковный чай!

— Так-то оно так. — Старик взглянул на склон и прищурился от слепящего света. — Еды почти не было. Пайки хлеба выдавали по карточкам. Зато на заводах оставалось много сладкого рома и ликеров, которые наливают в конфеты с вишенкой...

— Что за конфеты? — перебила Мари.

— Для взрослых. Так вот, когда я был чуть старше, чем ты сейчас, я пробовал такую ромовую бабу. Их выдавали раненым, и дело было в Ленинграде.

— Деда, ты что, был ранен? — Глаза девочки опечалились.

— Да нет же! Слава богу, нет. Ладно, это долгая история. Пойду-ка я лучше возьму для нас чаю с чабрецом и две самые вкусные ромовые бабы.

Старик ловко поднял свое большое и крепкое тело и направился к стойке.

— Серджио, друг! Два чая с травами и пару вон тех пирожных...

За окнами падал снег. Огромные легкие хлопья его, лебяжий пух, кружась, падали. Если смотреть прямо перед собой — казалось, зима. Опустить глаза вниз — по тротуарам, земле, прохожим было ясно: в город прокралась весна.

Весна была грустной: повсюду хоронили. Глеб схоронил маму еще зимой — пневмония. От отца вестей не было. В седьмой палате умирали студенты, раненные осколками. В шестой — обмороженные, с железной дороги. В пятой — все подряд. В первой палате слева по коридору лежали серые усатые командиры — после ампутации. А Глеб смотрел, как падает за окошком снег, и думал, о чем совсем не надо думать в четырнадцать лет: неужели мы все умрем?

В ординаторской было тихо. Пахло хлоркой. В кресле под фикусом дремала, запрокинув голову, Федоровна, старшая медсестра. Она несколько недель подряд не уходила с ночной, а покемарив там, в кресле, два-три часа, возвращалась к работе. На низкой кушетке возле батареи спала Полина, дочка хирурга Елизаровой, которую дома не с кем было оставить. Батареи были холодными, и Полина куталась в большое серое одеяло, во сне крепко вцепившись в него маленькими пальчиками.

Глеб говорил про себя, чтоб ничего не забыть: так, сейчас пойду проверить постели, менять судна, потом надо разнести градусники, вымыть пол в коридоре... Помогать в госпитале его пристроил отец, уезжая на фронт. Все лучше, чем шляться. И при деле, и под присмотром. Их квартира теперь пустовала, храня на пыльном паркете последние шаги мамы. Сестра Танька оставалась днем с соседкой — учительницей Глафирой Ивановной. У нее и ночевали.

Нехотя оторвав взгляд от летящих хлопьев снега, мальчик прыгнул с подоконника и вышел в темный коридор. Здесь слышались стоны, всхлипы, какое-то копошение, тихие разговоры. Неосознанно протягивая время, он шел, ступая только на черные плитки кафеля. Из второй палаты вдруг показалась спина в белом халате, а следом — аккуратно причесанная голова фельдшера Марины.

Разглядев Глеба в полутьме, она громко прошептала:

— Иди, иди сюда! Смотри: у нас чудо!

В три прыжка он уже был у двери и теперь пытался разглядеть хоть что-то за спинами набившегося в тесную палату персонала. На койке сидел, опираясь на подушки, капитан Смирнов. На его землистом лице светилась смущенная улыбка. От стакана, стоявшего на тумбочке, шел густой белый пар. Рядом на блюде лежала ромовая баба. Лево́й рукой капитан отщипывал от нее кусочки, правая — висела плетью.

Все так и застыли, переводя взгляд с ожившего капитана (который еще вчера был так плох, что приезжавший Вербицкий сказал — не выкарабкается) на ромовую бабу — сладкую, больше ладони, до влаж-

ности напитанную кондитерским спиртом. Она лоснилась и светилась в тонких скрюченных пальцах Смирнова, как кусочек жизни. И будто даже слышалось ее легкое дыхание сквозь поры теста. Глеб наблюдал за крупницами нежной белой мякоти, плывущими к серым губам, и думал, что они похожи на снег, клеклый весенний снег, падающий на асфальт. Он думал: где-то здесь, в голодном Ленинграде, собираются люди и пекут ромовые бабы для выздоравливающих солдат. Передают им свою силу...

— Глебка, иди-ка в шестую, — положила ему руку на плечо тихо подошедшая Федоровна. — Там постели менять пора: мочой на весь этаж несет.

— Федоровна, а капитан жить будет?

— Конечно, будет, он второй раз сегодня родился. До-о-олго, — протянула она, — долго жить будет.

Мальчик успокоился от этих слов и, улыбаясь сам себе, побежал выполнять задание.

— Выздоровеет — будет жить долго-долго, — приговаривал он под шарканье рваного ботинка о кафель.

Вечером Глеб рассказал про капитана Глафире Ивановне и сестренке.

— Сколько он крови потерял — целый таз большой! Плечо задето, дырка — о какая огромная! И уха нет, оторвало. Два, нет, три осколка в него попало. Столько времени в сознание не приходил, а тут на тебе — чай пьет.

Старая учительница охала, качая головой, а Танюшка таращила серые глаза, ничего не понимая. Она была худая-худая, Танюшка. От природы светлокожая, сейчас она была и вовсе прозрачная в тусклом свете керосинки, будто не живая девочка, а призрак или фарфоровая кукла. В свои четыре года она не разговаривала.

На следующий день Глеб проснулся до рассвета. Умылся, прыгнул в валенки и побежал в госпиталь. Снег идти перестал, но не растаял, и тротуары были покрыты слоем серой жижи. Пахло весной — холодно, свежо, терпко. Улицы пустовали. Редкие прохожие торопливо перебежали дорогу, будто черные кошки.

Дом, где находился госпиталь, стоял тихо, словно спал. Замаскированные окна напоминали прикрытые глаза. Одно лишь окно ординаторской было расшторено, и ветер качал открытую форточку.

Глеб взбежал по лестнице, влетел на этаж и заскользил мокрыми валенками к палате капитана.

«Здравия желаю, товарищ капитан, скажу ему, если он не спит!» — думал он весело. Хотелось приободрить командира, дать понять, что кругом смелые люди, что мы живем, мы — держимся. Перед дверью он остановился, оправил тулуп и шагнул в палату.

Койка Смирнова была пуста. Где это он? Неужели и встать смог? Глеб понесся в ординаторскую.

— Федоровна! Доброе утро! — прокричал он и осекся.

Старшая стояла на коленях в углу. Из-под откинутой тряпицы смотрели на Глеба лики святых: Богоматерь, Николай Чудотворец, святой Пантелеймон и еще кто-то, кого он не узнал. Федоровна обернулась, кивнула молча: что, мол?

— А где капитан?

— Умер под утро.

— Как?! Что это значит? — спросил он с вызовом и слишком громко для больничной тишины.

— Ну как люди умирают... Зато тихонько, во сне. Это часто бывает, что перед самым концом человеку лучше становится. Потому что внутри у человека много жизни, любви и не может он с ней уйти, до капли не растратив.

— Мне жалко его...

— Конечно, жалко, ведь ты добрый парень. Пойдем, я тебе дам кое-что.

В темной столовой Федоровна протянула Глебу сверток промасленной бумаги. Мальчик развернул и увидел внутри коричневые бочки двух ромовых баб.

— Мне? За что?

— За что, за что... За то же, за что и всем! Не должно быть у человека такого детства, как у тебя. Бери! Поешь хоть. — И сунула ему сверток за пазуху.

Темнело еще рано. В вязких сумерках шел по городу, высоко поднимая ноги в громадных валенках. Паренек был в белом овчинном тулупе. Он шел и заговаривал свой страх: все будет хорошо, все будет хорошо. Он боялся увидеть на месте своего дома пустой прогал. Хотя сегодня и не бомбили, но страх этот давно поселился где-то глубоко в груди, а воображение, подстегнутое смертью и голодом, рисовало жуткие картины. Самым страшным был последний поворот перед площадью. Его Глеб проходил медленно, вглядываясь в серый густой воздух... Дом был цел, и мальчик с облегчением выдохнул.

По лестнице привычно поднялся на этаж. Постучал в дверь и вдруг спиной почувствовал: на площадке кто-то есть. Какое-то шевеление. Должно быть, кошка или собака.

Оглянулся, присмотрелся, подошел. Маленькая черная сука вроде спаниеля лежала в углу, тихонько скулила. Возле нее ютились три щенка. Глеб провел ладонью по их спинкам. Холодные. Мертвые. Совсем крошечные.

— Эй, собака, пойдем! Не скули. — Он попытался ее приподнять.

Она мотала головой и тыкалась носом в щенячьи спины. Тогда Глеб вытащил сверток с ромовыми бабами, сунул собаке под нос. Та вяло понюхала и отвернулась.

Открылась дверь. Лестница осветилась от керосинки.

— Тетя Глафира! Щенки умерли, а она не отходит.

— Не хочет верить.

На глаза мальчика навернулись слезы. Уже сквозь них он спросил то ли у старой учительницы, то ли не обращаясь ни к кому конкретно:

— Это когда-нибудь кончится?

— Конечно, кончится. — Учительница осторожно взяла его за плечи. — Пойдем домой.

— А если нет? Если будет повторяться бесконечно? И все время будет война, и погибать будут солдаты, и женщины, и дети? И голод будет возвращаться?! — уже почти бился в истерике Глеб.

— Ну что ты, что ты, так не бывает. История не терпит повторений. Ведь если бы война не кончалась, то жизнь потеряла бы смысл, стала нестерпимо тяжелой, без просвета. И ради чего тогда жить человеку?.. Нет, Глеб Константинович, это у тебя просто игра воображения. Все имеет конец. Придут наши, прорвут блокаду, приедет отец — и все будут жить дальше...

* * *

Мари с восхищением и аппетитом уплетала ром-бабу. Сначала она обкусала глазурь, потом перешла к тесту, запивая все ароматным чаем.

— Деда, — заговорила она с набитым ртом, — а вот бы все время есть ромовые бабы! Они такие вкусные! Я хочу, чтобы они никогда не кончались.

— Глупости, Мари, — улыбнулся старик. — Ведь если ты будешь есть пирожные постоянно, то пропадет наслаждение, исчезнет удовольствие. Именно потому, что все имеет конец, все имеет и смысл. Поняла, сладкоежка?

Девочка на секунду нахмурилась, карикатурно наморщив лоб.

— Ага, поняла, дед. Но ведь еще одну можно?

Старик рассмеялся так громко и раскатисто, что двое немцев, сидящих за соседним столиком, удивленно обернулись.

Игорь КУНИЦЫН

В ЗАЛЕ ОЖИДАНИЯ

* * *

Тишины не слышно в Домодедово,
день и ночь летают самолеты
в небесах, которым и неведомо,
что у нас тут тоже есть чего-то.

Что у нас тут тоже есть какие-то
жизненные цели и желания.
Словно пассажиры перед вылетом,
мы ночуем в зале ожидания.

С книгами в руках и телефонами,
одиноким более, чем ранее,
смотрим, как лавируют за окнами,
вылавировав, авиалайнеры.

Вот и мы лавируем, лавируем,
вылавировать не можем сами.
В ипотеку взятая квартира
обошлась нам втридорога с Аней.

* * *

Есть в каждом городе-букашке
места (зовутся пятаками),
где полумрак и целовашки
и пиво с дракой кулаками.

Где от рассвета до заката
и от заката до рассвета
струит дымок витиевато
негаснувшая сигарета.
И музыка не умолкает,
не умолкают разговоры,
на пятаке под облаками,
где зависаем до сих пор мы.
Где шелуха вокруг скамеек
лежит с бычками вперемешку.
Пятак — монета в пять копеек,
орел и решка.

* * *

С электрички спрыгнул и в магазин
заскочил спиртное купить и сок.
На пустой заправке купил бензин,
для садовых нужд запасаясь впрок.

Притащил на дачу и сел за стол.
Собирался с ревом по сорнякам
пробежаться триммером, а потом
на дорожку выпить свои сто грамм.

Позвонил домой, говорю: «Привет!
Покошу немножечко и назад...»
А когда очнулся, сиял рассвет,
обнажал заросший бурьяном сад.

* * *

В комнате убраться время появилось.
С треском отодвинул от стены диван.
Пульт от телевизора, ну скажи на милость,
с пола взял потерянный, положил в карман.

Полистал страницы мятого журнала,
поднял взгляд на люстру и подумал: «Нет,
мне она не нравилась с самого начала,
мыть ее не стану и платить за свет».

Отовсюду выудил всяческую всяку:
пуговицу, мелочь, ручку для письма
и подумал горько: «Что я за писака —
к сорока не спился, не сошел с ума,

не разбил ни разу пепельницу в баре,
только пару рюмок и один бокал».
Под трюмо надежно спрятался фонарик-
зажигалка.
Долго я его искал.

* * *

Снятся триллеры, ужасы, драмы.
Позитивные сны не часты.
А порою не снится ни грамма,
и тогда мои мысли чисты.

Втихаря уезжаю на дачу,
ухожу на неделю в запой,
огурцы поливаю и плачу,
удобряю соленой слезой.

В этот год огурцы уродились,
прошлогоднею грустью горчат.
Трехлитровые банки от пыли
протирая, смотрю на закат.

Николай КОЛОСОВ

ТЕМНЫЕ КОМНАТЫ

Р а с с к а з ы

День рождения

Сергей Рокот, отпусти он волосы, более всего походил бы на постаревшего Джона Леннона. Портретное сходство было феноменальным: интеллигентное лицо, очки, узкие плечи и длинные музыкальные пальцы. У совсем узкобрых людей природная мягкость и некоторая манерность Сергея вызывали подозрения в его нетрадиционной сексуальной ориентации. Кое-кто даже высказывал мнение, что он старый одинокий гомосексуалист. Для своих пятидесяти двух лет Рокот выглядел прекрасно. Невысокий, жилистый, сухопарый, с большой головой и телосложением, которому позавидовали бы юноши-атлеты: ни грамма жира, каждая мышца, идеально накачанная, казалась изваянной из мрамора.

Сергей был холост, бездетен и жил один, все свободное время посвящая выращиванию экзотических растений. Некогда он работал официантом на пароходе и отдал этому непростому занятию пятнадцать лет жизни. Затем — администратором в гостинице «Сибирь». Через год работы, в результате кадровой оптимизации, его понизили до оператора машинной чистки ковров. После девяносто восьмого года Рокот запил. Отлежал в лечебнице. В две тысячи третьем устроился директором плавучего ресторана «Золотой легион». Спустя три года запил снова. Был уволен. Закодировался. Долго искал работу и, наконец, стал продавцом в мебельном магазине с иностранным капиталом. Начальство и коллеги ценили Рокота за профессионализм и умение ладить с клиентами и закрывали глаза на его чудаковатость. Сам он ни капли не жалел о своей якобы не сложившейся судьбе и ни в коем случае не считал себя неудачником. Ему нравился его нынешний образ жизни. Он был по-своему счастлив.

Рано утром двадцать третьего июля, в день рождения Сергея, по случаю которого он взял отгул на работе, неожиданно зазвонил домашний телефон.

— Сергей Иванович, дорогой! Принимай поздравления! — раздалось в трубке.

— Спасибо, Ксей Саныч! — дрогнувшим голосом ответил именинник.

— Здоровья тебе, дружище! Что еще пожелать в нашем возрасте? — Алексей Александрович засмеялся. — Ну разве что вторую половину найти. Какие твои годы! Или ты убежденный холостяк?

— Ой, убежденный, Лёш! Не женился в двадцать, теперь-то уже точно не светит.

— Да не зарекайся! Звезды наши вон и в семьдесят женятся. Найдешь девчонку помоложе, нарожаете с ней ребятишек... Тамара тебе тоже привет передает. С днем рождения, говорит. И долгих лет жизни.

— Спасибо, Лёш! Спасибо! И ей привет! Заезжайте как-нибудь в гости.

— Ну как-нибудь заедем, конечно. Сейчас что? Дача, сам понимаешь. Начинает уже к земле тянуть, — Алексей опять рассмеялся. — Ну, бывай, друг! Приятного дня!

Рокот повесил телефонную трубку и посмотрел на себя в зеркало. Покрутил головой, выскывая седые волосы. Шевелюра у него была богатая, на зависть многим польсевшим ровесникам, но яркий темно-каштановый цвет с годами стал уходить. Сергей прошествовал в ванную, привычно натянул шуршащие перчатки и, зачерпнув из плошки небольшой кисточкой густую, заранее приготовленную массу, нанес состав на волосы. Закончив процедуру покраски и надев на голову полиэтиленовую шапочку, сел на кухне, затянулся беломориной (папиросы эти, по неистребимой привычке, он курил еще с армии) и принялся листать рекламный журнал, который ему подбросили в почтовый ящик.

Цвет получился иссиня-черным.

Позавтракав гренками с кофе, Сергей выкурил еще одну папиросу и отправился поливать растения, которых в его совсем небольшой «однушке» обитало великое множество. Горшками были заставлены два подоконника и практически весь балкон. Значительную часть пола в комнате занимали три гигантских глиняных кашпо с пальмами. У Рокота росли драцены, бегонии, фикусы, кипарисы, орхидеи и герани разных цветов, два лимонных дерева, а в маленьких горшочках пробивались побеги манго и папайи — из косточек, оставшихся от привезенных друзьями из Таиланда гостинцев.

Зажужжал мобильный. Пришло СМС-сообщение от Саши.

«С днем рождения, садовод!» — прочитал Сергей.

«Спасибо, малыш! — ответил он. — Жду тебя сегодня на чай с пирогом».

В десять утра он вышел из дому и направился в ботанический сад на прогулку.

Саша пришла в пять. Одетая она была на этот раз очень странно и для нее не типично — в стиле «милитари»: тяжелые замшевые ботинки, штаны и куртка цвета хаки и какая-то полувоенная кепка, какие в зарубежных фильмах обычно носят американские полковники. Распушенные длинные волосы цвета меди ровным блестящим полотном укрывали плечи и грудь. Лицо сияло свежестью, молодостью и здоровьем. И ни грамма макияжа, лишь глаза, и без того яркие, слегка подведены.

— Вот, держи, именинник! — звонко произнесла Саша, протягивая Сергею круглый кактус. — Знаю, тебе такие не нравятся, но мне подумалось, что ты зря обделяешь их вниманием. Они же такие прикольные!

— Спасибо, родная! — улыбнулся Сергей и, приняв жестяное ведро, обнял ее одной рукой и поцеловал. — Проходи! У меня уже все готово.

— Это эхинопсис, — сказала Саша. — Смотри, тут даже название есть.

И она повернула ведро так, чтобы было видно белую наклейку с обширным текстом.

— Переводится как «ежеподобный».

— Вот спасибо! — засмеялся Сергей. — Со смыслом подарок!

— Да нет, ну что ты! Он просто цветет очень красиво. Вот в этом месте у него должен распуститься белый цветок.

— Ну я же говорю: со смыслом. Я уже расцвел, и мой цветок — это ты. Снимай свои буцалы! Ноги, поди, гудят.

— Ты сегодня жгучий брюнет? — улыбнулась Саша, запустив тонкие пальцы в черную копну волос именинника.

— Ага. Передержал, — пожал плечами Рокот. — Зачитался рекламой стройматериалов. Проходи, радость моя.

Саша помыла руки и уселась за стол. Сергей, в переднике и рукавицах-прихватках, полез в пышущую жаром духовку и вытащил противень с треснувшим лимонным пирогом.

— А запах... — прошептал он.

Саша улыбнулась и налила себе в кружку свежесваренный чай.

— Сейчас надо еще музычку замутить, — Рокот элегантно скинул рукавицы и скрылся в комнате. Через секунду оттуда послышался шум дождя и раздался раскат грома.

— Это что у тебя? Релакс-музыка? Типа звуки природы? — спросила Саша, откусывая горячий пирог.

— Дудочка ты! — коверкая язык, засмеялся Сергей. — Это же The Doors, Riders on the storm! Ты, поди, такого не слышала никогда. Вам теперь Дэвида Гетту подавай.

— О, да ты продвинутый дедуля! — улыбнулась Саша. — Знаю я, что это. Фильм смотрела, с Вэлом Килмером. С днем рождения, любимый! За тебя!

И она подняла вверх чашку с чаем.

Через полчаса, нагая, она перевернулась на живот, приподнялась и спросила, в полутьме вглядываясь в лицо Сергея:

— Ты боишься смерти?

— Ты знаешь, боюсь, — прошептал Рокот, тоже пытаясь рассмотреть выражение ее молодого лица. — Почему ты спрашиваешь?

Саша пожала плечами.

Немного помолчав, Сергей произнес:

— Чем становишься старше, тем смерть все страшнее и страшнее. Точнее, ее ожидание, осознание того, что она скоро придет... А ты? Не боишься?

— Не знаю, — ответила Саша, выводя острым ногтем замысловатые узоры на груди любимого. — Рано умирать, конечно, не хочется.

— Да... А все-таки, почему ты спросила? Возраст мой тебя смущает? — он засмеялся.

— Нет, что ты! — улыбнулась Саша. — Просто в голову пришло.

— Вообще, я собрался дожить до девяноста шести лет, — сказал Сергей, — до глубокой, дряхлой старости. Чтобы так устать от жизни, что захотелось бы умереть. Вот тогда, мне кажется, не будет страшно. Я просто буду готов.

— Почему именно до девяноста шести?

— Отец мой умер, когда ему было сорок восемь, и в тот момент я решил, что обязательно проживу в два раза больше, чем он. Сейчас мне пятьдесят два — значит, осталось еще каких-то сорок четыре года. — На последних словах Рокот улыбнулся.

— Я буду к тому времени совсем старая, — хохотнула Саша, — и ты меня разлюбишь и бросишь!

— Дурная ты девка! — выкрикнул он. — Тебе еще жить и жить!

И, схватив ее за шею, повалил на спину.

— Родители тебя не потеряют? — спросил Сергей, разливая только что сваренный кофе в миниатюрные чашки с золотой каймой.

— Ну, как бы я уже взросленькая, — Саша усмехнулась, обматывая полотенце вокруг мокрой головы.

— Сашка, Сашка! — вздохнул он, подсаживаясь к ней. — Нашла бы себе молодого парня, нарожала бы детей...

— А ты был хоть раз женат? — спросила она и подула на дымящийся кофе. — М-м-м, как вкусно пахнет!

— Друг из Китая привез. Шикарный кофе. Нет, женат не был.

— А меня бы взял в жены?

— Взял бы, будь я лет на двадцать моложе.

— Ну что ты все про возраст да про возраст! — вспыхнула Саша. — Какая разница, сколько кому лет! Не заикливайся на этом. Ты совсем не старый, ты зрелый. Зрелый, опытный мужчина.

— Перезрелый! — Сергей захохотал. — Я тебя сейчас еще халвой угощу. Халва обалденная! Пальчики оближешь!

Он вскочил со стула и, открыв ящик кухонного шкафа, достал оттуда большой кусок халвы, завернутый в серую промасленную бумагу.

— Любишь халву? Я обожаю!

— У моих бабушки с дедушкой была разница в семнадцать лет, — произнесла Саша, забросив в рот небольшой кусочек восточной сладости. — Всю жизнь вместе прожили. Деду было тридцать пять, когда бабушка, восемнадцатилетняя медсестричка, выгащила его на себе с поля боя. Дед подорвался на mine, и ему оторвало правую ступню. Бабушка у меня еврейка, а дед мордвин. Ее семью из девяти человек в начале войны расстреляли немцы, она одна спаслась — спряталась в навозе под убитой короной. И у деда вся семья погибла: деревню фашисты разбомбили. Дед был в сознании, когда бабушка его тащила, и спросил, как ее зовут. А она постеснялась назваться Руфью и ответила, что ее зовут Рита. И представляешь, он ведь ее нашел после войны! Три года искал, зная только имя, которое, ко всему прочему, было неверное. И нашел! Они поженились, родили троих детей. И всю жизнь, а прожили они сорок два года, он так и звал ее — Рита. Хотя по паспорту она была Руфь Иосифовна.

— Да... — вздохнул Сергей. — Как в кино всё.

— Красивое имя, правда? Руфь... — Имя бабушки Саша произнесла нарочито протяжно. — Я всегда хотела, чтобы меня Руфью звали. Точнее, уже в сознательном возрасте начала сожалеть, что меня не назвали в честь бабушки. У папы как-то спросила, почему я не Руфь, а он ответил, что вообще-то они с мамой ждали мальчика и хотели его назвать в честь деда, героя войны, Александром. Так я и стала Сашей. А прикинь, сейчас бы ты был влюблен в Руфь. Классное имя, очень красивое! И бабушка у меня очень красивая была. Да она и сейчас такая. А в молодости на Элину Быстрицкую походила. Мне от нее глаза достались. Ашкеназские.

Рокот сидел за столом, подперев ладонью подбородок, и с умилением слушал оживленный лепет своей возлюбленной.

— Меня папа все время в детстве называл «вдова с персидскими глазами», — Саша засмеялась.

— Почему «вдова»? — Сергей недоуменно поднял брови.

— Ну, это цитата из Ильфа и Петрова, из «Золотого тельца», — улыбаясь, ответила Саша. — Мой папа очень веселый человек.

— Это да, — вздохнул Сергей. — Поздравил меня сегодня по телефону. А мне что-то так неловко стало...

Саша своими черными «персидскими» глазами исподлобья посмотрела на него и ничего не сказала в ответ. Над столом повисла неприятная пауза.

— Ну как халва? — спросил Сергей.

— Очень вкусно, — сухо улыбнулась Саша. — Тоже из Китая?

— Из Казахстана, — тихо ответил Рокот.

Ушла Александра в девять, на прощание поцеловав именинника в лоб.

Сергей с тяжелым сердцем и серьезным лицом уселся в единственное кресло, глубоко надвинув на брови забытую ею военную кепку. В левую руку он, словно державу, взял подаренный Сашей кактус, в правую — пульт от музыкального центра. Поставив громкость на максимум, включил композицию *Summertime* в исполнении Дженис Джоплин. Не меняя позы, он прослушал эту песню семнадцать раз, хотя изначально планировал двадцать три — по количеству полных лет своей возлюбленной. Но его прервал настойчивый звонок домашнего телефона.

— Сережка, милый мой! — кричал в трубку пьяный голос. — Ты прости меня, дуру грешную!

— Кто это?

— Аня Плоткина... Беспалова. Одноклассница твоя!

— Нюсь, чего это ты? — встревожился Рокот.

— Да совсем забыла про твой день рождения, старая я балда! Выпила полбутылки вина, а когда в новостях-то услышала, что сегодня двадцать третье июля, опомнилась!

— Нюся, все хорошо. — Сергей закивал головой, хотя его собеседница этого не видела. — Ты успела, моя дорогая! Еще двадцать третье на дворе. Когда ты приехала?

— Да вчера. Ты представляешь, я же вчера еще помнила! Меду тебе алтайского купила в подарок. Бочонок такой кедровый, с резным медведем на крышке. А сегодня все из головы вылетело.

— Ну вот видишь, помнила же. Чего ты расстраиваешься?

— Ой, Сережка, Сережка...

— Слушай, Нюся! У меня есть бутылка вина. Я сейчас возьму такси и к тебе приеду. Ты не спишь еще? На работу когда?

— Приедешь? На ночь глядя?.. На работу... Ой, да у меня еще два дня отпуска! Дура, че я так рано вернулась!

— Ну все, жди! — бросил Сергей и побежал одеваться.

Отыскав бутылку вина, спрятанную между стопками постельного белья, он покрутил ее, выискивая дату производства, а потом, сочтя, что все равно вино с годами не портится, а наоборот, становится только лучше, залихватски подбросил и поймал другой рукой.

К своей школьной подруге Нюсе Беспаловой Сергей нагрянул в половине двенадцатого ночи.

— Ой, Сережка! — Нюся, полная рыжая женщина, картинно взмахнула пухлыми руками. — Ты все-таки приехал!

— Привет, Аннушка! — Сергей нежно обнял однокашницу и прижался своей сухой и уже колючей щекой к ее, мягкой и разгоряченной алкоголем.

— А у меня и на стол нечего поставить... — виновато протянула Нюся.

— Да бог с ним. Вино есть, и ладно. Давай, садимся, успеваем еще! Сергей прошмыгнул в кухню, открыл ящик стола и начал искать штопор.

— Сереж, не ищи его! Потеряла где-то. Я вилкой открывала.

Нюся подошла к зеркалу, висящему на стене в прихожей, и потерла пальцами нижние веки, широко открыв при этом рот.

— Ой, размазалось все! Я же тебя не ждала, Сереж...

Рокот в ответ лишь закрылся: он попытался ручкой вилки сдвинуть пробку вниз по горлышку.

— Давай я. — Нюся запросто отодвинула постаревшего одноклассника, вырвала у него бутылку и, совершенно не напрягаясь, забила пробку внутрь.

Облизав вилку, она аккуратно положила ее на стол.

— Коля у меня, не к ночи будь помянут, пальцем всегда открывал. Ты помнишь?

Сергей утвердительно кивнул и сел на табурет.

— Проплакала опять весь вечер, — всхлипнула Нюся. — По всем местам в Белокурихе прошлась, где мы с ним гуляли...

По ее раскрасневшимся щекам поползли черные ручейки.

— Все, все, не плачу, не плачу! — защебетала Нюся и замахала ладошкой перед мокрыми глазами.

Рокот виновато уставился в пол.

— Тебе наливать? — спросила Нюся. — Так и не пьешь? Сколько уже?

— Семь, — коротко ответил Сергей.

— И правда, уже семь лет... Господи, как время-то летит! — покачала головой Нюся и, вздохнув, уселась рядом. — Кажется, вот только с Колей расписались. А двадцать семь лет — раз, и как один день пронеслись! Думала, всю жизнь так будет. А он сгорел за месяц, здоровенный мужик!

Нюся завyla, прикрывая скривившийся рот тыльной стороной ладони.

— Ванны эти радоновые...

— Нюсь, ну перестань, — Рокот попытался успокоить подругу, у которой год назад муж скоропостижно скончался от цирроза печени.

— Все, все, не плачу, — Нюся опять замахала рукой перед глазами. — Ну все, Сереж, за тебя! Давай! Ты прости меня. Может, тебе хоть чаю налить?

Сергей замотал головой.

Осушив бокал до дна, Нюся икнула и небрежно утерлась воротником халата.

— Вот и пью теперь, — вздохнула она. — Машка замуж выскочила, и все — я совсем одна осталась. — Подперла голову рукой и, захрустев свежим огурцом, замолкла.

Через пару минут она вдруг ожила, бросила ладонь с растопыренными пальцами себе на грудь и захохотала.

— В Белокурихе один дед ко мне яйца подкатывал! Ой, Сережка, не могу! Семьдесят два года. Ну, приличный такой, молодится... Северянин — из Сургута, кажется. Ой, кино и немцы! Дети, говорит, выросли, с женой разведен, квартира большая, «мерседес», акции нефтяные... К себе жить звал! Пряма замуж! Уж так я ему понравилась!

Рокот улыбнулся.

— А я как представила: что я с ним делать буду? О-о-ой! Съедемся и станем про болячки друг другу нудеть?.. Ну, сказал, ждет. Телефон свой оставил и адрес.

Звонко хохоча, Нюся опять наполнила бокал.

— Владимир Аполлинарьевич! Я не могу!

— А я с девкой молодой роман закрутил, — тихо произнес Сергей.

Нюся резко успокоилась и неодобрительно посмотрела на него.

— Двадцать три года, — все так же негромко продолжал Рокот, — в дочки мне годится.

— И чего она хочет? — с подозрением в голосе спросила Нюся. — Квартиру отжать?

Сергей от неожиданности вопроса хохотнул.

— Да ну что ты! У нее родители богатые. Не знаю. Любит меня, говорит.

— Тебя?! — у Нюси даже глаза полезли из орбит.

— А что, в меня уже и влюбиться нельзя? — улыбнулся Рокот.

— Значит, жалеет тебя, — отрезала Нюся и опрокинула бокал.

— Сам диву даюсь. Был бы я олигархом каким или красавцем... От одиночества, наверное, все. От одиночества. Все мы одиноки. Я отца ее лет десять знаю. Ее родители — друзья мои. Когда-то работал у них в ресторане. Так вот, она мне сказала, что давно в меня влюблена. Просто скрывала долго. В продуктовом полгода назад встретились — и все! Закрутилось, понесло... А она статная такая, породистая. Красавица. Рыжая, с конопушками.

Глаза Сергея заблестели от умиления. Он уставился в лицо «Незнакомки» Крамского на развороте небольшого календаря, висевшего на кухонной стене и засиженного мухами, и смолк, задумавшись. Ему вдруг представилось, что это Саша, прекрасная, молодая и высокомерная двоюродная сестра, проезжая в сани, бросает на него, старого, жалкого, никчемного человека, свой надменный взгляд. Она пронесется мимо него, через него, сквозь него. Переезжая его скрипящими полозьями, она забирает его опыт, его нежность, его трепетное и строгое отношение к ней, чтобы знать впредь, кто такие эти мужчины, какими они бывают, какими могут стать и, самое главное, какими они стать не могут...

— А ты как был дрищ в очочках, таким и остался, — улыбнулась уже порядочно захмелевшая Нюся. — Ох, Сережка, Сережка! Дальше-то что? Жениться, поди, надумал?

— Прям! — Сергей махнул рукой. — Зачем девчонке жизнь портить... Да тем более, не дай бог, Лешка узнает, отец ее. До девяноста шести мне тогда точно не протянуть.

— А тут непонятно, что лучше. С такой-то жизнью и жить неохота...

Нюся опустила голову, и из ее глаз опять посыпались слезы.

— Нюсь, ну хватит уже! Развела тут мокрое дело... Слушай! Я же недавно на йогу записался! Два раза уже ходил. Пошли со мной? Обалденная вещь!

— Ой! Не смейся, — сквозь слезы засмеялась Нюся. — Жиром моим трясти? Упаси бог! Я ж там так сложусь — меня потом не развернешь!

— Нюська, — ласково произнес Сергей, — ну какие наши годы! Мы же с тобой совсем еще молодые. Нам еще жить и жить!

На улице вдруг погасли фонари, и стало жутко темно. За окном зарождался новый день.

Камера-обскура

— Закончить я бы хотела небольшим рассказом о древнейшем оптическом устройстве, которое часто использовалось живописцами эпохи позднего Возрождения, — камере-обскуре, — произнесла преподаватель истории искусств Майя Сергеевна.

В ту же секунду на экране возникло изображение потрепанного деревянного ящичка с узким медным дулом примитивного объектива.

— «Камера-обскура» в буквальном переводе с латыни означает «темная комната», — продолжала Майя Сергеевна. — Принцип ее действия основан на улавливании отраженного от предметов света. Древнейший прототип этого устройства, действительно, представлял собой абсолютно темную комнату с крохотной щелкой, сквозь которую внутрь проникал световой луч и проецировал на стену перевернутое изображение объекта, от которого отражался снаружи.

Следующий слайд представлял зрителям старинную гравюру, разъясняющую принцип действия камеры-обскуры.

— Этот эффект и удивительные свойства «темной комнаты» впервые описал еще Аристотель. Доподлинно известно, что Вермеер Делфтский в своей работе прибегал к помощи камеры-обскуры. Вот, например, его знаменитая «Кружевница». При ближайшем рассмотрении вы можете заметить сферический блеск на некоторых деталях. Подобный эффект недоступен невооруженному человеческому глазу. Так можно видеть, лишь используя линзы. Поэтому «Кружевница» больше похожа на фотографию, чем на картину, написанную маслом. Это некогда и натолкнуло исследователей на мысль, что живописец при ее создании пользовался оптическим прибором. Несколько позже, в девятнадцатом веке, принцип камеры-обскуры будет использован французами Ньепсом и Дагером для

изготовления первых в мире фотографий. Вот одна из самых ранних, дошедших до наших дней, работ Жозефа Ньепса. Называется она «Вид из окна»...

Увлеченную работой кружевницу на экране сменило черно-белое нагромождение размытых геометрических фигур.

— Так что теперь вы можете с уверенностью сказать, что фотография — это младшая сестра живописи, — завершила свой рассказ Майя Сергеевна. — Вопросы?

— В общем, главное — это щель, — раздался голос какого-то умика. — Вначале в нее входит что-то большое, а потом выходит что-то маленькое.

И говорящий сам засмеялся своей плоской шутке. Его поддержали еще несколько студентов.

Майя Сергеевна, ничуть не смутившись, ответила:

— Главное все-таки — это ум. Но принцип действия камеры-обскуры, как я вижу, вы поняли верно. Ну что ж, на этом прощаюсь. До следующей встречи!

Улыбнувшись самой себе, она свернула программу на экране казенного ноутбука и, выдернув из него флешку, направилась к двери.

В зале включился свет. Студенты поблагодарили лектора вялыми аплодисментами.

Оказавшись в коридоре, Майя вдруг заметила, что порвала колготки. Чуть ниже левого колена зияла дыра с пятирублевую монету.

«Ну, как всегда!»

Поджав от досады губы и слегка выдвинув ногу вперед, она чуть наклонилась, чтобы лучше разглядеть повреждение.

«О стул, когда про золотое сечение рассказывала», — вспомнила она.

— Майка! — вдруг раздалось сверху.

Майя медленно подняла голову.

— Ты? Красавица! — воскликнул высокий мужчина с проседью в волосах, но выглядящий еще достаточно молодо.

Майя слегка отпрянула, не веря своим глазам.

— До свидания... До свидания, — бубнили студенты, выходя из зала.

Майя вцепилась в свою сумочку, совершенно сбита с толку неожиданной встречей, и, кивая головой, полушепотом повторяла «до свидания, всего хорошего», пока длинная вереница слушателей ее лекции между ней и мужчиной не закончилась.

— Герман... — вымолвила она.

— Ты что тут делаешь? — спросил тот, улыбнувшись.

С последней их встречи он немного постарел, но при этом не поправился и не обрюзг, а заматерел, окреп, стал похож на мощный утес. Виски

поседали, во взгляде прибавилось мудрости, а улыбка осталась все той же — мальчишеской, с искоркой.

— Вот так встреча... — тут уже и Майя улыбнулась. — Это, наверное, я должна у тебя спросить, что ты тут делаешь.

— Слушай, — Герман вынул руки из карманов джинсовых штанов. — Что это мы? Привет!

И протянул ей огромную загорелую кисть.

— Ну, здравствуй, — Майя подала ему свою смуглую от природы, красивую, изящную руку.

Герман слегка сжал ее и тут же, явно нехотя, выпустил.

Не сводя друг с друга глаз, они вдруг оба засмеялись. Герман почесал затылок и снова спрятал руки в карманы.

— Ну, говори ты, — пытаясь сдержать улыбку, предложил он.

— Да что я? Вот, как видишь, — Майя развела руками, — читаю историю искусства будущим рекламщикам. По верхам, правда, всё. Публика нетребовательная. Как раньше говорили, халтурка свалилась. Ты то как оказался в наших палестинах?

— Э-э-э... Ты, может быть, торопишься? Не задерживаю тебя?

— Да что ты! У меня все на сегодня. Собиралась ехать домой.

— А... О'кей, — Герман закивал головой. — А ты... ты... замужем?

Майя выпрямилась.

— Замужем. Сыну десять лет.

Герман поднял брови.

— Здорово! Молодчина. Слушай... Ну, может, зайдём куда-нибудь кофе попьём? Только вот куда? Приглашай, ты же аборигенка!

И улыбнулся собственным словам.

— У меня тут катастрофа, — сквозь зубы проговорила Майя и выставила вперед коленку. — Издержки профессии. Комната темная, постоянно за что-нибудь цепляюсь...

Герман недоуменно посмотрел на ее ногу и тут же, взяв Майю за плечи, воскликнул:

— Майка, милая! Я тебя умоляю! Это такие пустяки! Обещаю, — он грохнул себе по груди огромной ладонью, — я даже смотреть не буду на твои чулки!

— Колготки, — шепотом поправила она и улыбнулась.

— Колготки, — кивнул Герман, охотно с ней соглашаясь. — Тем более! Хотя, ты знаешь, соблазн велик: через этот круг теперь чуть-чуть видно твою прекрасную ногу. Боюсь, я только на нее и буду пялиться.

Тут он не сдержался и, обхватив Майю ручищами, крепко прижал к себе.

— Ну, здравствуй, милая! — прошептал он. — Как я рад тебя видеть!

Майя слышала, как гулко билось его сердце. Давно забытые ощущения вдруг обрушились на нее. Когда все это было? Пятнадцать лет

назад... Любимый Санкт-Петербург. Любимый вуз на Университетской набережной. Любимый исторический факультет. И он — Герман Александрович, любимый преподаватель любимой истории искусств...

Она слегка отстранилась.

— Я... Герман... Дай мне пять минут. Я уже опытная, у меня запасные есть.

— Извини, Майка, — Герман виновато склонил голову и, не сводя глаз со своей любимой студентки, поправил её загнутый лацкан жакета, — что-то чувства нахлынули. Давай, конечно. Я подожду. Постояю тут.

— Я быстро, — Майя кивнула ему и быстрым шагом направилась в дамскую комнату.

Оказавшись в уборной, она первым делом перевела дух. Прижалась спиной к холодной кафельной стене и уставилась на свое отражение в зеркале.

«Почему он здесь? Боже мой!»

Майя почувствовала дрожь в коленях. Она подскочила к раковине и, поставив сумочку на выступ, включила кран с холодной водой. Продержав пальцы под ледяной струей до ломоты в костях, приложила их к горящим щекам.

«Хорошо хоть, глаза покрашены, — подумала Майя. — О господи... Как же он тут оказался? Зачем он тут?»

Спешно сменив колготки, она вдруг вспомнила о муже.

«Где он сейчас? Еще на работе. Сережа на секции. Полтора часа у меня есть».

Засунув в туфлю правую ступню, она выпрямилась и снова уставилась на свое отражение.

«В конце концов, это просто встреча со старым преподавателем, — пронеслось у нее в голове. — Ну не со старым. Просто с преподавателем. С любимым преподавателем...»

Майя зажмурила глаза.

Выйдя из картинной галереи, они направились в ближайшую кофейню.

— Офорты Дали привез в ваш город, — коротко пояснил Герман, все так же пристально глядя на Майю.

— Ты?! — воскликнула она. — Герман Амсель — это ты?!

Герман смущенно улыбнулся и, отхлебнув кофе, ответил:

— Ну да. Был Герман Дрозд. В Германии стал Герман Амсель.

— Да-да, — прошептала она, — я помню, ты собирался уезжать...

— Восемь лет, правда, уже в Норвегии живу.

— А... семья? Ты... женат?

Герман потупился.

— Да, собственно... я так и не развелся тогда. Ну, то есть... Сейчас живем в Норвегии. Дочь учится в Сорбонне. Сын в Лондоне.

Майя тоже опустила глаза.

— Майя, — голос Германа стал серьезным, — ты прости меня, если... Ну, ты понимаешь... Прости за... Я любил тебя. Это была любовь. Не просто увлечение...

Майя опять почувствовала, что ее щеки становятся пунцовыми. Она не отрываясь смотрела на миниатюрную Эйфелеву башню, нарисованную на вспененных сливках в ее чашке с кофе.

Обманывал ли он ее тогда? Верит ли она, что он обманывал ее все то время, пока они были вместе? Ей было всего восемнадцать лет. А ему тридцать три. Она была студенткой из далекого Новосибирска. А он коренной ленинградец. Преподаватель истории искусств. Чей-то муж и отец двух маленьких детей. Перед ее глазами вдруг пронесся вихрем весь их недолгий питерский роман. Ее упоительная влюбленность в него — умного, мужественного, интересного человека, много где побывавшего, много видевшего, много знающего. Готова ли она сейчас обвинить его в том, что он ее соблазнил? Нет. Ведь это она первая в него влюбилась. Готова ли она заявить ему сейчас, что тогда он просто воспользовался ее влюбленностью? Нет, не готова. Их чувства родились сами собой. Возможно, они возникли на почве любви к искусству.

Он тогда не жил со своей женой. Майя ушла из общежития, и они поселились на Мойке в небольшой мастерской его друга-художника. Спали на полу, укрывшись огромным лоскутным одеялом. А вокруг стояли подрамники, пахло скипидаром и красками. На руль мотороллера «Веспы», который «жил» с ними в этой же мастерской, Герман обычно вешал свой пиджак. И все время называл ее Майка с Мойки. Шереметев — так, кажется, звали его друга — несколько раз писал ее портреты. Они пили ром, слушали модный тогда английский трип-хоп, ходили смотреть, как разводят мосты... И он, Герман, постоянно ей что-то рассказывал, какие-то истории, какие-то анекдоты про Санкт-Петербург. Она узнавала этот дивный город через него. Как в его голове умещалось столько информации, Майя тогда так и не поняла. Для нее он был больше чем человек. Он был полубог.

Потом приехала мама. Майя написала обо всем сестре, а та нечаянно проговорила. И все кончилось. Наверное, и хорошо, что все сложилось именно так, а не иначе. Что бы с ней было теперь? Как бы она сейчас жила? Развелся бы Герман тогда, как обещал? Или долгие годы она просто оставалась бы его любовницей?

В голове Майи даже не возникло мысли, что она заняла бы место его супруги и сейчас жила бы припеваючи в Норвегии. Она была слишком хорошо воспитана, чтобы так думать.

— Поняла теперь, что в тебе изменилось, — будто не услышав его слов, произнесла Майя.

Она отпила кофе, и ноги у Эйфелевой башни сразу вытянулись.

Герман нахмурился.

— Стар стал профессор, — сказал он.

— Совсем нет, — ответила Майя и хитро прищурилась. — Напротив, выглядишь как матерый, сильный волчище. Акцент у тебя иностранный появился!

— А, ну да, — Герман облегченно вздохнул и, улыбнувшись, добавил: — Норвежский выучил, представляешь? Знаешь, как будет «Майя» по-норвежски?

— Смею предположить, что так и будет — «Майя».

— Нет, — Герман замотал головой. — Вот как: «Май-иа».

Он произнес ее имя с каким-то шутливым псевдоприбалтийским акцентом.

Майя расхохоталась.

— А «Герман» будет «Герма-а-ан-н-н», — тут же парировала она.

— Э, нет! Тут все сложнее. Вот смотри...

Он отхлебнул кофе и, не глотая его, пробулькал:

— Хэрман-н-н...

Майя закрыла лицо руками. Просмеявшись, она подняла на Германа покрасневшие глаза.

— Ты нисколько не изменился.

— Ты тоже, — эти два слова он произнес ровным серьезным тоном. — Такая же молодая и красивая, такая же обворожительная и задорная.

— Да уж, молодая! — Майя провела пальцами под нижними веками. — Теперь вот и мне тридцать три...

— Самый прекрасный возраст.

— Когда мне было восемнадцать, ты говорил то же самое.

Герман опустил глаза.

— Недавно прочла такую мысль: «Женщины после тридцати — прекрасны. Они ничего не боятся и все умеют. И никогда не обвинят вас в том, что вы украли их молодость, потому что до вас это сделал кто-то другой».

Она склонила голову набок, при этом ее темные волосы рассыпались по плечу.

— Смешно, — с грустью ответил Герман.

— Мне пора, — вздохнула Майя. — Нужно сына забрать с тренировки.

— Подожди, — Герман вдруг вскочил со стула, — подожди, Майка! Не уходи вот так, насовсем!

— Герман...

— Нет-нет! Постой... Давай так. Я тут пробуду еще три дня, потом улетаю в Москву. Приглашаю тебя в ресторан. Ну или клуб... В общем, у вас тут есть одно место, закрытое для обычных людей. Так вот, сегодня вечером, в шесть. Сможешь?

— Герман, послушай, — Майя тоже встала из-за стола, — я не могу. Если ты надеешься... У нас все в прошлом, Герман. Я замужняя женщина. У меня семья, ребенок...

— Милая, я все знаю. Мы не виделись пятнадцать лет. Я просто хочу поговорить с тобой, поглядеть на тебя. Через три дня я уеду, и, возможно, мы с тобой больше никогда в жизни не встретимся... Когда я сегодня тебя увидел, меня словно молнией прошибло!

— Ну ты же надеялся меня встретить, когда ехал сюда? Ты же понимал, что после учебы я вернулась обратно? И наверняка предполагал, что я все еще живу здесь, — в голосе Майи зазвенел металл.

— Я наверняка знал, что ты здесь, — Герман снова сел. — Я нашел тебя в соцсетях. Выяснил, что ты до сих пор в Новосибирске.

— Ну вот как мне это понимать? — Майя тоже опустила на стул. — Как твое командировочное развлечение?

— Майка, ну зачем так пошло? — Герман скривился и, достав пачку сигарет, закурил.

Майя сложила руки перед собой, как школьница, и отвела взгляд в сторону.

— Просто я до сих пор люблю тебя, — сказал Герман и, выпустив дым от первой затяжки, затушил сигарету, — все пятнадцать лет. Все эти пятнадцать лет я не переставал тебя любить. Вот и весь сказ.

— И благодаря этой безумной любви город Новосибирск увидел серию офортов Сальвадора Дали, — усмехнулась Майя.

— Представь себе, — Герман облокотился на столешницу, — долго искал предлог. Ты себе даже не представляешь... Ну, Майка? Тебе понравится! Клуб называется «Камера-обскура». Чудное место.

— Как?! — изумленно вскрикнула Майя.

Забирая сына с тренировки, она чувствовала себя виноватой, поэтому вела себя излишне заботливо: гладила его, обнимала, глубже натягивала на его голову спортивную шапочку, боясь, что он простудится... Мальчик в конце концов начал злиться и вырываться. Майя поняла, что сама себе противна.

Проведя три часа в душевных метаниях, она наконец позвонила мужу и скороговоркой выпалила, что сегодня идет на встречу со своим старым преподавателем, который неожиданно приехал из Санкт-Петербурга. Муж не знал историю Майиной первой любви, поэтому, ничуть не обеспокоившись, с легкостью ее отпустил.

Майя же готовилась к предстоящей встрече как к первому свиданию в своей жизни. Она сама себя не узнавала. Ее разум туманили чувства, прорвавшиеся из прошлого. Она привела в порядок ноги, надела красивое нижнее белье, облачилась в вечернее платье с замком-молнией... При этом она точно знала, что не намерена отдаваться Герману, но ее женская

сущность, некие потаенные инстинкты побуждали ее быть готовой к продолжению вечера.

Она вышла из такси возле Архитектурного института. Герман встретил ее с небольшим букетом роз, рыжим пламенем горящих на фоне его серого пальто. Она покорно приняла цветы, смущенно поправила волосы и улыбнулась той самой робкой улыбкой, которая так нравилась ему пятнадцать лет назад.

Пройдя пешком два квартала, болтая о чепухе, они свернули с Красного проспекта и, миновав ирландский паб, подошли к старому «сталинскому» зданию, которое с виду казалось заброшенным.

— Хм, я думала, этот дом готовят под снос, — призналась Майя.

— Да нет, его еще долго не тронут, — возразил Герман и, достав из кармана ключ, ловко вставил его в потертый медный пятак замка на старой черной двери.

Подвал, куда они спустились по длинной лестнице, оказался неожиданно уютным. Внимательный старик-гардеробщик, похожий на Энтони Хопкинса, принял у них пальто, вежливая администратор в приталенном пиджачке проводила к столику. Свет внутри был мягким и густым, как сироп. Посреди небольшой сцены на высоком стуле сидел огромный мужчина в красной рубаше. Виртуозно перебирая гитарные струны толстыми пальцами, он пел заунывную песню на испанском языке. Ему тонким голоском вторила женщина, сидевшая позади. Она была одета в национальный испанский костюм, кисти рук прятались в складках широкой юбки, а в черных как смоль волосах багровела крупная роза.

Герман и Майя сели за стол.

— Узнаешь? — спросил он, кивнув в сторону гитариста.

— Хосе Малик? — не веря собственным словам, произнесла Майя и вжалась в мягкое кресло.

Герман, улыбаясь, закивал головой.

— Не может быть...

Он развел руками:

— Пришлось привезти. В рамках выставки офортов Сальвадора Дали.

— Ты с ума сошел!

Малик закончил песню, сорвав щедрые аплодисменты. Тут же Герман поднял правую руку вверх и громко крикнул:

— Хосе! Пор фавор!

Гитарист кивнул головой и тронул струны. Публика живо отреагировала на первые ноты: он заиграл Shape of My Heart Стинга. Майя молитвенно сложила руки и уставилась на колоритный андалузский дуэт. Малик, известный ей еще с юности, походил на мультяшную рыбу, которая только что выпрыгнула из кипящей кастрюли. Лицо у него было красным, как его рубаша, толстые губы, сверху и снизу подчеркнутые черной

щетиной, невообразимо вывернуты, круглые блестящие глаза выпучены, ноздри комковатого носа раздуты. Его жена, Эстер Курира, которая сидела позади него, была почти точной копией мексиканской художницы Фриды Кало: близко посаженные глаза, сросшиеся брови, темный пушок над верхней губой. Они пели Стинга на испанском. Зал затаил дыхание. Необычное исполнение, казалось бы, хорошо знакомой песни заставило вслушиваться в каждую ноту, в каждое испанское слово, которое так легко ложилось на любимую мелодию.

Закончив, Малик стал постукивать по верхней деке гитары. Затем запел, страстно шепча малопонятные слова. И вдруг гитара зазвенела, надрывно зарыдала, послушная магии его огромных пальцев.

Эстер приятным грудным голосом начала читать стихи на английском языке:

— Я твоя тень, милый, прячущаяся в темной комнате.
Я всегда позади, я постоянно рядом, но видишь ли ты меня?
Я следую за тобой, куда бы ты ни пошел,
Изо всех сил я цепляюсь за твои прекрасные ноги,
Но ты не замечаешь меня. Ты просто идешь к свету,
Ты наступаешь на меня и идешь дальше,
А я остаюсь у твоих прекрасных ног,
Ползу за тобой вдоль бесконечной темной комнаты...

Неожиданно Эстер вскочила со стула и, швырнув на пол розу, что ранее покоилась в ее волосах, начала танцевать фламенко. Дали альбый контровый свет, на фоне которого Эстер превратилась в беснующуюся от мучительной любви тень. Она неистово, будто от резкого удара бичом, вскидывала руки. Подол ее длинной юбки взвивался орлиным крылом. Небольшие, но сильные ступни отбивали четкий ритм. Гибкое тело Эстер походило на черный язык пламени, закручиваемый ветром то в одну, то в другую сторону.

Все это время Герман смотрел на Майю, которая не могла оторвать глаз от происходящего на сцене. Заметив, что по ее щеке скатывается слеза, он осторожно прикоснулся к ее лицу. Майя вздрогнула и перевела взгляд на своего учителя. То был взгляд полный детского восторга, смешанного с отчаянием взрослого. Не проронив ни звука, Майя вдруг бросилась на шею Герману, мокрой щекой прижалась к такому знакомому колючему подбородку... Герман нежно обнял ее, стал поглаживать по голове, и даже, как ей показалось, легонько поцеловал в макушку.

— Недавно мы были в Буэнос-Айресе, — хриплым, рваным голосом сказал Хосе, когда Герман пригласил его и Эстер за их с Майей столик. — И вот там я первый раз в жизни попробовал борщ. Помнишь, милая?

Говорил он по-английски, с ужасным испанским акцентом, слово «борщ» традиционно для иностранца произнося как «борстч».

Эстер, улыбнувшись, кивнула.

— Там нас пригласили выступать в русском ресторане. Я был немного напуган, честно признаюсь! — Хосе раскатисто захохотал.

Герман поднял рюмку.

— Спасибо, друзья, за этот подарок для моей маленькой Майи, — произнес он.

— О, Герман! — Хосе поднялся со стула. — Ничто так не облагораживает мужчину, как женщина! Взгляни на меня! Моя мама всегда боялась, что никто во дворе не будет со мной играть из-за моей физиономии. В детстве я был похож на «Хромоножку» Хусепе де Риберы. Но посмотри, что со мной стало после того, как я встретил моего ангела!

— Красавец мужчина! — зашептала ему в ответ Эстер и щелкнула зубами.

У Майи вырвался легкий смешок.

— Вот-вот! — загремел Хосе. — Выпьем за эти глаза, за этот смех, что не дают нам покоя ни днем ни ночью, дорогой друг! Если бы не эти дьяволицы, разве ел бы я сейчас борстч в далекой и холодной Сибири?

— Ну, не такая уж она и холодная, — улыбнулся Герман и выпил.

Осушил свою рюмку и Хосе. Затем он, кряхтя, уселся и, придвинувшись к Майе, сообщил:

— Мне друзья перед отъездом вручили настоящую кроличью шапку. Русскую.

— Боже мой, Хосе! — Герман замахал руками. — Я тебя умоляю, не рассказывай ничего про нее! Майка, поверь, я ее видел, это не шапка, это одна сплошная лакуна.

— У этой шапки целая история, что ты! Я когда-нибудь напишу о ней песню, а Эстерита станцует...

— Станцует шапку? — Герман уставился на Хосе.

Эстер покачала головой.

— А что такого? — Хосе откинулся на спинку стула. — Танец фламенко способен выразить что угодно. Если ему удастся передать столь сложные метафизические понятия, как страсть и любовь, неужели он не сможет изобразить такую простую вещь, как кроличья шапка?

— Не сомневаюсь, танец способен и на это, — усмехнувшись, ответил Герман, — но что касается прекрасной Эстер... Хосе, — Герман скривил губы, — ты тиран, мой друг!

— О да, — подключилась Эстер, — а я всего лишь его тень.

У Майи зажужжал телефон. От неожиданности она встрепенулась. Тихий звонок, словно из потусторонней жизни, заставил ее испугаться. Она вдруг вспомнила о муже и сыне и начала судорожно рыться в сумочке, затем вскочила и со всех ног бросилась в уборную.

Звонил сын. Муж задерживался на работе. Майя дрожащим от волнения голосом уточнила, сделал ли мальчик уроки, и попросила его пораньше лечь спать, пообещав, что скоро придет. Пожелав ребенку спокойной ночи, она собралась было набрать номер мужа, но почему-то

остановилась. Она стояла в уборной перед зеркалом, чуть склонив голову и упершись острым подбородком в ребро телефона. Если муж не позвонил сам, значит, не волнуется за нее, думала Майя. Значит, не переживает и ни о чем не догадывается. Даже мысли не допускает, что она сейчас... Но стоит ли ей звонить ему? Если бы она была на какой-нибудь совершенно невинной встрече, то обязательно позвонила бы, поинтересовалась, что случилось, почему он задерживается и как скоро окажется дома... Да, нужно позвонить. Майя медленно отвела аппарат от лица, но, найдя номер мужа, снова замерла.

Что же она делает? Точнее, что собирается сделать?

Голос супруга показался ей на редкость безразличным и каким-то усталым. Оказалось, что у них срочное совещание, затем предстоит экстренный выезд на объект. В конце разговора он пожелал ей хорошо провести вечер и ни о чем не беспокоиться, добавив, что она может себе позволить иногда покутить с бывшими однокурсницами. Откуда только он взял этих однокурсниц?

В иной ситуации его слова показались бы Майе несколько подозрительными, но в данный момент ей не хотелось ничего анализировать. В ее душе царили легкость и беспечность. Она летела в какую-то бездонную пропасть без малейшего желания остановиться.

Майя прижалась щекой к подушке и в полумраке смотрела на Германа. Он был похож на мифического титана, на уставшего полубога, ровно дышащего, умиротворенного, красиво стареющего.

— Интересно... — прошептала она. — Ты был моим первым мужчиной, а теперь ты первый, с кем я изменила мужу.

Герман неловко улыбнулся и почти виновато посмотрел в глаза Майи. Она сейчас напоминала маленького испуганного зверька. Хорошо выдрессированного, воспитанного зверька, который прекрасно знает, что есть с хозяйского стола запрещено, но которому так сильно захотелось это сделать, что он не смог утерпеть и стащил что-то вкусное, за что неминуемо последует жестокое наказание.

Он тяжело вздохнул и, убрав с ее лица прядь волос, как-то потечески, как он всегда это делал, сказал:

— Знаешь, Майка, жизнь такая сложная штука... Нельзя пройти ее прямой дорогой и ни разу не сбиться с пути. Мы всего лишь люди. Слабые, любящие, страдающие... Я бы не хотел, чтобы ты жалела о том, что сегодня случилось, так же, как я жалею о том, что не остался тогда с тобой, не удержал тебя, не бросился вслед... Ведь все могло сложиться иначе...

— Зачем ты говоришь об этом? — грустно спросила Майя. — Это звучит так, будто ты оправдываешься за то, что сейчас сделал.

Герман лег на спину и уставился в потолок. Ее слова явно были ему неприятны.

— Мне пора домой, — быстро и отчетливо прошептала Майя и под-
нялась с широкой гостиничной кровати.

Герман поджал губы и начал бездумно постукивать кулаком по лбу.

Она торопливо оделась и направилась к двери.

— Давай я вызову такси, — он приподнялся на кровати.

— Не надо, я сама. Прощай, Герман! — Майя, даже не обернувшись, закрыла за собой дверь.

Часы в холле показывали двадцать две минуты первого. Она поспешно пробежала мимо сотрудников гостиницы, празднично столпившихся у стойки администратора, лишь кивнув в ответ на их «до свидания, всего доброго», и выскочила на улицу.

Ночь была влажной. Майя подняла лицо навстречу сырому осеннему ветру и, закрыв глаза, простояла так несколько минут. Она вдруг ощутила себя совершенно пустой, темной комнатой. Внутри не было ни света, ни чувств, ни эмоций. Не раз она представляла себе подобную ситуацию и всегда задавалась вопросом, что будет чувствовать после. Стыд? Раскаяние? Страх? Отвращение к самой себе? Жалость к мужу? Теперь все случилось на самом деле — и она, как ни странно, не испытывала ничего.

Но затем ей показалось, что она как будто стала взрослее. К ней неожиданно пришло необъяснимое чувство гордости за свой поступок. Чувство иррациональное, непонятное и даже пугающее. То же чувство посетило ее, когда она рассталась с девственностью. Майя вспомнила, как пятнадцать лет назад детство за одну секунду оказалось позади, ушло безвозвратно, вдруг став прошлым и открыв ей дорогу в новую, неведомую, взрослую жизнь. То же самое случилось и теперь, только как будто бы в искаженном, перевернутом виде.

Майя печально улыбнулась и достала из сумочки телефон, чтобы вызвать такси.

О ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

*Духовные стихи сибирских староверов
в литературной обработке Владимира Берязева*

Мне посчастливилось в середине июля 2018 г. побывать в окрестностях Белухи, священной горы Азии, называемой алтайцами Уч-Сумер — Три священные главы. На обратной дороге из Тунгура я заехал в Верх-Уймон, село, где еще сохранились традиции сибирских христиан дониконианского исповедования. Там я встретился со знаменитой Раисой Павловной Кучугановой — заслуженным учителем России, отличником народного образования, лауреатом премии «Лучшие учителя России», заслуженным работником культуры Республики Алтай, основателем и научным сотрудником Музея истории и культуры Уймонской долины, историком-краеведом, этнографом, фольклористом. А проще сказать — величайшей подвижницей. Из тех, на которых и держится современная Россия. От нее я получил тексты духовных песнопений староверов Горного Алтая и непосредственно Уймонской долины. Частично эти тексты присутствуют в новой книге Раисы Павловны «В поисках Беловодья», которая является итогом многолетних трудов по сохранению русского духовно-культурного наследия.

Владимир Берязев

О последнем времени

На осьмой ли тыще лет от сотворения
Света белого настанет потрясение,
Содрогнется до основы мать сыра земля,
С полуночи сотрясется-заколеблется,
Грозным грохотом до бездны недр каменных,
В помрачении и страхе, преж неведомых,
От полуночи до алой зори утренней.

Тут к нам спустится на Суд великий праведный
 Сам Иисус Христос со Матушкой Владычицей,
 Со пресветлой Госпожою Богородицей
 И со грозным Михаилом ли Архангелом,
 Что ведет с собою всюю силу Господа.
 Глядь — по леву руку встали души грешные,
 А по праву руку встали, словно свеченьки,
 Души верные, избегшие погибели.

А по леву руку будто головы горят —
 Просят души, молят души Мать Владычицу,
 Госпожу нашу пресветлу Богородицу:
 «Уж ты, Матушка Владычица пресветлая,
 Попроси-ка Ты своёго Сына Божия,
 Ой, не может ли Он нас спасти-помиловать,
 Муки вечной и погибели избавити?»

«Уж Ты, Сыне мой, кровинка, Сын возлюбленный,
 А не можешь ли Ты их спасти-помиловать,
 Муки вечной и погибели избавити?»

«Ох ты, родна Моя матушка Владычица,
 Пресвятая ты Моя Богородица,
 Если хочешь вдругорядь Меня ты видети,
 Если хочешь вдругорядь Меня ты слышати
 На кресте на окаянном, на распятии,
 Так бы мог Я их помиловати, грешников,
 Муки вечной и погибели избавити».

«Уж не дай Ты, Боже, слышати и видети
 Во второй-то раз Тебя на распятии.
 Уж вы, ангелы, святые архангелы,
 Вы гоните, вон гоните души грешные,
 Вы гоните их во муку вечную,
 Чтобы слыхом не слыхала плача жалкого,
 Ни рыдания, ни скрежета зубовного».

И проклятия из бездны лишь доносятся:
 «Вы на что ж нас породили, горю предали,
 Вы каки же нам отныне и отец и мать,
 Коль ко добрым ко делам нас не выучили?!»

«Мы учили вас, учили, вы ж не слушали».

Пресветлый ангел Господен

Пресветлый мой ангел Господен,
 И страж, и хранитель души,
 Ты милостью Богу угоден,
 Ко правде тропу укажи.
 Храни меня всяку минуту
 В отмеряны дни и года,
 Препон дай питанию люту
 И сил для любви и стыда.
 Ты дух, сокрушающий тленье,
 Ты послан мне Богом самим,
 Пролей же во грудь умиление,
 Я жаждою правды томим.
 Здесь путь мой — и узкий, и тесный!
 Смогу ль его прямо пройти?
 Храни ж мя до воли воскресной,
 Чтоб душу сберечь и спасти.
 Меч пламенный в руке горячей —
 Врагов им во прах порази,
 У Божья престола парящий,
 Помилуй меня и спаси,
 Когда я явлюся, ничтожный,
 Пред светочем лика Христа,
 В чем будет ответ мой неложный,
 Напрасно ль отверзну уста?
 Ты жизнь мою знаешь земную,
 Ты верный сопутник души,
 Введи ж мя в обитель родную,
 Всю славу ее покажи.
 Я здесь — неприкаянный странник,
 Я здесь — сирота сиротой,
 Отечества горнего стражду,
 Любви и Славы святой.
 Хвалы возглашу, ангел Божий,
 Я там, во небесных садах,
 У Троицы райских подножий,
 Где радости песнь на устах.
 Там нету ни слез, ни печалей,
 Ни бед, ни стеснения пут,
 Там, будто Творенья в начале,
 Лишь реки блаженства текут.
 Венца испроси у Владыки —
 Прощенья для бедной души,
 Пускай прегрешенья велики —
 Страданья Ему покажи!

Управься с моею судьбою,
 Во благе оставь, на свету,
 Хранитель мой, только с тобою
 Я вечный покой обрету.

Отшельник молодой

Отшельник молодой от начала начал
 Священную книгу постигнуть желал.
 В той книге прочел он, что тысяча лет
 Пред Богом — как день: промелькнуло — и нет.

Сумленье напало на инока тут:
 «Лет тыща ведь всяко не тыща минут!»
 В священную книгу без веры глядит
 И видит, что в келию птичка летит.

Сияет и блещет цветное перо,
 А пух отливает в зерно-серебро.
 Когда ж свои крылья она распахнет —
 То радугой вспыхнет, то золотом сверкнет.

Та дивная птичка в полете легка,
 Быстрее и нежнее весны ветерка.
 Присела у двери и звонко поет,
 А радостный иннок тихонько встает,

Неслышно подходит, стоит, не вздохнет.
 Рукой потянулся ко госте, и вот...
 Вспорхнула, летит, а отшельник за ней
 В забвеньи выходит из кельи своей,

Идет за ограду и полем цветным,
 А птичка все свищет и свищет над ним,
 Как будто бы манит, как будто зовет,
 Как звездочка, кружит над лугом, поет.

Родной монастырь за пригорком исчез,
 Монах оказался под сенью древес,
 Певунья щебечет и манит вперед,
 Под леса густой и неведомый свод.

На дуба вершину присела она,
 Уж пением чудным вся роща полна.
 Восхищенным сердцем, открытой душой
 В восторге внимает отшельник молодой.

Он миг наслаждения ловит, боясь
 С тем пеньем утратить предивную связь.
 Забылся... отраден забвения дым,
 Мир прежний исчез за туманом седым.

Но пенье умолкло, опомнился он:
 «Где ж птица-певица? Исчезла, как сон».
 Взвилась, золотая, как будто стрела,
 Среди неба сокрылась, была — не была.

Вдохнул инок добрый и в келью спешит,
 Казалось — лишь час как покинул он скит.
 В тревоге. Пред братией должно предстать,
 Знать, к трапезе ждут, и нельзя опоздать.

И вот монастырь, только чудно глазам —
 Ограда не та и неведомый храм,
 У входа часовня золотая видна.
 Дивится: откуда взялась она?!

Стучит он в ворота. Привратник идет —
 Ему незнакомый, не прежний, не тот.
 Не хочет пустить он в обитель его:
 «Не наш ты, не знаю лица твоего».

«И мне, брат любезный, неведом твой лик,
 Привратник наш молод, ты ж, вижу, старик.
 Отсея я вышел не боле, чем час,
 С чего бы сменился привратник у нас?»

Служители Спаса — не здесь ли их дом?
 Поди же к игумну, поведай о сём!»
 Дивится привратник, игумна зовет,
 Идет за игумном весь причет. И вот —

Пред ними монах преклонился лицом...
 Но диво — игумен ему не знаком!
 Меж братии тож не признал никого —
 Он ищет, он ропщет, лик скорбен его.

Он братьям поведал свое, помолясь.
 Монахи внимали ему, изумясь.
 Тут мудрый игумен пришельца спросил,
 Какое он имя в служенье носил.

«Антонием назван в монашестве я,
 При мне был игумен отец Илия».
 Монахи во страхе по книгам глядят,
 Нашли имена те лет триста назад.

«Антоний без вести в день Пасхи пропал.
Так летопись кажет», — игумен сказал.
«Бог дивен в деяньях», — пришлец произнес.
И тут его вид, как возок, под откос

Повергся! Стал старцем. Взор юный угас.
Три века в нем разом минуло, как час.
Он пал. Он молился. Два дня протекли.
Почил. И со честью его погребли.

Ах, Господи Боже, средь неба еси!
Заплакали братья, дивясь чудеси...

Моление о спасении

Боже, зри мое смиренье, зри плачевны дни мои,
Зри с пороками боренье, со лукавым зри бои.
Смертна тварь, я вновь дерзаю умолять свою Творца,
Коя смело нарицаю как заступника-Отца.

Укажи пути к спасенью, утверди в груди Закон,
Дай надежду к воскресенью за чертою похорон.
Я тебе молитву малу, мой Создатель, возношу:
Дай покой душе усталой, этой милости прошу.

Тишины лишь среди власти беззакония людей,
Кои здесь творят напасти токмо волею своей.
Не на то нам век дарован, чтобы ближнего губить,
Человеком именован лишь умеющий любить!

О жизни человека

Человек живет, аки цвет цветет —
Был по утру ал, а к ночи опал.

Таково знатье про житье-бытье:
Днем он пьян и сыт, во пиру сидит,
В вечеру ж дрожит, на одре лежит,
К белой зорьке, глядь, да преставился.

Очи ясные помрачились,
Уста сахарны заключились,
Белы рученьки поприжались
К ретивому сердцу остылому...

Марина ФЕДОРОВА

ДОМОЙ

Р а с с к а з

— Ты самолет. Ты скоро улетишь.

Маша задумчиво смотрит в окно. Я вздрагиваю. Какая же ты большая в свои шесть! Как ты все понимаешь. Чего стоят мои три часа в неделю по сравнению с твоей вечностью здесь?

— Ничего не скоро. Мы же только приехали, — говорю я.

На входе нас встретил плюшевый мишка в клетчатом шарфике и незнакомый охранник в черной форме. Первый развалился в кресле-качалке и внимательно слушал. А второй все спрашивал, бросая строгие взгляды поверх очков: «Вы родственники? Тоже отсюда? Жили здесь? С профессией как-то связано?» И мы с Аней устало повторяли «нет-нет-нет-нет», и мишка понимающе смотрел черными глазами-пуговками. А когда наконец охранник сдался, взял у нас паспорта и записал в журнал посещений фамилии, мы с Аней подмигнули друг другу, а по дороге в группу шутили: волонтер — это не профессия, чего тут непонятного, вон даже медведь знает, а новенькому охраннику поди объясни.

Я тоже гляжу в окно. Сегодня пасмурно. Небо такое же растрепанное, в таком же застиранном платypiшке, как Маша, и под глазами у них синячки одного цвета, и одна печаль на душе.

Она вертит в руках бумажный самолетик. А на подоконнике — целый аэропорт. Дети смастерили поделки, и Маша прямо с порога привела меня в класс похвастаться.

— Пойдем в зал играть, — предлагаю я. — Там Аня, ребята...

Аня ездит сюда уже несколько лет и знает столько игр, что любой аниматор* позавидует. Она давно приглашала меня, но я все отказывалась. Мол, не умею с детьми играть, боюсь. Еще кучу справок собирать. Да и времени нет: учеба, работа, переезды. Подруга подбадривала: «Они сами все игры придумают. Ты только зайдешь — малыши сразу побегут к тебе, кто-то даже обнимет. Главное — быть с ними искренней. Они очень чувствуют фальшь. А справки никакие не нужны».

* Аниматор — артист, изображающий какого-либо персонажа; массовик-затейник.

Однажды мне надоело бояться и я поехала. Теперь каждую субботу возвращаюсь в детство: играю, бегаю, прыгаю, песни кричу. Тело потом ноет, как после тренировки, в ушах звенит, а на душе тихо-тихо. Будто ангел молчит о том, что живешь не зря.

— А что вы нам сегодня привезли? — спрашивает Маша в коридоре.

— Сюрприз, — улыбаюсь я.

Каждая поездка начинается с похода в магазин — за гостинцами. Фрукты, конфеты, печенье... То самое, из детства, в бумажной обертке с хрустящим пергаментом внутри. Каждый раз, когда в суете супермаркета возле полки со сладостями соображаю, хватит ли упаковки на всю группу, у меня щемит сердце. Как же это грустно и неправильно — пересчитывать каждую конфетку. Но кошельки у нас с Аней стройные, совсем как мы. А ребят много. Правда, сегодня половина группы у родственников. На майские праздники забрали.

«Испекли мы каравай...» В зале водят хоровод и поют. Лишь Толик одиноко сидит на стульчике и наблюдает. Скромный крепыш, обычно он молчит и внимательно созерцает мир большими карими глазами в пушистых ресничках. Если его спросить о чем-нибудь, он смущенно улыбнется, проговорит ответ тихой скороговоркой и спрячет глаза.

В серединке нашего маленького хоровода — Лиза в нарядном платье. Тоненькая белокурая девочка с голубыми глазами, настоящая принцесса. Наверное, и мама у Лизы очень красивая. Здесь только у Толика нет родителей. Совсем. У всех остальных малышей — есть. Где они сейчас?

— А на второй завтрак была дыня из Лизиной передачи, — говорит мне Маша.

— Здорово! Видишь, не забывают Лизу, с гостинцами приходят.

Маша удивленно смотрит на меня. Гостинцы домой приносят, а сюда — передачи.

«Вот такой вышины...» Рыжий мальчик с хитринкой в зеленых глазах подпрыгивает и смешит детей. Это Данил, первый весельчак и выдумщик. Уже стал бы известным сказочником, если бы умел писать.

— А я в космосе был, — сообщил он в прошлую субботу. — Правда. Там, где Гагарин из ракеты вышел. Там наша планета такая огромная — как наша страна! И огонь из ракеты... знаете какой? Из роз и тюльпанов! А потом я полетел домой. У меня такой высокий дом. Целых десять этажей! Я однажды прыгнул в окно — мне потом пришивали руку и ногу. А папа мой тоже прыгнул — и до сих пор в больнице...

А у меня маленький домик с верандой и печкой. И мама. Далеко-далеко. В прошлой жизни.

«Вот такой низины...» Клетчатое платье с фартучком мягко касается пола, карее каре рассыпается в стороны. Это Тоня, девочка с серыми глазами и добрым сердцем. Она всегда приглашает Аню и меня отдохнуть с дороги, попить чаю, и мы, не выходя из зала, идем на кухню. Тут хорошо и уютно, и в пластиковом камине трещат пластиковые полешки, и в шкафчике аккуратно составлена цветастая посудка, и за столиком — четыре де-

ревянных стульчика (даже я помещаюсь на таком), и в маленькой духовке всегда жарится нарисованная на дверце курочка гриль. Тоня достает нам кукольные пирожные на тарелочках и разливает понарошку чай из белого чайничка в розовые чашечки.

В хороводе Маша крепко держит меня за руку. С нашей первой встречи она ходит за мной по пятам, страшно и смешно ревную. Однажды в шутку поставила меня в угол, когда мы с ребятами убежали играть в прятки без нее. Лиза тогда выдала: «Марина не твоя. У нее свои дети есть». Я улыбнулась. Свои — пока только в мечтах.

— А мне недавно было пять, — говорит Данил, мой второй сосед по хороводу.

— А когда? — спрашиваю.

— Когда у Розы Витальевны день рождения был.

— Это какого числа?

Данил молчит и хитренько улыбается. Мол, помнить надо, когда воспитательница родилась. Маша слышит нас и смеется.

Каждый раз она бежит в прихожую с криком «Моя Марина! Моя!», расталкивая всех на своем пути, и долго-долго не выпускает меня из маленьких объятий. Наверное, зеркала притягиваются, отражаясь друг в друге. Мы с Машей удивительно похожи. Сколько раз в жизни я безмолвно кричала «мой», «моя», ревниво привязывалась и привязывала людей к себе — и не было мне счастья.

— Дети, мы с вами поздравили Лизу, а теперь давайте почитаем, — предлагает Аня.

Толик так и сидит на стульчике.

— А ты почему с нами не играешь? — сажусь рядом с ним.

— Мне нельзя, — шепотом отвечает он, рассматривая узор на палатке. — Роза Витальевна...

— Пойдем скорее, — беру его за руку.

Толик благодарит испуганной улыбкой. У него ледяные пальцы и теплые глаза. Здесь ему часто достается, Аня рассказывала. Ребятишки пошумят, повздорят, воспитательница прибежит разбираться — и все загалдят: «Это не я», «Он первый начал», а Толик молча опустит глаза. И на весь день лишится игр, как самый виноватый.

На прошлой неделе Лиза похвасталась: «А к нам тут мальчики приходили, книжки красивые всем подарили», — и показала целую полку одинаковых голубых томиков в книжном шкафу. «Детская Библия», — прочитала я на корешке и взяла полистать. Яркие рисунки, мелованные страницы, в руках держать приятно. Только грустно, что в детском доме моленную комнату открыли, православного батюшку приглашают, а сектанты приходят сами, без приглашения. Еще и книжки свои оставляют.

— Вот почитайте эту. Мама подарила. Она всегда мне все дарит. — Тоня протягивает книгу Петра Синявского.

Солнечный софит за окном мягко подсвечивает Анино лицо и рыжие волосы, и голос ее летит, будто с высокой сцены:

Коту прекрасно спится,
Коту котлета снится.
А рядом спят котята —
Им снятся котлетята.

Очень любят дети играть с Аней в парикмахерскую: делают косички и хвостики из ее сказочно длинных волос, забавно орудуют кукольной расческой и игрушечным феном. А когда работа закончена, подают мини-атюрное зеркальце из фольги. Аня восхищается и тут же быстрым жестом — чтобы маленькие парикмахеры не заметили — поправляет выбившиеся прядки. Иногда косички плетут мне. Это весело и немножко больно.

— Позвоните папе, — вдруг просит Данил, протягивая телефонную трубку с обрезанным шнуром.

Пока все слушали стихи, он что-то искал в коробке с игрушками.

— И моей ма-а-аме. Позвони-и-ите. — Тоня жалобно растягивает слова.

— Ребята! Идем на полдник! — В зал заглядывает воспитательница.

Дети убегают в столовую, забыв обо всем на свете. Хлопают двери, вкусно пахнет бананами, и мы с Аней садимся на диванчик.

— Ты скоро в отпуск? — интересуется подруга.

— В июле.

— Домой поедешь?

— Не знаю. Мама говорит, не трать деньги. Знаешь, у нас это семейное, — грустно улыбаюсь я. — Мама после института уехала в другой город. По распределению, далеко. Там замуж вышла, потом я родилась. Домой она письма писала, конечно, звонила. Хотела приехать, но бабушка моя все отговаривала: мол, я вас с внучкой увижу, а потом спать не смогу, жить без вас не смогу. Не поехала, в общем. А теперь только на могилку ехать...

Долго молчим, разглядывая рыбок на фотообоях.

— Как у тебя с квартирой? — наконец спрашивает Аня.

— Не очень, — вздыхаю я. — Уже намекали, что пора подыскивать. У хозяйки дочка выходит замуж — надо освобождать для молодых.

— А у меня знакомый в Европу скоро уезжает на стажировку, — говорит Аня. — Квартиру будет сдавать. Посмотришь?

— Да. Спасибо, Ань.

Первым с полдника прибегает Данил.

— Гулять! Гулять! Пошли гулять! — радостно кричит он.

Помогаем ребятам одеться. В прихожей у малышей кабинки с мультяшными героями снаружи и скромным гардеробом внутри. Машину одежду охраняет Микки-Маус. В шкафу маечка, шортики, пара кофточек, кепка, штанишки, кроссовки. Это всё.

У каждой группы в интернате отдельный выход на улицу, как подъезд в доме. Веселой толпой движемся к детской площадке, и теплый весенний ветер дует в лицо, и зеленые травинки тянутся вверх, к серому небу.

— Ой, одуванчики! — Лиза трогает мохнатый солнечный шарик.
— А растения живые? — задумывается Маша.
— Да, — уверенно говорит Тоня.
— Нет, — спорит Маша. — У них даже глаз нет.
— А это что? — Лиза показывает на желтые серединки. — Смотрите, какие глазастые!

Смеемся. Девочки с Аней идут в песочницу, мальчики — на горку. Маша ведет меня на качели.

— А вчера был день войны, — сообщает она.

— День Победы, — поправляю я.

...У меня тоже когда-то была поляна рядом с домом и скрипучие качели.

И тут Данил с криком «Это фашисты!» несется к ограде, показывая пальцем на дорогу. Подбежавшие ребята со страхом разглядывают проезжую часть, вцепившись в синие кованые прутья.

— Почему? — спокойно спрашивает Аня.

— Они на мотоциклах! Я в кино видел, — отвечает Данил.

— Что ты! Это хорошие дяди едут. Радуются празднику. Мотопробег называется, — объясняет Аня, и дети сразу теряют к дороге всякий интерес.

— Пойдемте лучше кататься! — приглашает Тоня.

На игровой площадке стоит паровозик. Деревянный, зеленый, с веселыми голубыми полосками. Данил садится за руль. Маша и Тоня занимают места на скамейке в вагоне. Ждут, пока и я заберусь.

Данил спрашивает:

— Куда поедем?

Все хором отвечают:

— Домой!

И мы — едем.

Владимир СЕМЕНОВ

ИЗ ДНЕВНИКА ПРИСЯЖНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ

День 12

У нас опять стряслись недельные вакации: прокурор принимаю. «И превосходно поступили, господин подполковник», — хвалебно подумал я по первости, поскольку спозаранку в Питере разразился самый настоящий буран, так что вояж комфорта не сулил. А потом вспомнил про судьбу его собрата из «Мертвых душ» и затревожился: не прищемило бы его по-настоящему, ведь грипп в этом сезоне злобный — свиной.

Если из процесса выбывает действующее лицо первой категории, то все на смарку, начинай волюнку с нуля, как будто и не было ничего — здесь не как в футболе, где можно маневрировать составом. Если рассудить, то справедливо: в судебном состязании ценен не только набор доказательств за и против, но равным образом и стиль их подачи, который определяется главными личностями. Оттого (в числе прочего) в суде предусмотрены не замены, а переигровки.

Волей-неволей втравившись частью души в юриспруденцию, новости из этого ряда выделяю автоматически. ТВ сообщает: гражданка из Челябинской области (обвиняется в убийстве дочери) подала в Конституционный суд, чтобы дали присяжных («прекрасному» полу такая опция не полагается, потому что для них нет пожизненного срока, лишь в сказочном мире ТВ «присяжные» преспокойно «судят» женщин). Шустрая бабенка — и здесь хочет бонус урвать, ей недостаточно факта принадлежности к привилегированному полу. (Имеется в виду законодательно закрепленная дискриминация по половому признаку, которая выпала на весь мой жизненный срок. Я не встречал ни одного человека, воспринимавшего декларативные разделы конституций — двух советских, что застал, и действующей — иначе как фантики, ибо младшие по ранжиру законы открыто плюют на прозванный «основным» закон и в правоприменении перекрывают его — и в отношении воинской повинности, и в отношении пенсионного возраста, и в отношении уголовного судопроизводства. При этом начальство по временам в голос скорбит, что у нас — населения — пока что слабое правосознание.)

По прибытии застаю на месте № 14. Он выключивает у меня сигарету (вот жук — в совке не живал, а манеры оттуда!) и разводит агитацию о том, что убили, разумеется, под аффектом, то есть чистая ст. 107 (до трех лет). Перед этим осведомляется о моем номере, чтобы не тратить порох на запасного.

С одной стороны, мне лестно, что я так вошел в роль лопуха, которому можно гнать пургу в надежде на результат. С другой стороны, чуть зол на себя за то, что содержательно среагировал на вступительный вопрос, когда вполне мог направить разговор в хоть на малость забавляющее русло. А так — опираясь на тезис своих гуру, что-де суд в нашем авторитарном государстве есть орудие подавления и потому непреложно страдает «обвинительным уклоном», представитель прогрессивной общественности подначивает меня не идти на поводу — и уклону противостоять во славу «общечеловеческих» ценностей. Методология привычная, единственно доступная им: махровая софистика (что и у бездарей адвокатов), призванная заронить сомнения в очевидном. Т. е. поскольку всякое знание, помимо основанного на личном наблюдении (и то с оговорками), не может приниматься за достоверное, то любая измышленная дичь должна браться в рассмотрение в качестве равновероятной версии (ну это как «может быть, Сталин и не знал про террор в СССР»). Я уже не столь мало прожил и до оскомины наслушался подобного — сначала от совдеповских пропагандистов, после от розничных религиозных проповедников, теперь от либерального радио, но более всего — от частных доброхотов, которых буквально прет от словопрений ни о чем.

Безмолвно внимаю порожнему воркованию. В самом деле, какие критерии истины могут быть для таких категорий, как аффект и умысел годичной давности? Обращаю внимание, что проговариваемое № 14 без малого текстуально совпадает с демагогией Вышинского об относительности судебной истины вообще и улик в частности. Не в удивление странная, казалось бы, переключка: человек без самостоятельного мышления обречен на ущербную систему доводов. Я и сам могу все это изложить за него — на «политинформациях» в советской школе с нас требовали и не такую тарабарщину молоть, справлялись в лучшем виде.

Развлекает незнакомец диссонирующе презентабельного вида — он похозяйски усаживается рядом со мной и с аппетитом закуривает. Вслушавшись же в речь № 14, восклицает:

— Так вы присяжные?!

Он ожидал встретить здесь трактористов? Или сталеваров? Убедившись в верности догадки, гасит сигарету и взволнованно представляется:

— Я судья из соседнего зала. Как бы чего не вышло!

Начинаю заверять, что мы своих не сдаем, но он выскакивает точно из лепрозория: несанкционированный контакт с присяжными может дорого обойтись. Осматриваю чинарик: та же дорогая дамская марка и, естественно, без помады. Вот какова оказалась наша «девочка», граждане «медведи».

Ментор-волонтер пытается продолжить охмурялово, но появляется любезная сердцу № 16. Стремглав ввожу ее в курс дела (не без мстительного чувства). Эту на горло не возьмешь, и Светочка, едва заслышав про аффект, задает олуху доброкачественный нагоняй. Бедняге только и остается, что внутренне сетовать

на непроходимую темноту народных масс. Все по делу. Тебе же, ишаку, на стартовом заседании было внятно предписано «судить на основе личного жизненно-го опыта и в соответствии со здравым смыслом». А ты чем занят? Стараешься приложить иноземную доктрину к решению по банальной русской уголовщине. Воистину, как сказала мне раз одна старуха, выдавшая коллективизацию, идейный при полномочиях страшнее пьяного за рулем.

Нас собралось больше, чем положено: пришел прежний № 3 — с копией больничного и за расчетом. Он ремонтник электросетей, всей бригадой — вчетвером — сильно простудились на трудном вызове. Я вслух сожалею о его вы-бытии, старикан же философичен:

— Судьба...

Завканцелярией, завидев «постороннего», всполошилась:

— Вы не имеете права здесь находиться, ждите внизу!

Вот это даже не смешно: мужик с нами десяток заседаний пропыхтел, перед кем тут дурковать?

№ 4 притащил письмо с работы — ноют, что им все труднее переносить отвлечение ценного кадра. Если выбудет, то на очереди № 14. По-человечески, конечно, противно, а по-авторски — самое то, пусть потолкает свои догматы на прениях, абзац-другой обеспечит.

Дамы делятся впечатлениями от пережитых каникул: № 8 и № 12 лежали с температурой, а затейницу № 2 угораздило отравиться свежепосоленной килькой, о последствиях чего повествует весьма красочно и непосредственно (медик...). Вот это был бы номер, если бы прокурора заодно не срубило! Тогда не миновать на четверть коллегияю перекраивать. Бегло прикидываю: к добру ли? Получается, что то на то и вышло бы.

Подаю записку с вопросом. Старшина Леночка — очень воспитанная де-вушка: сразу же переворачивает ее текстом вниз и прячет в папку, не читая.

Афиша дня: представление дополнительных доказательств сторон. Дежурные бессмысленности адвокатов — по их вопросам подсудимые для закрепления повторяют материал. Прокурор столь же квели уточняет какие-то пустяки у Грузина.

Безгранично приятное чувство, когда удается понять не знакомого лично че-ловека, особенно если предугадаешь его действия. Я не ошибся в судьбе! Она не только не стала зачитывать мой заумный вопрос, но грамотно расчленила его и трижды озвучила в различных модификациях, по ходу дела перемещая акценты. Результата это ожидаемо не принесло: Русак упорно делал вид, что не в силах сообразить, о чем идет речь. Трижды же он проблажил излюбленный рефрен, бия себя в перси:

— Я очень люблю природу! Могу вам на следующем заседании показать фотографии с Чудского озера...

Что ж, спасибо за бодрящий глум, дружище, но и ты в свою очередь не оби-жайся, коли вердикт не по шерсти придется...

Новых вопросов ни от кого не поступает, стороны подчеркнуто пассивны. Судья бросает им вниз: ну что, расходимся, что ли? Нет пока: весь во власти каких-то таинственных колебаний, обвинитель подходит к амвону и просит объявить технический перерыв, дабы подготовиться. Мы удаляемся.

Предъявляются распечатки с хронометражем звонков с телефонов подслушиваемых и жертвы. Если разгрести холмы обычной ботвы, то картина получается впечатляющая.

В свой последний день директор позвонил Грузину в первой половине дня. Далее — главное, ибо в значительной мере совпадает с показаниями камер видеонаблюдения. В 15:56 Грузин звонит Русаку (тормози, пересаживаемся в твою машину). В 16:04 Грузин звонит в Москву будущему перекупщику авто! (А нам врал, что, пребывая в шоке после первого выстрела, позвонил столичному земляку на нервной почве. Но за восемь минут никак не доехать до места и не совершить весь душегубский комплекс действий.) В 16:40 и в 16:44 пара новых звонков Русаку (т. е. дело сделано, они покинули гаражный кооператив, расселись по разным машинам, старший координирует маневрирование). Козырь за организацию преступления полновесный. Сникает Грузин.

(Все это описывается тесно, но вершится отнюдь не скоро. Прокурор абонировал вспомогательный стол в двух метрах напротив меня, разложил на нем объемистые пачки распечаток с выделенными цветным маркером узловыми звонками. Время от времени он прохаживался вдоль барьера, отделяющего нас от рабочей зоны, и предлагал всем желающим удостовериться в истинности оглашаемых сведений. Таковые находились. Потом он проделал серию манипуляций с телефоном убитого, показывая, что из его памяти удалена информация за последние пять месяцев. Смысл этого остался для меня неясен.)

Известное возбуждение после закрытия, № 16 позорно глупит:

— Ничего не доказано. Может быть, он погоду в Москве узнавал.

Первый минус, сударыня: не за то же ли самое ты отодрала № 14 поутру? Напрямую ничего не доказано, но если не будет предъявлено правдоподобной альтернативной интерпретации, то вполне тянет и на подстрекательство, и на сговор. Прокурора обоснованно распирало от удовольствия на прощальном вставании.

К нам заходит судья и извещает о трехнедельной паузе (адвокаты дружно намылились в отпуск!). После чего прогнозируется перевод процесса в форсированный режим — пять заседаний за месяц.

Выхожу на воздух с раскальвающейся головой: полтора часа непрерывной концентрации внимания в душном помещении поношенному организму на пользу не идут.

* * *

Тема суда присяжных не сходит с повестки дня. Теперь уже сам господин президент взбаламутил СМИ всех толков серией заявлений о насущной необходимости серьезной модернизации института, до коего я волею судеб имею ныне самое непосредственное отношение и потому интересуюсь малейшими изменениями ландшафта, как барбос на прогулке. А каких-нибудь четыре месяца назад не испытал бы ни малейшего позыва к раздумью на данную тематику.

Стержень высоконачальственной мысли в том, что юрисдикцию судопроизводства с участием присяжных целесообразно решительно расширить, для чего следует распространить ее на районные суды. А чтобы не возникало нехватки

в самом поголовье присяжных, провести удельное сокращение их, т. е. ограничиться пятью-семью на процесс.

Уверенно спрогнозировать, насколько это добавит или убавит произвола и до какой степени приблизит судебные решения к усредненным стандартам справедливости, я не возьмусь. Но предречь, что суд присяжных в нынешнем — пусть и колченогом — виде преобразится до неузнаваемости, можно безошибочно.

Прежде чем вообразить функционирование присяжных в райсуде, надо отдавать себе отчет, что такое обычный район в Российской Федерации, каковых сотни и сотни, каждый с полагающимся комплектом управленческих принадлежностей, в т. ч. и с судом. Это — слабо затронутая глобализацией местность, где при на порядок меньшей плотности населения, чем, к примеру, у нас на Васильевском острове, люди на порядок больше знают друг о друге, ибо всякий взрослый или имеет общих знакомых со всяким другим взрослым, или легко может о нем разузнать через малую цепочку знакомых — и поподробнее, нежели посредством Интернета.

Добиться отсутствия личной предвзятости присяжных в условиях мегаполиса — элементарно: народу вдосталь, да и обособленность урбанистической жизни в помощь. В городе размером с Брянск или Архангельск — достижимо, но потребует аккуратности. В городе вроде Благовещенска или Пскова вы запаритесь, составляя коллегия. В ординарном райцентре практически нереально выполнить это требование закона, если речь не пойдет о правонарушении одного мигранта в отношении другого. В нормальном же случае (когда шкодим или выступаем в роли жертвы мы сами) следует быть готовым к следующему. В залах райсудов будут регулярно взаимодействовать (в качестве присяжных, подсудимых и потерпевших) люди, которые знают не только истории личной жизни и черты характера других, но и их фамильные обиды, кулинарные пристрастия, текущую успеваемость детей и родословные любимых собак до седьмого колена. В таком условном Урюпинске или Кологриве сохранение в тайне хоть крупички из деятельности присяжных — за пределами всякого вероятия, для них же самих неотвратима участь находиться под давящим приглядом земляков. Это нам здесь легко: осудили своих упырей и разошлись с Бассейной, как в море корабли. В тесном мире разреженной провинции все иначе. И не просто живуч, а деятельно живуч будет слушок, что (произвольные варианты) ты осудил брата зятя бывшей учительницы, которая к тебе придиралась, за испорченный аттестат или оправдал племянника начальника бывшей соседки в память о ее разовой благосклонности. (Еще многие ли подпишутся на долю, чреватую осложнениями?)

Но то полбеда, что это станет прошепываться. Вторые полбеда, что это будет использоваться адвокатом ради отмены судебного решения. И крыть тут нечем. (То-то и то-то было? — Ну было. — Соболаговолите созывать новую коллегия, ежели желаете соответствовать букве закона.)

Возрастет ли доверие сограждан (сегодня ничтожное) к судебной системе от предложенной из Кремля новации? Слабо верится, если внедрять ее сплошняком, а не провести испытания хотя бы на десятке-другом крупнейших городов. Одновременное и повсеместное введение судопроизводства с участием присяжных на уровне районных судов удобно начальству, как продразверстка. И бесперспективно, как она же.

Но фрагментарное распространение новшества поведет к неравноправию, заметит мне в отповедь всякий честный человек. И пусть! Не заполненный содержанием фетиш (равноправие) не облегчает жизнь. Кузина Америка, которую мы слишком неразборчиво недолюбливаем, решила на неравноправие и позволяет своим подданным использовать довольно разные нормы закона, вплоть до наличия или отсутствия смертной казни. Именно это и есть федерация (инструмент для крупной страны немаловажный), а не то, что в название вбито.

Впрочем, будем справедливы и к своему горячо возлюбленному Отечеству: скорое засилье судов присяжных нам не грозит. Уже по одному тому, в частности, что для проведения правильных слушаний нет пригодных помещений — комплексов из обширного зала заседаний с соответствующей планировкой, общающейся с ним камеры присяжных с автономным санузелом и вспомогательных комнат (для сторон и того же конвоя).

Провинциальные суды рассованы по каким попало зданиям, так как для советской власти они служили малозначащим отростком, а при нужде провести пышный публичный процесс совершались выездные заседания в подходящие по статусу апартаменты. И в значительном числе случаев резиденции районных судов не получится переоборудовать или реконструировать под надлежащий стандарт, надобно возводить с нуля, как специализированную громаду на Бассейной. А это дело не копеечное — ТВ объявило ее цену в 2,4 млрд руб. (Тогда большой праздник был, Путин на открытие приезжал, очень пыжились.) Разумеется, стране, провернувшей Олимпиаду, все по плечу. Но с другой стороны: если дело не экстренное, то бишь нет внешних неотклонимых сроков, то его можно хоть всю жизнь делать — мы так и не смогли наладить дорожный ремонт, а в самых консервативных уголках не торопятся проникнуть даже в секрет укладки асфальта.

Однако допустим: посредством железной верховной воли либо еще каким волшебным способом мы управились с обустройством судебской инфраструктуры. К ней полагается персонал из местных. Вспоминаю тот десяток райцентров, в которых бывал не мимоездом и успевал завязать общение. Коренной горожанин (по истории жизни, по неразвитости ручных навыков), я всей душой расположен к провинциальным соотечественникам (как ни странно, далеко не всегда без взаимности) — безукоризненно лояльным, простодушно-жестоким, не ведающим всеминутной настороженности. Насаждение невиданного судебного уклада они воспримут как очередную причуду начальства — вздохнут и покорно примутся изучать спущенные головоломные инструкции. И более или менее представляя суд присяжных в СПб и проецируя его на русскую глубинку, я полагаю, что для описания сего зрелища впору будет воскрешать раннего Чехова.

...Моему однокласснику, доньине живущему в райцентре (одном из самых пристойных в Ленобласти), выдалось жениться на поповой дочке. Родственные отношения со старшим поколением не задались: философская несхожесть усугублялась обоюдной склонностью к известного рода напиткам — в полном соответствии с вековыми традициями.

По вступлении в шестой десяток бытия Шурика обуял бес либерализма, да и с недавно усопшим тестем жгло поквитаться вдогонку. Он сотворил обидную для церковников инсталляцию, не пожалев для нее отменной советской мясо-

рубки, послужившей остовом для всяких идейных наворотов. И разместил на подвернувшейся выставке в местном Доме культуры.

Сосед участковый, навестивший выставку по наводке уязвленных прихожан, высказался так:

— Шурик, ты хочешь третьим к Pussy Riot? Так это зря. Если мне скажут тебя оформить, то конкретно пойдешь за развратные действия в отношении несовершеннолетних.

Внушило. Ибо сказано было со знанием дела и не по злобе. Художник изъял крамольный шедевр с экспозиции, вышел на трассу и обменял его у проезжего москвича на две стодолларовки (так прозаично испустило дух диссидентское движение в еще одной русской веси...). После чего кардинально сменил амплуа и пустился сочинять любовные романы, чем немало омрачил и без того безрадужное существование редакторов многих питерских издательств.

Ну а я лишний раз удостоверился в незыблемости уровня правосознания родимой провинции (районный суд в этом городишке без дела не простаивает, о чем тоже из первых рук знаю).

День 13

Впервые в зрелом возрасте встретил день рождения без грамма алкоголя (накануне пришло). Оказалось, ничего унижительного в том нет.

Перезимовали. Многие из нас откровенно притомлены процессом, сюжетных поворотов не ждут. Показателен № 11. Мне:

— И чего вольним? Все же ясно. Не пойму только, что они от трупа не подсутились избавиться. Место глухое (я работаю рядом), там можно и слона незаметно схоронить.

Выдвигаю предположение, кажущееся единственно рациональным:

— Не иначе как бетоном залить замышляли. Хотя ослы, конечно. Случись оттепель, пока в Москву мотались, развонялось бы на весь гектар.

У меня как минимум двое знакомцев в гаражах земной путь завершили. Одному суицид в петле инсценировали, благо гараж был его — и все сошло с рук, а другой и могилу там обрел (по достоверным слухам, проверять которые только последний дурак станет). Когда некие грядущие власти возьмутся за благоустройство страны и поносят гаражи, произойдет множество однообразных находок.

У № 12 кошка умудрилась сломать лапу без посторонней помощи, приземлилась так. Какой-то уникальный по неловкости экземпляр. Слушаем, как глупому зверю рассекали побритую конечность и вставляли штырь. У меня приятель второй месяц живет с таким приспособлением внутри руки, являя наглядный пример превратностей гололеда (прямо у парадной навернулся). Отчасти благодаря этому я перемещаюсь в пространстве осмотрительно, словно хрустальный.

У чернявой этуали, что украшает зал сидючи напротив меня, первый прогул. Коллеги, кстати, просветили, что она не консульская и не правозащитная, а всего-навсего референт адвоката потерпевших.

Сегодня самое тупое и скучное заседание: прокурор зачитывает показания подсудимых, данные ими на предварительном следствии. Чтобы не было совсем

мурно, он пытается поигрывать интонациями, но получается не ярче, чем у присяжных останкинских публицистов.

Как в день задержания, так и на трех последующих допросах (последний из которых аж через восемь месяцев после первого) убийца сообщил следующее.

Материальное положение было полный швах, а тут новый наниматель предложил «завалить барыгу» за 50% выручки. Дважды предложение отвергалось, но потом вспомнено было, что долги одному лишь жилкомхозу приблизились к 7 тыс. долларов, и смычка состоялась. (Ну чем не Борис Годунов, с третьего захода «уговоренный» на царство?) Стали выбирать место акции. Шеф выдвинул на рассмотрение уютную поляну невдали от своего сельского логова, но наш матерый персонаж (прошлый срок он отсидел тоже за убийство) авторитетно постановил, что серьезное дело сподручнее творить в родных гаражных стенах. Оружие и три патрона к нему выдал босс, один патрон потратили на тестирование раритетного ствола.

Далее буднично: заманили, стрельнули. Но не насмерть. И... пустились в дискуссию, кому заканчивать: никто не хотел добивать. Нежной южной натуре оказалась не по плечу такая проза жизни, как смерть, и когда истерика Грузина угрожающе разрослась («планерка» снаружи гаража, раненый валялся внутри) и могла привлечь нежелательное внимание (пятый час дня), относительно хладнокровный славянин взял на себя последний аккорд: зашел в гараж с отвлекающей автоаптечкой, перевернул раненого на живот («чтобы он не пугался в такой скорбный час» — изысканный слог не чужд и мокрушникам в культурной столице!) и шарахнул в левую лопатку. После чего завернул тело в шмат линолеума.

Настало время определяться с судьбой трупа (да-да, только сейчас!). Грузин: давай его в цемент закатаем. Русак: «Ты, дурень, объем работ представляешь?» Решили ничего не решать и расписали первые результаты гешефта в размере 160 тыс. руб. (т. е. под 5 тыс. долларов, как раз перед большим подорожанием иностранных денег дело было). Любопытно обстояли дела с обретенной машиной: русский простец отговаривал связываться (оставь ее, спалимся), кавказский хитрец не внял (не дрейфь, старина, устроим) — и все закончилось быстро и закономерно. В который уж раз видим, что такие ингредиенты, как гонор и алчность, не позволяют составить путевый коктейль.

Это все мы выслушиваем четыре раза кряду (!) — потому как допросов было столько — с ничтожными стилистическими вариациями. И все четыре раза особо подчеркивается, что при даче настоящих показаний присутствовал адвокат имярек (наш славный потный Пончик). Очень постепенно я въезжаю, что весь смысл тягучего действия и состоит сугубо в том, чтобы показать: адвокат сопровождал следствие с самого начала (первый цитируемый допрос проведен в день задержания). И когда (если) подсудимые начнут травить нам излюбленную байду про пыточное следствие — пусть их, так принято, в конце концов. А вот что Пончик-то скажет в оправдание собственных подписей? Как этак срослось, что в день задержания клиент дает стройную версию своего деяния (и придерживается ее не менее восьми месяцев), а адвокат ни сном ни духом не ведает, что тот в считанные часы запытан до злого самоговора? Надо признать, что прокурор в этой стадии весьма техничен, своевременно защите каверзу подстроил. Но профессию свою, мне кажется, не шибко любит (приходится чем-то жить, вот он и промышляет прокурорством).

Заодно нас знакомят с несколькими пустяковыми отрывками из допросов Грузина, так как там тоже есть подписи его адвоката. Весь утренник укладывается в два часа. (Изнурительные, одуряющие два часа сосредоточенного внимания в донельзя спертом воздухе, когда долдонят одно и то же, одно и то же!) В заключение стрелок заявляет о желании задать процедурный вопрос. Отлуп: только без присяжных. Но это не останавливает подсудимого. Судья сильно повышает голос, заглушая произносимое, нас торопливо выпроваживают.

Плеться к выходу, слышу, как идущие позади хохмят, пересмеиваются. Это адвокаты... Впервые вижу на долгоносом табло Марабу улыбку (вместо вечной желчной гримасы). Понять-то мужиков нетрудно: дело изначально тухлое — и кто упрекнет за фиаско? Будут еще дела, будут и успехи. Это у присяжных один случай на жизнь — пускай они душу и вкладывают, а мы себя побережем.

День 14

На крыльце суда плотная толпа молодняка, не сразу и в дверь попадешь. Наверное, какой-то процесс требует общественной поддержки.

Зал полон едва не под завязку. Это тот самый молодняк, что у входа гуртовался. Студенты младших курсов юрфака, на экскурсию пригнаны. Вообще-то, аудитория у нас обычно скудная: неизменный лысый бугай (начальник охраны завода, лишившегося директора) да изредка один или два человека неизвестных.

Прокурор намеревается показать нам видео с допросом Грузина. Однако диск не выдает изображения, почти сразу эвакуируемся на технический перерыв.

Починка не удалась, поэтому смотрим видео с первым допросом убийцы на месте преступления. Видно, как сыщики торопились зафиксировать удачу: утром сцапали волчару, днем на обысках в гараже и дома изъяли труп и вещдоки, а в 20:33 предоставили ему выкладывать всю историю на камеру.

Нельзя не отдать должное качеству работы ментовского оператора: не выпуская из поля зрения дающего показания, он при всяком удобном случае показывает присутствие на месте Пончика. И оперативник складно ведет допрос, почти без заминков и оговорок. Ничего не скажешь, наострились доводить до суда в приличном виде.

Почва колеблется под стороной защиты, они нервничают. Русак делает не санкционированное заявление (под предлогом ответа на вопрос адвоката):

— Господа присяжные! Наполовину было не так. Вы же видите, в каком я был состоянии.

Состояние нормальнее некуда. Судья приказывает ему сидеть (что здесь равнозначно заткнуться).

Марабу решает побузить (этикет уже ни к чему), и они с обвинителем устраивают распрю на тему: сколько раз в один из дней за пять с половиной месяцев до убийства потерпевший и наркоторговая подруга Грузина имели телефонную связь. Оба потрясают своими вариантами распечаток, вместе и поврозь подбегают с ними к судье, часть этих никому не интересных данных секретарь выводит на экраны. И артель присяжных, и юридическое юношество смиренно изнывают в ожидании, когда высокие стороны долаются. Попутно слушаем

обрывки разговора между подсудимыми, забывшими о чуткости микрофонов. Грузин о своей бывшей пассии:

— Кто про нее знает, те ничего не скажут!

Не понять: ободряет товарища или обезнадеживает. Надо полагать, девчуля в бегах, раз нам ее не предъявляют.

Перебранка завершается массовой раздачей «желтых карточек», хотя Марабу очевидно наработал на удаление с последующей дисквалификацией. Допускаю, что присутствие студенток сподвигло его так распоясаться. Позиция в каком-то смысле беспроигрышная: процесс безнадежно прогажен, никто не станет гнать хулигана, дабы не прокручивать по новой уже готовый фарш, вот он и куражится на прощание в стиле «нет у вас методов против Кости Сапрыкина». Всеми фибрами надеюсь, что за кулисами какие-то методы все же есть.

Наташа восхищенно отмечает:

— Как у вас тут тихо... Все другие коллегии галдят на чем свет стоит.

Мы уже привыкли получать комплиментарные отзывы о себе и принимаем их как должное.

День 15

У дверей канцелярии нарастающее многолюдство — созрел новый процесс, грозный пожизненным, и очередные десятки рекрутов прибывают на отправление функций присяжных заседателей. Вззираю на них с пренебрежительным ветеранским превосходством: салаги, еще не нюхали судейского пороха (или чистой серы?). С удовольствием потолкался бы подольше на выставке людей (есть фактурные индивиды), но служебный долг в образе Мироныча трубно зовет наверх — мусолить наше обрыдшее преступление.

Нас покамест трое, и № 14 с № 19 с чего-то вдруг сцепляются в классическом русском споре — столь же жарком, сколь и пустом. Мне еще не доводилось слышать разглагольствования № 19 на общие темы (лишь кучу руководящих указаний в телефон да посапывание за спиной), любопытно, что за птица. Речь развитая, культурная (петербурженка), хотя местами явно назидательная (начальница). Впрочем, оба не врубаются в корень дела, т. е. играл ли Грузин руководящую и направляющую роль. В конце концов дамочка заявляет, что больше всего ей жаль детей убитого (не только за сиротство, но и за неминуемый репутационный урон!), и я теряю к ней всякий интерес: птица сия именуется несущка, навидался. (Ну при чем здесь пресловутые дети, если мы разбираем мокруху в наркосреде?!)

Вязкий диспут переползает на социально-экономическую тематику (буржуазия вживую противостоит наемному труду — и разумеется, она умнее и убедительнее), а народ между тем накапливается. И когда наш идеалистический пупс возглашает несусветную ересь о достижимости социальной гармонии (между трудом и капиталом), пенсионерка № 8 шепчет мне через стол: «Господи, какой наивный!» Мигом отпускаю ей грешок чтения детективов (ведь и сам некогда в «Санта-Барбаре» погряз...) и выставляю плюс за суть, другой плюс за уничтожающую интонацию и третий плюс, что сказано было именно мне.

К вящей радости нашего конца стола кошка № 12 снова передвигается самостоятельно.

Понеслась... Тошнотное перетягивание каната о том, кто кому сколько раз звонил полтора года назад (чепуха: и помнить нельзя, и для дела без толку), обрывается просьбой обвинителя пригласить в зал в качестве свидетеля... Аню с Загребского.

Судья ошарашенно:

— Она в суде?!

А Пончик «вообще чуть не подпрыгнул» (согласно позднему замечанию старшины). Тут немудрено и подпрыгнуть — реально огорошил, прокуратура.

Мы вперяемся в вошедшую, которая анонсирована в показаниях Грузина как демонесса и спусковой механизм всей грязной драмы. Я приучился сперва окидывать взглядом одежду и обувь, а после уж и физиономию, а то спрячется свидетель за трибунку — и останется нам говорящая голова с плечами. По прикиду у гражданки все атрибуты элегантности (но без вызова). Лицо безусловно миловидное, с приятным налетом монголоидности, этого впечатления не могут смазать и две обширные пластырные заплатки (нос и бровь повреждены) — последствия двадцатимесячной давности песьих покусов. Мысленно представляю их вместе с Грузином (наверняка не один я, а и все присяжные дамы). Спору нет, пара колоритная! Она габаритнее по всем параметрам, особенно по росту — наш коварный (по версии обвинения) Грузин своей плешивой макушкой едва достигает носа подружки и оттого выглядит еще плюгавее, чем есть. Подобное в мире насекомых распространено, да у некоторых видов змей встречается. Будучи старше на тринадцать лет, она смотрится ровесницей или чуть моложе. (Брюнетка озабоченно сопоставляется с новоявленной конкуренткой: кто же из них двоих «мисс процесса»? Да, конечно, ты, смуглянка!)

На стартовый вопрос обвинителя, где и при каких обстоятельствах она познакомилась с подсудимым, леди с неподражаемой открытостью отвечает:

— Зашла с ребенком в кафе, там и познакомились.

Уже чертовски мило. А и непросто самоаттестоваться емче. Прокурор глухо крикает и предлагает продолжить «в форме свободного рассказа».

О, вот это-то ей и самое оно! Отставной дроля, как и положено, представит форменным монстром: постоянно лгал, под настроение бил и (после паузы) «а еще он деньги у меня крал». Обыкновенно, в общем, жили.

Приступают к деловым уточнениям. С убитым зналась давно — в одной компании тусили, больше ничего. Она и свела их с Грузином. На все вопросы о наркотиках — круглые глаза: помилуйте, мужчина, не пойму, о чем вы спрашиваете, я девушка приличная и вообще агент по недвижимости, одну из своих квартир даже продать пришлось, чтобы «собрать лицо».

Адвокаты очухиваются и начинают ловить девицу за язык. Это неоднократно удается и ровным счетом ничего не приносит: она преохотно сознается, что запямятовала и перепутала. Хаос тотальный. Точно помнит, что после выписки из больницы уехала в Казань (с прорвой подробностей), а затем в Баку.

— Когда познакомились с водителем сожителя?

— Да вроде еще до Баку.

— А точнее сроки указать не можете?

— А я только так умею помнить.

Вот и извольте работать с подобного сорта публикой... Результатом является целая гирлянда пустышек, вытянутых из Ани одна за другой.

Подключаются подсудимые, и заседание наконец-то начинает зримо походить на стандартные теледейства: несостоявшаяся ячейка общества яро довыясняет отношения, самозабвенно припоминаются взаимные пакости. Судья снимает вопросы Грузина по несколько подряд, предупреждает его о своем праве на рассмотрение дела без подсудимого в случае его некорректного поведения. Марабу возмущен: почему ей можно, а моему подзащитному нельзя? Судья: да никому нельзя, но я же не могу заранее знать, что она, отвечая на конкретный вопрос, станет говорить про постороннее. Все верно: разве что через посредство святого духа можно предугадать, когда баба ни с того ни с сего понесет про свои давние обиды. Справедливости ради отмечу, что пару раз судья резко оборвала и разбитную свидетельницу.

Ситуация тупиковая: добиться чего-либо толкового вероятным не представляется, но и уступить никак — чистый цугцванг. Судья вынуждена пойти на технический тайм-аут, дабы попавшая в засаду сторона защиты могла не торопясь сформулировать мало-мальски осмысленные вопросы.

В нашем отсеке все кипит. Предельно ярко видны расхождения по полам.

Мужикам отвратно виденное (наверное, дома такого в достатке — у кого было, у кого есть), они горюют, что угодили в присяжные. № 11 сокрушается:

— Как дурак попал — штрафа забоялся.

№ 5 блистательно демонстрирует национальную крепость заднего ума:

— Надо было сказатья расистом — и выперли бы сразу на хрен!

Женщины, напротив, купаются в происходящем: свара — их родная стихия.

Они кучкуются по углам двумя стайками и бурно осуждают судью за то, что не позволяет Грузину полномасштабно отчихвостить былую подругу. Я пытаюсь тайком стенографировать, спасая хоть что-то, но успеть за гомоном сразу в пять-семь горл не в моих силах. Да и стесняюсь пока.

Параллельно мужики рассуждают о собаках (какие породы способны так порвать лицо), вспоминают случаи из практики.

Когда возвращаемся, судья, словно спохватившись, обращается к присяжным:

— Мы имеем право исследовать здесь только события, непосредственно связанные с преступлением. Характеристики лиц мы не исследуем. Иначе появятся основания для отмены судебного решения согласно статье 252 УПК.

Как об стену горох ее призывы: Марабу и Грузин стараются ввергнуть заседание в обсуждение истории романа, чему свидетельница ничуть не противится, снимая пенки с гребня своей минутной популярности. Карусель раскручивается заново.

Мобильник прокурора елзот по столу. «Начальство звонит», — как бы никому вполголоса сообщает он. С пьедестала нет реакции. Вскоре просит разрешения выйти. Оставлено без удовлетворения: их начальство здесь не котируется, своего завались.

В постсемейную свалку влезает Русак с нелепыми нападками на Аню. Судья обрывает:

— Вопрос снят! Сами же потом пожалуетесь в Верховный суд, что мы тут невесть чем занимались, там почитают наши протоколы, убедятся, что так и есть, и все отменяют. Свидетель, я запрещаю отвечать на снятые вопросы!

Грузин получает «последнее предупреждение» об угрозе депортации из зала насовсем, прокурору выписано замечание за язвительные реплики, мешавшие

адвокатам задавать вопросы (справедливо). Наконец судья улучшает момент положить конец буйству:

— Поскольку все последние вопросы не относились к существу дела, допрос свидетеля объявляю законченным. Вы свободны.

Последней паре слов, адресованных прима дня, сопутствовал выдох облегчения.

Стороны, однако, плотно вошли в раж и «требуют продолжения банкета». «Я готов работать хоть сутками», — весело извещает прокурор. Раз так — второй антракт на процедурные вопросы.

№ 16 недовольна: не вся подноготная всплыла. Не юридически рассуждаешь, солнце! Мне тоже охота дослушать семейный скандал до конца и без помех (участие в нем женщины гарантирует повышенную выразительность речи), но выступаю адвокатом судьи. Ей важно не расплескать достигнутое. (Разве трудно ее понять? Все равно как я подвернул бы ногу по пути на завершающее заседание.) Запятнать реноме отменой судебного решения на таком сером процессе — кому же надо? И главное — было бы ради чего. Ни правосудие, ни справедливость не выиграют от повторного рассмотрения, если вместо нас посадить другую группу обывателей.

Подводя итоги, надо признать, что по факту прокурор ничего не добился своим ошеломляющим вывертом с выведением на процесс Ани — она не снизила симпатий или сочувствия у присяжных. № 16 резюмирует дамский приговор: «Очень мутная фигура». Курс собственных акций гособвинителя пока стабильно высок. № 8 (как о подающем надежды внуке): «Очень интересно за ним наблюдать». Адвокатов мы согласно отказались принимать за равных существ, хотя, положив руку на сердце, сегодняшний раунд они не проиграли — общественность жалеет безответно оплеванного Грузина.

В зале происходит перепалка, отнюдь не вялая — через дверь кое-что доносится. Однако время к обеду, и, проманежив еще полчаса, нас отпускают с уведомлением о двухнедельном перерыве.

Мируныч митингует на посту у «гардероба»:

— Здоровья вам! Не забудьте про следующее заседание. Мы будем вас очень ждать!

В духе мужик, душевно выделяется.

Меня несколько смущает, что назначенный для слушаний день приходится на конец квартала. Конечно, это совковый атавизм, но ведь судейские из того же прошлого, что и я, — вполне вероятно высокое повеление скомкать процесс, дабы уложиться в некие умозрительные сроки. Интересуюсь у Мируныча, могут ли в один день втиснуть прения, последнее слово и вердикт. Он обнадеживающе ухмыляется:

— Да запросто. У нас все могут.

Придется готовиться, пересдачи здесь не предусмотрены.

* * *

Не надо готовиться: звонок Наташи извещает о переносе заседания из-за болезни адвоката. А вот ехать надо: в кассе привоз cash'a по случаю... конца квартала!

Таким образом касса забралась ко мне в карман на 180 руб. (проезд за свой счет), выдав 5953 руб. 03 коп.

День 16

С годами осознал, что метеозависимость — не выдумка ипохондриков, как подозревают временно здоровые. Две ночи почти без сна из-за какой-то особенно злобной вспышки на Солнце. Как же ты не вовремя, любезное!

Мироныч бурчит по поводу приехавшей телегруппы:

— И чего приперлись зазря? Так им и покажут что-нибудь, кроме оглашения...

Заметив шевеление камеры в мою сторону, наступает квадратным торсом на объектив, руки в боки: «Не снимать присяжных!» Так насадка загроаживает цыплят, расправляя крылья.

Для порядка знакомлюсь со ст. 252 УПК, которой стращала судья в прошлый раз. В ней говорится, что судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и только в пределах обвинения. Профилактическая статья. Беспокоиться, что нарочитое адвокатское хулиганство явится основанием для ее применения, совершенно излишне: не полные же дубы в Верховном суде окопались.

Начальница канцелярии доводит до общего сведения, что заседание сегодня даже не предпоследнее. Открытый ропот, у нас рассчитывали иначе.

№ 4:

— Меня начальство реально прессует!

№ 8 и № 12 оповещают: билеты на поезд взяты, переиграть планы невозможно, есть лишь одна неделя.

№ 5:

— А я отпуск перенес!

Это весьма нехорошо для вердикта (да и тексту не в прибыток), ибо почти неизбежно появление жалкого фармазона № 14 и угрюмца № 15 (единственный, чьего голоса я не слышал) вместо двух достойных женщин. Ясно: единое голосование исключено — с № 14 я не сговорюсь.

№ 8 замечает:

— Все нарядные пришли. По крайней мере, женщины. А оно вон как!

«Долгожданный звон кандалов» (так № 5 прозвал ляг засовов за дверь, прижилось) не приближает начала — в зале происходит привычная конфронтация (судью временами слышно). Нещадно курим.

Старшина (№ 7) тяготится сидением, стоя обнимает свое кресло, барабанит по спинке длинными пальцами. Периодически подходит к двери в зал и подслушивает грызну за ней. Добрячка № 12 предостерегает, что этак легко можно огрести по кумполу. Потешный сюжетец производственной травмы.

№ 8 направляется в санузел, а тут (в 12:38!) — старт. Констатирует: «Вот так всегда!» Мысленно корректирую: «А оно вон как!» Заканчивается безостановочное стоминутное бубнение № 14 за дальним сейфом.

В зале пять зрителей, молодежь (не дочь ли погибшего?).

Смотрим-таки допрос Грузина в день задержания (с выездом в гараж). Пустое, совсем ничего не добавило. Перед показом он спросил у судьи:

— Можно два слова?

— Нет.

Тогда стал читать что-то и ни разу (!) не поднял глаза к экранам. Съемку вел человек в чине капитана — качественно, Марабу часто в кадре.

— У сторон есть еще что-нибудь?

Марабу заводит речь про ружье, судья сразу гасит тему:

— Решили же, что этого не будет.

И вот в 13:09 вознаграждение за долготерпение:

— Судебное следствие закончено.

Потом участливый вопрос: угодно ли вам перекусить или перейдем к приемам сразу? Теменем чувствую согласное кивание верхнего яруса на слово «сразу» — нельзя давать адвокатам увильнуть.

Прокурор вещает с экспертно-свидетельской трибуны (спасибо, что не стал по-голливудски маячить вдоль изгороди). Речуга длится 50 минут (13:18 — 14:08). Четко помня все судебное следствие, не утруждаюсь следить за перепевом прослушанного за последние полгода («в нашем деле избыток доказательств» — это факт), а воображаю себя членом экзаменационной комиссии — смотрю, за что можно снизить оценку.

Оратор он скверный. И голос поставлен, и лексика немудреная, и оборотами не перегружает (худший: «максимально минимизировать ответственность»), но — в паузах исторгает вздохи, подстанывая. Балл долой, конечно.

Букет доказательств перебирает трепетно — не как торгаш, а словно сам собирал. Дело помнит хорошо, поведенческие мотивировки в целом логичны. Мелкие же изъяны таковы.

Русак не избавился от обреза (а легко мог), поскольку вещь хозяйская, свой он выбросил бы. Почему? Свой-то и жалче бывает.

Сомнительный пассаж Грузина, что потерпевший по приезде в гараж первым делом пожелал «сделать дорожку» (нюхнуть «кокса»), якобы доказывает принадлежность 0,78 г кокаина, изъятого на обыске в гараже, Грузину же — больше, дескать, некому. Ни на грош не доказывает. Теоретически равноправно: хоть Грузина наркотик, хоть страховочный ментовский, хоть чей угодно. Борзовато требовать от присяжных, чтобы они на основании такой схоластической конструкции чуваку статью клепали, будь он и трижды подонком. Понятно, что жертву заманили в глухомань на обещание кокаина, однако происхождение единственного вещдока из того, что нам предъявили, однозначно установлено быть не может.

И вторая мотивационная лакуна предательски зияет: длительный (по усредненной оценке подсудимых — до десяти минут) промежуток между выстрелами, хотя на оружие жалоб не поступало. Прокурор выставляет меркантильный аспект как единственный побудительный, но не верится — было что-то и личное. Раненого не пытали, с ним общались бесконтактно. По словам Грузина (из допроса в день задержания, сегодняшнее кино), после первого выстрела Русак торжествующе воскликнул: «Ну что, тепло тебе?!» Само собой, добавочный лирический нюанс был, из-за одного бабла так канителью не убивают. Но он останется за кулисами нашего представления.

Касается обвинитель и загадки, зачем вообще созваны присяжные в столь тусклом деле: подсудимые рассчитывают, что может тупо повезти. С его темпераментом уместнее прямой призыв к нам не оказаться баранами, но держит, держит сам себя за уздечку (в этих-то местах и раздаются пронзительные мычащие вздохи).

Центральную задачу — убедить нас в наличии сговора — прокурор, к его профессиональной чести, не забывает ни на секунду и без упущений перечисля-

ет все крупные нестыковки и противоречия на судебном следствии в сравнении с логичной связностью показаний на предварительном следствии. Особенно обращает внимание на то, что оружие проверяли выстрелом в день убийства, т. е. оружие не стрелка.

Доклад прошел в культурной атмосфере. Судья единожды упреждающе перебила: «Вам следует помнить, что анализ посторонних обстоятельств ставит под угрозу судебное решение». Прокурор ответил успокоительной пантомимой (мол, все тип-топ, фишку рублю), для чего даже в зал вылез. В совокупности он наработал на «удовлетворительно».

С 14:09 до 14:23 трибуну занимает адвокат потерпевших. Этому дорогостоящему лощеному лоботрясу нечего прибавить по сути к складной доказательной постройке прокурора (в чем и признается честно во первых словах), и нам достается четвертьчасовое нечто, равное по осмысленности жеванию соплей. Чтобы говоримое не было вовсе уж порожняком, он с иезуитской вежливостью рассуждает о моральном облике Грузина, явно подзуживая его, и закономерно нарывается на остужающую реплику из клетки. Судья реагирует снисходительно до добродушия.

От безделья наблюдаю за брюнеткой. И не зря: она совсем не любит себя своим хахалем и вряд ли вслушивается в его гладкое пустомельство (полагаю, он должен неплохо петь), но придирчиво разглядывает присяжных, фиксируя нашу мимику, — добросовестная сторожевая сотрудница.

Судья предлагает защите выступать. Марабу вполне готов дать отпор и отповедь, буквально рвется с поводка, но Русак просит перенести их часть прений на следующее заседание, настолько он «в шоке от услышанного». Удовлетворено. Я рад: устроили бы сейчас непотребный сумбур, пусть лучше подготовятся путем, а то очень уж у них позиция хилая.

Шабашим. Общение наперебой. Раскопчегарились и такие замкнутые люди, как № 4 и № 18. Ценного, правда, не родили.

Распускают нас не сразу, судья приходит согласовать сроки дальнейших радений. Начинает утешительно: «Выходим на приговор». (Несносный московский жаргон! Где же спрятаться от тебя?) Поток жалоб на затяжку процесса. Судья согласна на серьезные компромиссы (выпрашиваем второй рабочий день в неделю — подписывается), но спасти № 8 и № 12 для решающего дня практически нереально.

А сзади перешептываются: «Я же говорил, что нас прослушивают!» Современный горожанин подозрительнее битого кота: возник как-то раз триндеж, установлены ли в помещениях присяжных микрофоны (камер не видать), иные верят молве о вездесущности государства.

По выходе ко мне пристраивается № 10 (мы при случае здороваемся за руку, но общаться не приводилось, тем более что он почти все время занят прослушиванием теорий от № 14). Сей улыбчивый господин далеко за сорок излагает мне детали предыдущего убийства, совершенного Русаком (на Интернет ссылается). Бесспорное должностное нарушение, потому безмолвствую. Не то чтобы я настороже (наслышаны про «оперативное сопровождение процесса» посредством подставных присяжных — поди проверь, так ли), а и неинтересно то давнее уже убийство. Если впрямь провокация, то фуфловая, скорее мужик контакт налаживает перед концовкой.

День 17

Езжу в суд на пустой желудок: вдруг чего дефективное слопаешь, лучше потерпеть. Но сегодня день прогнозируется протяженный, адвокаты точно оторвутся со всей дури, голодуха может повредить тонусу. Поэтому плотно завтракаю, отобрав самые безобидные продукты.

Добираюсь не без событий: везшее авто ломается на шоссе, сколько-то времени проходит в ожидании автобуса — слегка нервозном, т. к. должны начать вовремя, процедурной преамбулы не предвижу.

А как раз сегодня-то можно было и не спешить: в питерской военной психушке ночью приключился тройной побег с двойным убийством. Канцелярия объявляет, что вообще не известно, когда наших орлов привезут, поскольку вся городская полиция стоит на ушах. Знакомясь на рассвете с новостями, я не догадался связать события на Суворовском пр. с делами на Бассейной ул. — и напрасно опять не захватил карты.

Новость первая: № 4 выбыл, допрессовало начальство. Глупыш № 14 в игре.

Новость вторая, сокрушающая: следующий вторник (предполагавшийся заключительным) свободен — судья занята на другом процессе. Взрыв: к заявленному выбытию № 8 добавляются исходы № 12 (потрясает билетами) и № 5 — ему пора ехать. Такой потерянной главу канцелярии мы еще не видели — привыкла, что с нами нет забот, не знает, как поступать: остается 14 присяжных голов — опасная грань. Собирает даты отъездов и уходит совещаться с судьей. Не так надо делать. Встревоженный перспективой потери лучших кадров (№ 5 и № 12 — народ надежный), вторгаюсь в ход дела с правильной стороны: провожу опрос о датах приездов, выясняю, что глобальное разгуляево первой половины мая просто-напросто похоронит процесс, и составляю альтернативный (единственно верный) график окончания работ. № 5, страждущий участия в вынесении вердикта, представляет его канцелярии.

И тишина...

Изредка мы клянем предпоследними словами составителей положения о суде присяжных. По всей видимости, эти чиновные головы исходили из того, что сбродная ватага из гражданских лиц изначально склонна к разгильдяйству — поэтому нам полагается быть на месте раньше всех, поэтому ровно в 11:00 нам учиняют переключку, бесцеремонно извлекая присяжную особь из курилки (как меня сегодня), дабы зрительно убедиться, что это не приبلудный самозванец, а именно тот самый родной заседатель. Все наоборот: исполнительнее и пунктуальнее нас во всем огромном здании не сыскать. Многие сердиты на такое отношение к себе.

Стартуем в 12:33. Знаем, что впереди каскад однообразного лобового лгання, все готовы к тесту на терпез.

Почин задает Марабу. Первым делом он справедливо драконит прокурора за его зыбкие психологические доводы о принадлежности оружия. Дозволю себе робчайшую надежду: может быть, хоть под конец перед нами предстанет более или менее человекообразный адвокат? Ведь в позиции обвинения довольно уязвимых пунктов, есть чего покровсать. Расслабься, дружок (себе же): этот аутсайдер адвокатского сословия способен лишь на сказку про белого

бычка, обильно приправленную всякими левыми сюжетами, что вызывает частые стычки с судьей. Нам всерьез предлагается усвоить, что его подзащитный «продавал автомобиль не из корысти, а чтобы избавиться от улики». От какой такой улики, дядя? Ты же просишь оправдательного вердикта по всем пунктам обвинения (убийство, разбой, оружие, наркота)! Господин адвокат или думает о чем-то далеком от дела, или не в состоянии составить логическую цепочку из двух звеньев. Заключается выступление головокругительным построением (не успел записать витиеватую фразу для закавычивания, но за смысл ручаюсь): потерпевший — крайне плохой человек, поэтому прошу снисхождения в признаваемом покушении на кражу его автомобиля. Помимо собственно рекомендуемой нам эксцентричной методологии принятия решения, примечательно то, что обвинение и не заикалось о какой бы то ни было краже — и, соответственно, в вопросном листе ничего похожего обнаружить не удастся.

Все это не коротко высказано, проникновенный монолог (в основном о гнусной роли наркодилеров в современном обществе) длится с 12:37 до 13:04. (Поначалу мы гадали: неужели у нас такие дремучие рыла, что возникает соблазн заправлять подобную ерунду? Но давно уж бросили: несите что угодно, лишь бы финиш поскорее.)

Грузин получает свою законную долю участия в прениях и занимает время с 13:05 до 13:38. С претензиями на актерское мастерство озвучивает изготовленную Марабу шпаргалку. Допустить не могу, чтобы инокультурный человек по собственному импульсу нашипиговал речь русскими канцеляризмами самого дешевого пошиба, как то: «не лишним будет заметить», «не получил освещения факт», «в связи с чем состав преступления отсутствует», «при объективном подходе это достаточно жесткое противоречие» и так далее до бесконечности (я треть страницы измарал убористым стенографированием дурных оборотов). Вообще-то, слушать эту мелодекламацию отчасти занятно. Неплох, например, увенчанный грандиозной паузой риторический вопрос с акцентированием акцента и вздыманием свободной от свитка длани: «Как следствию удалось установить наличие умысла только на отдельный документ?!» (Следствие в такого рода фантазерстве не замечено, оно разбой шьет, но ничего — мели, Емеля.)

Однако на едином дыхании (как замыслено) прочесть это пламенное послание алчущей справедливости души Грузин не может — дурачина Марабу натолкнул туда горы боковой лирики, и когда начинается очередной сеанс скулежа про роковую наркоторговку Аню, изломавшую вдребезги судьбу честного трудового мигранта, судья невозмутимо приказывает вернуться к существу дела. Без бумажки наш герой беспомощен, как позднесоветский оратор, попытки аварийной самоцензуры напоминают судороги («убийство имело свое место») — не фильтруется чужой живой текст. И Грузин заканчивает тем, что только сумку убитого взял («самому невдомек зачем»), а ни в каких преступлениях не замешан. Твое дело, касатик, покаяния из тебя никто вроде и не норовил извлечь.

Смотрю, как распинается за стеклом сей неумелый лицедей, и подыскиваю общедоступную реминисценцию. Пожалуй, подойдет официальная позиция Японской империи (да только ли официальная?). В течение полувека (с нападения на Китай в 1894 г.) это государство демонстрировало сочетание целеустремленности, последовательности и цинизма во внешней экспансии, уникальное даже для того времени почти всеобщего оподления. Одна удача спешила

сменить другую, но воздаяние все же настигло хищника. Что делать — хоть на персональном уровне, хоть на уровне этноса — после масштабного краха попыток воплощения сокровенных чаяний? Нравственно и плодотворно — переосмысливать собственное поведение и былые взгляды на свое место в мире. Такое проделали многие, но такого безнадежно ожидать от наших восточных соседей: они охотно признают промашки в поступках и никогда — неправоту устремлений. Раскаяние для них — недоступная этическая категория. Заслуженно проиграв в самими же навязанной борьбе по беспределу, они выставляют себя жертвой обстоятельств, несправедливо обиженными (Хиросима) и беспричинно ограбленными (Курилы), и смехотворно домогаются извинений и компенсаций.

Наша миниатюрная Япония в аквариуме — славная карикатура на большую, настоящую: горной рекой льются взволнованные, подчас слезливые стенания о том, какой пройдохой оказалась подруженька, каким низким человеком проявил себя потерпевший, как вероломно подставил его поделщик. Легко допускаю, что по ограниченности духовного кругозора он и впрямь видится себе безвинным страдальцем.

Я не желаю этому человеку ни зла, ни добра. И мне абсолютно безразлично, сколько судья впаяет ему за все его гадкие проделки. Я лишь разглядываю современника-полуоотечественника, определенно избравшего аморализм путеводной звездой. И не берусь положительно ответить на вопрос: а из меньшинства ли он?

Судья дает нам перерыв, но отдыха нет и в курительной камерке — лавина маразма набрала ход. Вошедший в полноправие № 14 выплескивает на нас ушат своих соображений: убийство явно заказное, за бестолковыми действиями подсудимых определенно скрывается кто-то третий («Так и чувствуется его присутствие!») и вообще надо бы проверить фирму потерпевшего «на уровень коррупции». Про шкафоподобного эмиссара корпорации:

— Лысый в зале мониторинг, чтобы про их фирму лишнего не сказали. Прокурор его боится. Я бы его удалил.

Не стоило бы и внимания (плановая доза дури), но адекватные прежде № 11 и № 16 вовлекаются в обсуждение запущенной брехни, повергая меня в расстройство. Между тем № 14 жалуется, что вообще не представляет, как может проголосовать за виновность, если не был очевидцем инкриминируемого деяния, ибо все доказательства кажутся ему (специалисту по эконометрике, работающему исключительно с цифрами) косвенными и сомнительными. Не справляюсь с молчанием:

— Иван Борисович! Цифири здесь не канают. У вас два пути: или разработать для себя хоть какие-то критерии достоверности доказательств, или вспомнить, что дезертировать еще не поздно.

Обращение по имени и отчеству производит мощное впечатление на присутствующих, такого меж нами доселе не было. Я припас этот козырь на последний день, чтобы растормошить или осадить (при нужде) кого-либо из чопорных коллег: не лениво было разучить полные реквизиты всех, кроме Фрумкина (у него такое заковыристое отчество, что челюсть своротить; опытные канцелярские дамы на каждом выкрикании запинаются, хотя для них напечатано). И вот не сдержался, сбросил на нервной почве ради секундного эффекта: № 14 растерянно моргает, № 5 удовлетворенно кивает.

Наш птичий базар прерывается секретарским кличем из зала заседаний — пора отслушать остальных членов драмкружка.

Русак не добавляет ни капли новизны. Загробным, исполненным таинственности голосом он обращается к нам так, будто мы с ним входим в единый круг посвященных:

— Уважаемые господа присяжные! Мне запрещено говорить, как мои показания были получены. Вы сами видели, в каком я был состоянии.

И в течение тридцати минут монотонно зачитывает прежнюю бредятину, слово в слово. В который раз я это слышу — в пятый? в седьмой? Короче, разбой не признает категорически — ведь телефон убитого ему хозяин подарил, с него и спрос.

Пончик сравнительно лаконичен (14:34 — 14:50), говорит вкрадчиво. Предварительно согласовав с напарником приоритеты защиты (упор сделан на контратаку), он, похоже, не в состоянии покинуть облюбованную колею и остервенело топчет убитого: его подзащитный, оказывается, «проявил акт самосуда» в отношении распространителя наркотической заразы. Да, именно так о совершенном действии — «проявил акт». И не в полемическом запале это было сказано, а в заготовленной важнейшей речи. Многие присяжные были шокированы косноязычием защитников на ранних стадиях процесса, но теперь уже никто из нас не ставит их по речевым способностям выше мэра уральского захолустья. Заурядное жлобье, отнюдь не цвет образованного слоя, как принято считать в соответствии с расхожим заблуждением о месте интеллигенции в обществе.

Когда Пончик пытается углубиться в детальное обсуждение личных качеств потерпевшего, судья укоризненно останавливает:

— Уважаемый адвокат! Ну не мытьем, так катаньем?.. Вы же юрист как-никак.

В контексте ситуации замечание верное. А вот за отношение к мертвым вообще нельзя не похвалить юриспруденцию. Суд — самое доступное простому человеку место, где о них можно свободно говорить и слышать все, в т. ч. и правду. Утвердившиеся нормы поведения не позволяют иметь то же в повседневности: даже уверенно зная, что тот или иной покойный был отпетым прохвостом, мы обязаны безвозразительно выслушивать домыслы о его добродетелях (общеизвестного мертвеца хоть в Интернете напоследок оболютят, особы попроще защищены от вербальных оценок негласным табу восторжествовавшей агрессивной сусальности). Это воистину забавно: госучреждение (суд) как оазис свободы слова в России.

И все же этому «как-никак» юристу удастся найти относительно свежий лейтмотив: раз все было сделано до такой степени бездарно (с трупом, обрезом и продажей авто), то и умысла не было, при умысле, дескать, все по уму организовали бы.

Это не нулевой аргумент, в кулуарах он имеет хождение. Добросовестно ставя себя на место преступников, мои здравомыслящие товарищи всякий раз впадают в ступор, будучи не в силах уложить в головы, как могут совмещаться рискованность предприятия и столь поразительная беззаботность при его осуществлении, что-то тут не то. Да все то, говорю я им при удобном случае, непротиворечивая версия на поверхности: наши подсудимые суть обнаглевшие болваны, ничего более. Сильно искушение привести авторские слова из «Братьев

Карамазовых»: «В большинстве случаев люди, даже злодеи, гораздо наивнее и простодушнее, чем мы вообще о них заключаем. Да и мы сами тоже». Но опасение, что привлечение русской классики будет воспринято как понты очкарика и, соответственно, пойдет во вред делу, останавливает — ограничиваюсь самой что ни на есть бесхитростной лексикой (в пандан собеседникам).

В 14:48 бренчит телефон. Разиней неожиданно оказывается образцово добропорядочный Фрумкин. Звонок как будто подсобляет Пончику сойти с орбиты холостого словоизвержения, он сворачивает выступление жалостливым пожеланием:

— Моего подзащитного прошу не простить, но понять.

На очереди элемент обязательной программы под названием «Реплики стон». Прокурор слишком долго молчал, это ему поперек. Он облюбил тему тестирования оружия перед боевым применением, заливается канарейкой. Марабу вскакивает с претензией, что реплика чересчур длинная, судья приземляет его. Но «реплика», действительно, могучая — 29 минут! Это задает тон второму туру: адвокат потерпевших переливает из пустого в порожнее 15 минут, Грузин легко перекрывает его, выдав на-гора 26 минут отборного резонерства о превратностях судьбы. Оставляю записи: те же инсинуации, те же разоблачения чужих инсинуаций. Частые пререкания — участникам прений мнится, что они уронят себя при присяжных, не отгавкнувшись.

Некуда ронять. Вот ординарный эпизод. Обвинитель, дважды проигнорировавший замечания судьи, третье получает в такой форме:

— Прокурор, перестаньте пререкаться с подсудимым и сядьте к нему спиной.

Как в школе, недостает лишь пригрозить вызовом родителей. В обычном социуме это выглядело бы дикостью, но здесь не выделяется. И мы настолько адаптировались к допустимости отвязного поведения в искаженном мире правосудия, что и не улыбаемся.

Один перл все же признаю достойным бумаги. Русак разъясняет причину хмельных посиделок после акции:

— Может, у них в Москве в клуб идут, когда человека убивают, а у нас на Руси выпивают. Как-то так у нас стресс снимают.

Мнение авторитетное, ему не впервой человека ухайдокать. А что Москву походя лягнул, так совсем наш. Где еще встретите такое диво, чтобы по части устной речи подсудимые на голову превосходили своих адвокатов — хоть тебе в образности (Русак), хоть тебе в связности (Грузин)? Добро пожаловать в СПб — располагаем!

Уму непостижимо, чему стороны посвящают последние минуты своего участия в процессе: происходит обмен ехидными выпадами о правомерности оценки рыночной стоимости похищенного автомобиля в более чем миллион рублей! Посмотришь на них — образованные русские мужчины, чуждые ручного труда, а как рты поразевают...

Даже сельской стражнице ясно как день, что судья не станет назначать повторную экспертизу и не позволит присяжным касаться данного вопроса — не наша компетенция (хотя автолюбителей хватает, о ценниках и технических подробностях толкуют азартно). Она достает гаджет и удаляется от земной тоски в виртуальный мир какой-то игры. Взор напарника-прапорщика исполнен зависти.

Прощальный клекот наших юридических птах пустейший, чего не скажешь о затронутой тематике. Экспертиза в современном отечественном уголовном правосудии не столько часть инструментария, сколько проблема, невскрытый-ся нарыв. Само собой, без нее не обойтись, когда дело касается устоявшихся специальных знаний, — техническая, химическая, медицинская, почерковедческая и т. п. Но в нашей стране в настоящее время постыдно подсудны выражение и распространение мнений — и ядоносными борщевиками процветают экспертиза на содержание экстремизма и лингвистическая экспертиза (не та, что для атрибуции художественного текста, а ее проституированный двойник). Они — клеенчатый фартук ката на белоснежных (по замыслу) судебных ризах, они — тот самый кистень, о котором говорил Шарапов. Никогда не в затруднение выбрать «эксперта» с «заряженной» точкой зрения (а кто или что может сегодня стеснить судью в выборе эксперта?), никогда судья не замаран лично расправой с инакомыслием (это эксперт определил наличие состава преступления, я не при делах). Злонамеренный человек, давший положительное заключение по идеологизированной статье, неуязвим для закона, хотя существует полумертвая ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод» (да круче: в России эксперт непогрешим, как римский папик). Ибо чем же можно доказать ложность гуманитарной экспертизы, которая по своей сути есть оценочное суждение? Только другой такой же «экспертизой», т. е. ничем. (Соревнования экспертиз российский суд предусмотрительно не знает.)

Прения объявляются закрытыми в 16:22. Судья предлагает сразу же перейти к рубрике «Последнее слово». Русак упирается: не готов, дайте время обдумать в узилище. Судья (устало):

— Ну что вы нам нового сможете рассказать?

Русак держит марку, здоровье, видать, лошадиное:

— О, я вам столько расскажу! Все мотивы, все детали. Всю правду узнаете.

Судья испытующе глядит на него поверх очков и находит силы на юмор:

— Подсудимый, вы меня пугаете.

Но тут влезает Марабу с враньем о плохом самочувствии его подзащитного, и лавочка неизбежно закрывается. Покидаем зал порядком измочаленными, но с облегчающим чувством выполненного бессмысленного долга. Для кого процесс состязательный, а для кого — истязательный.

А ведь не сказать, что совсем без успеха месили адвокаты означенную выше глину. Некоторые из моих соратников сбиты с толку отталкивающим образом погибшего и расходуют умственные и душевные усилия на осмысление различных аспектов житейской истории, а не на тщательное взвешивание представленных доказательств. Любопытно, скольким из нас в итоге ввинтят в мозги потребный защите угол зрения. Горестно раздумываю: нешто мне придется исполнять обязанности судьи, отсекая левый треп? Не хочу.

Объявляют расписание: предложенный мною график принят. И только в этот момент до меня доходит: как раз эти-то дни мне и были нужны как ни какие другие за все полгода. Я так безоглядно врос в процесс, что в прямом смысле слова позабыл обо всем и в результате сделал хакарири ценному отрезку своей жизни. «Раньше думай о Родине, а потом о себе!»? Невозможно было поверить, что пошлый совковый императив когда-нибудь распространится и на

собственный поступок. Убит напрочь: выбывающая № 8 обращается к нам с прощальным наказом — и не вникаю в смысл слов.

Сомнамбулой бреду по Бассейной. Вечером не избежать лжи, отказываясь от лестного приглашения, в котором заинтересован больше, нежели пригласившие. И апеллировать не к кому, когда сам дурак.

Погода издевательски чудесная.

День 18

Как природная, так и ситуационно запрограммированная созерцательность стала изменять мне: всей душой увяз в треклятом процессе — несколько дней мысленно продолжал дебаты с коллегами и выдумывал сценарии решающих прений. Избавление от наваждения не обошлось без усилий.

Аудитория не блещет изобилием — послушать последние слова наших татей явились шестеро зрителей.

Первый — Грузин (по бумажке, разумеется). Ни одной свежинки он не предлагает, существа деяния почти не касается. Те же разглагольствования о «заказном характере дела» из-за его резонансности (задета репутация могущественной фирмы), те же нападки на убитого (из которого якобы лепят «добродетельного мученика»). Внушение от судьи получает через три минуты, все слово укладывается в девять минут (12:06 — 12:15).

Русак начинает пафосно:

— В суды в нашей стране мало кто верит, единственная надежда — на вас.

Но тут же заводит осточертевшую шарманку о побочных предметах, предупреждение от судьи следует спустя шесть минут. И очень кстати: отложив чужеродный текст, варнак высказывается от себя — и местами получается удачно, моя авторучка не простаивает. «По закону Конституции Российской Федерации», «сильные душевные волнения захлестнули мой рассудок» и, наконец, жемчужина: «Главенствующая запретила мне...» — о председательствующей! «Почему не прибрал труп? Потому что собирался все рассказать. У каждого должна быть могила. Но не знал, как пойти в полицию». «Очень люблю жену, дом, дачу, природу, Родину и жизнь». Итого: воротившись к тексту, просит квалифицировать содеянное как «убийство в состоянии сильного душевного волнения, спровоцированного потерпевшим». Весь номер, пригодный для фестиваля устного народного творчества, исполняется за 25 минут (12:15 — 12:40).

На этом программа дня исчерпана. Экстракт от № 16:

— Такой же прогон, блин!

День 19

Последний день моего участия в процессе, день, ради которого все и затевалось, мог обернуться конфузом из-за мертвой пробки на выезде из пригорода на главное шоссе страны. Но выехал с двойным запасом времени, чтобы хватило на спокойную поклейку билетов для бухгалтерии, и везде успел.

На определяющее заседание наша берлога дооборудована микроволновкой и вешалкой для одежды — никто же не ведает, сколько предстоит мариноваться в поисках решения, а у гардеробщиц трудовой день нормированный.

Сдаем телефоны (их запирают в сейф). Выясняется: без телефонов многим нечем заняться! Разражаются получасовые жаркие прения об абстрактном: № 9 и № 18 честят № 14 на чем свет стоит (очная проповедь либерализма не бесплатна).

— Я поняла твою парадигму! — разоблачающе восклицает № 18. Фраза дня.

Заклеванный ортодокс извещает общество о выходе из коллегии, конвульсивно хватая лист для отказного заявления и... ничего не пишет.

Стихает, лишь у № 5 плодятся метафоры:

— Как на карантине сидим.

Час говеем в безмолвии. В половине второго пузырь лопается — общий гомон. Обсуждаются болезни, футбол, бытовые случаи, трудовые отношения (кое-где с матерными лексемами, и не только от джентльменов — нервишки).

В 13:57 канцелярия виновато сообщает, что сторонам не удалось сформулировать вопросный лист. Мы обескуражены так, что дальше некуда («А после прошлого короткого заседания не доперли все перетереть?!»), только наша старейшина № 9 изрекает снисходительно, что ничего иного от родимого суда и не ожидала.

Согласовываем дату следующего рабочего дня. Завтра не могут трое, послезавтра — один (№ 5). Канцелярия небрежно отмечает его мольбы: «Запасных уже достаточно». Теперь, когда мы нужны на раз, церемонии ужаты — частные проблемы человека, стремящегося доиграть партию до конца, не будут приняты в расчет. В сочетании с трогательной заботой о нашем обиходе — совершенно в национальном духе.

Незнакомая колобкообразная приставша выгоняет. «А телефоны?» — «Внизу получите». Послушно спускаемся, поведясь на явный бред, но старшина отказывается подчиняться властям и остается стеречь сейф. Корю себя, что не проявил солидарность, тем более что под шумную пикировку приставов с канцелярией (все взвинчены) вновь поднимаемся к себе. По пути попадается секретарь суда в костюме и алом галстуке (всегда раньше — по-домашнему). Значит, они действительно собирались добывать проект сегодня, да сорвалось.

Завершение процесса все более походит на концовку баскетбольного матча, когда секунды растягиваются в минуты. Но вообще-то правильно, что защита сопротивляется на последнем рубеже, полотенце на ринге не сошло бы за приемлемый выход.

День 20

По моим подсчетам, это уже пятый день, претендующий (согласно пророчествам судейских) на звание последнего. Нас так психологически поддерживают, как бегущего ослика морковкой перед мордой.

Начинается он, естественно, в глухом служебном помещении (где анкеты заполняли семь месяцев назад) с изготовления оправдательных документов на понесенные транспортные издержки. № 14 принадлежит к порочной породе людей, которых хуже прочего допекает сам факт тишины, он подстрекает слушающих к болтовне:

— Теперь вам полегчает, присяжных в райсуды введут.

Канцелярская дама отрезает столь же безапелляционно, сколь и справедливо:

— Это невозможно. — И, воздев перст вертикально, присуждает кремлевским выдумщикам: — Там рассуждают без понятия о деле.

Немного погодя отпускает вскользь, как бы никому:

— Как угодно, но надо заканчивать сегодня — за смету выходим.

По таким мелочам узнаешь свою страну вернее, чем по известным броским приметам.

Вся орда (15 осталось) в сборе, кворум обеспечен. Переключаемся в режим ожидания.

В курилке. № 5:

— Иван Борисович спокоен еще?

№ 11:

— Нормально пока. Про распад Советского Союза толкует.

Запускают скоро. В зале не менее двух представителей пишущей прессы (толстенный столб застит вид и не позволяет мне пересчитать всю публику).

Напутственное слово судьи — часть неперменного ритуала, но далеко не формальность. Наша «главенствующая» дотошно перечисляет узловые моменты процесса, зачитывает циклопический вопросный лист (двадцать одна позиция!), подробно разъясняет регламент работы тех двенадцати, что будут заперты. Это не коротко, 113 минут занимает (акkurat полновесный футбольный матч с перерывом), но я ни на миг не теряю концентрацию, что вовсе не так просто, как может показаться. В 13:33 судья оглашает сроки: в случае отсутствия единодушного решения мы имеем право приступить к голосованию не раньше, чем в 16:34.

Резервная троица остается куковать в зале, рабочую дюжину Мироныч незамедлительно замыкает. (Любопытно: при возгорании в нашей резервации за которой из инструкций закреплено старшинство — противопожарной или по сохранению тайны комнаты присяжных?)

По плану я должен быть малозаметен, в идеале — вообще не проявляться, но дело оборачивается таким образом, что сразу же становлюсь центральной фигурой прений. В силу этого нет ни малейшего шанса соблюсти чистоту дневника — фиксации примечательных событий в строго хронологической последовательности с добавлением попутных личных ассоциаций. С настоящего момента вынужден перейти в жанровый гибрид рапорта, очерка и объяснительной записки.

Если не считать наркотической тематики, то единственной прорехой в обвинении являлось предъявление Грузину незаконного хранения оружия. Оно базировалось на одном вразумительном доказательстве (отвлеченные выкладки прокурора отбрасываю) — показаниях на камеру Русака в день задержания, что он получил обрез от хозяина непосредственно перед совершением преступления. Доказательство обратного — дружное отрицание обоими подсудимыми этой версии в ходе судебного следствия. Больше — ровным счетом ничего. Т. е. налицо классическое неустрашимое противоречие (легальный юридический термин), каковое судья в напутственном слове требовала трактовать в пользу обвиняемых. Но это легко сказать, а как воплотить?

Вопросы навороченные — и на треть, и на половину страницы. Главные начинаются с «Доказано ли, что...» — и далее следует массив текста из обвинительного заключения, куда впихнуто множество разнородных утверждений. Отвечать можно «да», «нет» и «доказано, кроме...», для чего специально оставлены чистые места в вопросном листе. Вопросы второстепенные выглядят так: если доказано (ссылка на предыдущий вопрос), то заслуживает ли совершитель деяния снисхождения? Варианты ответа: «да», «нет» и «без ответа». Все это разжевывалось судьей с идеальной внятностью.

Но когда я стал давать ответы в строгом соответствии с полученной инструкцией, выяснилось невероятное: напутственное слово слушал я один-единственный, а все остальные пропустили его мимо ушей и искренне полагали, что вариантов ответа только два — положительный и отрицательный! К чему угодно можно быть готовым, но не к такому. (Мораль: к вопросному листу непременно должна прилагаться методичка по работе с ним. Требовать от обыкновенных людей четкого усвоения с голоса незнакомого технологического процесса — явный просчет системы. Для полноты картины поставим на наше место грядущих присяжных какого-нибудь удмуртского райцентра.)

Беседа приняла оживленный характер. Фрумкин (с возмущенной гримасой):

— Вы это из самолюбия делаете?

Так важно молчал полгода и таким пустяковым человеком оказался...

№ 10:

— Зачем вы вносите сомнения?!

Эти и похожие личные нападки я оставлял без реакции. А действительно досадно было, что активнее прочих меня когтили те (№ 5 и № 12), для кого пыхтел с графиком и пожертвовал значащим куском своей частной жизни. (Помнится, блеснуло фоном: «Смог ли бы теперь описать их без захлестывающего раздражения? Счастье, что вел подробный дневник, все бывшее добродушие уже вколочено в бумагу».)

Не без труда, но настоял сперва пробежаться по всему списку вопросов, дабы выявить пункты разногласий. Когда добрались до того, заслуживает ли снисхождения оправданный по наркоте Грузин (без дискуссии, до того вздорное обвинение), на милом лице старшины (ей же заполнять) проступило обнадеживающее сомнение: эта разумная девушка начала подозревать вероятность моей правоты. Мы вместе с ней сварганили цидулку судьье с запросом. Я не удержался и громогласно предсказал содержание ответа. Когда он прозвучал, некоторые смотрели на меня как на злого волшебника. (О неблагодарные! Ведь в противном случае мы довели бы судебное присутствие до истеричного хохота, полностью оправдав расчеты адвокатов на неодолимый кретинизм набранных с улицы граждан, и после нотации были бы с позором прогнаны обратно.)

Здесь воротиться бы к содержательным прениям, но нет: мое упование, что коллеги хотя бы согласятся выслушать иную точку зрения и добросовестно сопоставить ее со своей, оказалось необоснованным — плюрализм по-прежнему не в чести в нашем самоуверенном обществе. Пресерьезно выставляется аргумент: зачем терять еще час, когда все ясно? Этой мрачной чушью отличился Фрумкин, но вовсе не частным надо считать его мнение — не менее половины

коллектива солидаризировались мимически. (Стоило ли полгода терпеть, чтобы теперь выгадывать час?)

Пытливо размышлял после: я ошибался в них всех, заноса десятки благожелательных строк в дневник? Нет. И не могу судить их строго, хотя, конечно, перенадеялся на ниспосланных товарищей. Люди столь долго находились в непривычном состоянии поднадзорных (вплоть до мелочной регламентации), что возвращенная возможность хоть сколько-то влиять на свою судьбу натурально парализовала их здравомыслие. В это нельзя было поверить, не увидев: одиннадцать петербуржцев — взрослых, вменяемых, социально полноценных — не в состоянии уяснить смысл простейшей логической связки, начинающейся с «если», каковую они же регулярно используют в быту. (Выгодных сравнений тут не сыскать, поэтому такое. В детстве я имел в приятелях соседского легавого кобеля, коротавшего век на цепи. Пару раз в месяц хозяин позволял ему размяться для сохранения ловчих кондиций, предварительно уведомив окружающих, чтобы изъяли со двора мелких детей и хрупкое имущество. От свободы у добрейшего пса наступала временная потеря адекватности — он превращался в подобие торпеды с отказавшим гироскопом.)

Развязка коллизии наступила при рассмотрении вопроса № 18. Суть его формулировки такова: доказано ли, что Русак, получив обрез от Грузина, хранил его и т. д.? Это шулерская постановка вопроса, обусловленная слабостью позиции обвинения: она рассчитана на то, что присяжные, уже давшие отрицательный ответ (что я сделал с чистой совестью) на «оружейный» вопрос относительно Грузина (доказано ли, что... в неустановленное время... приобрел у неустановленного лица... — галиматья), принуждаются или громоздить частичный отказ письменно (а кому охота?), или пересмотреть предыдущий вариант ответа во избежание противоречий.

Но хуже: нет варианта этого вопроса со стороны защиты (Марабу, балбес, ты обязан был это сделать!).

Бытует — среди прочих — наивное представление об уголовном процессе, будто государство в лице обвинителя ориентировано на установление истины, а адвокаты всячески ее затемняют. Наш вопросный лист — надежная иллюстрация обратного: нисколько не озабочен прокурор истиной, перед ним более локальные задачи, для решения коих привлекается известная изобретательность. Впрочем, много ее не потребовалось — товарищ подполковник провел испонтованных стряпчих на мякине.

Противостоять в одиночку одиннадцати присяжным еще можно, но когда к ним добавляется адвокатское раздолбайство — уместна ли дальнейшая борьба? Раз уж вы — обвиняемые и защитники — допускаете безальтернативные вопросные сплотки такого рода, то вам вообще никто ничего не должен в земном суде. И я жестом попросил старшину убрать все неединодушные из черновика. Езжай, Грузинушка, париться с тремя статьями вместо двух.

Полагаю, что поступил правильно. Если бы хоть на чуть-чуть утягощало участь обвиняемого наше неверное решение — уперся бы рогом: легко (и бестрепетно) мог промурыжить всю компанию еще два часа, мог пойти на скандал путем прямой апелляции к судье (держал в голове) — но зачем? Ведь все знаем, что к убийству с разбоем хранение оружия по сроку ничего не добавляет, для проформы эта статья пристегивается. Кроме того, изначальная

принадлежность обреза Грузину представляется более правдоподобной, нежели обратное.

Так для чего же тогда была вся буча — не зря ли? Отнюдь и отнюдь! Я уродовался ради перспективы. Безошибочно можно представить, как наш не чуждый нарциссизма прокурор самодовольно докладывает начальству или бахвалится на семинаре по обмену опытом: присяжный пипл славно хавает первичные показания с видео, их довольно для нужного вердикта. И соответствующая напористая устремленность всех звеньев следственного аппарата (с опорой на опыт нашей поблажки) вполне может повести к искажению истины, к грубой судебной ошибке, к умышленной несправедливости — в действительно сложных случаях, разумеется, а не в безынтрижных делишках под статью нашему.

Сколь мог, я пытался донести этот взгляд до коллег, да многого ли добьешься, когда тебя тут же глушат минимум в две глотки? И потому с тяжелым осадком покинул столь увлекательно шедший суд: безупречно исполнив основные обязанности (не пойдя на поводу у обвиняемых прохиндеев и отказав им в снисхождении по всем пунктам), мы сделали меньше, чем были в силах, а именно — не выказали кругозора.

Гораздо больше времени отняло описание мельтешения наших слов, мыслей и ощущений, чем вынесение вердикта: роды судьбоносного решения уложились в 74 минуты — уже в 14:47 стороживший нас Мироныч был извещен о готовности плода.

Возвращаюсь в дневник.

Ждем последнего вызова в зал (собирают разбредшихся участников процесса). Старшина проглядывает выстраданный документ и не без горечи отмечает обилие дееспричастных оборотов в вопросах по уголовному делу. Заявка на присутствие вкуса. Передавая вопросный лист судье, указывает, что номер уголовного дела в нем отличен от значащегося на наших нагрудных бирках. Судья сражена такой наблюдательностью, успокаивает: с нового года нумерация сменилась.

Зачтение старшиной ответов проходит почти безэмоционально. Лишь прокурор, ставя галочки в своем листе, едва удерживается (судья по игре мускулов) от того, чтобы заурчать вслух. Чувства понятные, объегорил дуремаров.

Скапливаемся в курилке вместе с запасными (типа «последний звонок»). № 16 не скрывает удовлетворения — все ее представления совпали с нашим голосованием. Уточняет:

- Сразу согласились?
- Нет.
- Кого гасили?

Поднимаю руку. Не ожидала...

Сдаем черновики (на немедленное уничтожение) и удостоверения бывшего уже статуса. Наконец заходит судья. Она недалеко от эйфории:

- Ну вы мощные ребята!

Восторгается нами, поскольку, во-первых, изрядно опасалась, что не прибудем Грузину обреза (было чего опасаться!), а во-вторых, мы, оказывается, первая в ее карьере коллегия, сработавшая единодушно и вдобавок досрочно (дурацкое дело не хитрое).

Подходя по-писательски, я обязан расспросить, зачем ей-то надобен оружейный прицеп для приговора Грузину, но не получается: каждый новый комплимент рвет душу.

Шлепаю в кассу, позволяя всем торопыгам обгонять. Народ все же догадывается пропустить вне очереди прискакавшую с ликвидации черновииков старшину — она более всех потрудила. Располагаюсь замыкающим с умыслом: нам что-то бормотали про тайну комнаты присяжных, надо уточнить не на ходу.

Интересуюсь как бы невзначай: из каких, собственно, соображений должна соблюдаться тайна, коли решение в итоге вылупилось единодушным? Мироныч, все еще присматривающий за нами, влезает в тему на моей стороне: действительно, а в чем тайна-то, когда пострадавших от разглашения теоретически быть не может? Документальных разъяснений на этот счет, по всей видимости, нет, потому средняя канцелярская дама выдает с металлической непреклонностью:

— Так положено.

Касса отоваривает меня суммой 5600 руб. 00 коп. Итого на мои услуги бюджет потратил 16 377 руб. 61 коп. — чуть менее двух с половиной сотен долларов.

Неожиданно Мироныч прощается со мной крепким рукопожатием и чередой теплых пожеланий — видать, он тоже прикипел к нашей культурной и дисциплинированной команде.

Прощальное дефиле по Бассейной, мысли о минувшем. Обобщений на основе нашего второсортного процесса, понятно, не наделаешь, но кое-что.

Питерский горсуд оставил впечатление вполне дееспособного учреждения — дело поставлено, персонал в целом компетентный, крупную накладку наблюдал одну (сегодняшний раздрай с вопросным листом). Обстановка в здании поддерживается благоприятная — отсутствие шумов, запахов и кричащих красок (в интерьере преобладают оливковые сиденья и бордовые огнетушители в комплекте с девственными пожарными рукавами на бежевых стенах).

Испытываю признательность судьбе за предоставленный ангажемент. Конечно, я и перед началом помнил мнение Солженицына, высказанное в 1994 г.: «Суд присяжных — вообще сомнительное благоприобретение, ибо умаляет профессионализм суда...» Интересно было проверить на личном опыте — совпадем ли? Пожалуй, не совпали.

Строго академически если — суждение безупречное. Да только не исчерпываются профессионализмом общественные требования к суду, пошире перечень — включает еще учет стереотипов справедливости в данное время в данном месте и вечно актуальную в России непредвзятость. Не от хорошей жизни и не из низкопоклонства перед Западом суд присяжных был заведен встарь, а ныне восстановлен.

Наличие суда присяжных — признание государством (любим) своего не-всесилия и одновременно благородная попытка хоть в малом одухотворить бездушный закон. На мой взгляд, сопутствующее «умаление профессионализма суда» окупается достигаемым эффектом. Но если государство не будет помнить, насколько это капризный ресурс, и соблазнится огульным и с наскока расширением его юрисдикции (ну хотя бы безвыборочным применением при т. н. бытовых убийствах) — обретенные проблемы перевесят разрешенные, обеспечив благодатным материалом следующих авторов.

В метро сталкиваюсь с невиданной формой попрошайничества: клуша в шлепанцах выпускает в проход между сиденьями утку-хромоножку и заявляет, что если не подадут «на корм», птицу придется ликвидировать. Иные жалуют симпатиягу, раскошеливаются. Почему-то утка останавливается возле меня и дважды зычно крикает, будто вымогая куш. С отвращением ловлю себя на юридической мысли: «Участвует ли она в мошенническом сговоре?» Как скоро избуду эту накипь на подсознании?..

После

Концовку досматривал по телевизору. Они там еще месяц с лишком валандались, денежные иски вчинялись. Попутно и государство отпустило злую шутку: едва окончив расчеты со мной, подняло минимальный размер оплаты труда — базу для исчисления гонорара присяжных заседателей — на 20%. Такие выходки закаляют патриотизм и напоминают о бренности.

Прокурор сделал заявку с огромным запасом — пожизненное Русаку и 21 год Грузину. На выходе образовалось 22 и 16 соответственно. Сурово, спору нет (я промахнулся в прогнозах, приняв за трафарет последние приговоры по громким убийствам). Но жалеть там, ей-богу, некого.

Дмитрий МЕТЕЛИЦА

ЧЕТЫРЕ ЧАСА

Рельсы-шпалы

Не только электрички привлекают «зайцев» — поезда дальнего следования вообще обладают особой притягательностью, но обнаружение в них нередко заканчивается общением с органами правопорядка. Говорят, можно, попав в вагон, как ни в чем не бывало на глазах пассажиров залезть на третью полку, спрятавшись от взгляда проводника, и спокойно ехать. Но я так не пробовал. Зато с товарищем, украинцем по прозвищу Каштанка (потому что жизнь собачья, объяснял он), мы проникали в поезд под видом провожающих, открывали туалет ключом-трехгранкой и запирались внутри. А после отправления шли в ресторан, где ожидали, взяв чай, когда появится кто-нибудь из ровесников, лучше — группа в два-три человека, с которыми Каштанка виртуозно находил контакт, и вагон покидали дружной компанией, чтобы продолжить веселье в купе новых знакомых. Его излюбленным методом наведения мостов было попросить прикурить, а потом «вспомнить», что в кармане есть коробок, и начать показывать фокусы со спичками. Подобных уловок Каштанка знал множество, а самой эффектной, пожалуй, была аналогичная игре в наперстки: ведущий берет три одинаковых коробка, по очереди встряхивает их, демонстрируя участникам, что лишь в одном есть содержимое, бесхитростными движениями меняет «наперстки» местами и предлагает опознать единственный полный исключительно на глаз, не дотрагиваясь. Игрок, конечно, не угадывает. Тогда ведущий упрощает задачу, оставляя на столе лишь два коробка, повторяет операцию — и снова мимо! Затем ведущий изымает предпоследний коробок, встряхивает оставшийся и, послушав перестук, спрашивает, верит ли игрок, что там действительно есть спички... По опыту моих наблюдений, поведение игроков делится на два типа: упоение процессом самой игры у слишком азартных и увлечение разгадыванием секрета подвоха у шибко умных. Итог был всегда одинаков: честно предупрежденные до начала, что игра представляет собой обман, мошенничество, люди все равно делали ставки (вроде бокала пива) и продолжали угадывать до упора, но безуспешно, ведь спички были лишь в одном коробке — в рукаве ведущего, и гремели они тогда, когда было нужно, в других случаях коробки встряхивались другой рукой. Каштанка без утайки раскрывал подноготную фокуса, после чего, оставив пару бокалов нам, отказывался от прочих призов в пользу проигравших,

то есть угощал ребят их же напитками, окончательно завоевывая расположение. Так мы дважды катались в Питер и обратно, в Ярославль и в Казань, и способ не подводил.

Но, оказавшись без напарника (однако со жгучим желанием уехать) на перроне Донецкого вокзала (во времена, когда он^{ый} еще не стал центральным узлом одноименной республики) за пять минут до отправления, я уже не успевал воспользоваться проверенной методикой. Попытка убедить проводницу хвостового вагона в необходимости моего безбилетного проезда тоже провалилась. Поэтому, обежав состав, я влез через суфле (замечательный пример железнодорожной терминологии, когда межвагонную гармошку-уплотнитель из твердой резины назвали таким воздушным словом). Со стороны, наверное, смотрелось смешно, как я, торопливо дрыгая ногами, забирался в этот «десерт». Хорошо, что багажа не было. Ныне зацеперы именуют данный метод проникновения «зефирингом». Тем, кто задумает попробовать «зефиринг», следует знать, что резина чертовски грязная, а щель меж пластин дьявольски узкая. Я же в ту пору этого не знал — идея пришла внезапно и не была проверена экспериментально. Дебютировав, я остался сидеть на переходной площадке, ведь спецключом не обзавелся. И покурить успел, пока поезд тронулся, а через минуту хлопнула дверь в соседнем вагоне. Не дожидаясь, пока человек наткнется на меня, я ринулся противоположным курсом, проскочил мимо туалета (заперто!) и оказался в плацкартном.

По проходу навстречу двигалась, проверяя билеты, проводница, я резко свернул и присел на полку в крайнем отсеке. Трое оживленно переговаривавшихся пассажиров — мужик средних лет, бабулька и подросток — разом замолчали и усталились на меня, словно тотчас разоблачили в чужаке «зайца». Недоуменно оглядев их, я вопрошающе поднял брови: мол, что-то не так, уважаемые? И тут мужчина внезапно поинтересовался, не пожар ли я тушил. Сперва оторопев, я, наконец, посмотрел на себя: и футболка, и джинсы были до неузнаваемости замурзаны сажей и грязью, незаметной лишь в полумраке межвагонной площадки. Кое-как оттерев чумазую руку, я провел пятерней по лицу — на фалангах пальцев остались черные разводы. Подняв глаза на собеседников, ожидающих ответа, я ляпнул первое, что пришло на ум: «Нифигасе, покурил!»

Разумеется, эта версия никого не устроила. Я еще попытался вернуться в тамбур, но вскоре был обнаружен и представлен пред очи начальника поезда, дородной женщины с крашеными кудрями. В бригадирском купе собрались несколько человек, включая усатого дылду в спортивном костюме (как теперь понимаю, электромеханика), и все бойко лопотали на украинском, который я и в среднем темпе понимал с пятого на десятое, но, идентифицировав меня как россиянина, перешли на родную речь. Выяснив, откуда я взялся, начальник пообещала сообщить милиции в Лозовой, после чего дылда проводил меня в соседнее купе, в котором громоздилась пирамида каких-то упаковок, и, предупредив, чтоб я ничего не трогал, ушел, напоследок отвесив подзатыльник. Но я не огорчился: остановка планировалась аж через три часа, а в юности казалось, что двести километров в обмен на легкую затычину — неплохой бартер. Так что, довольный жизнью, я примостился за большой коробкой у окна и задремал. Проснулся на станции и, слабо соображая спросонок, пытался понять, почему в коридоре говорят о Харькове, но затем, присмотревшись к вокзальному пейзажу, раскумекал: да мы ведь стоим в Харькове! Что за притча, ведь от Лозовой это

свыше часа езды.³ Ничего не поняв, я решил оставить все как есть и опять провалился в сон. Пробудился от громкой ругани: на пороге сквернословил дылда, и хотя в переводе я не нуждался, но причины припадка раздражения не постигал. Прибежала толстуха-начальница, посмотрела на меня и тоже забранилась, потом позвала коллегу, с которой принялась активно что-то обсуждать. Началась непонятная суета: народ забегал туда-сюда, меня вывели из купе и потащили в тамбур, но оттуда выскочил новый проводник, что-то крикнул, и мы всей ватагой устремились в обратном направлении. Вернувшись в купе, электрик взялся спешно переставлять коробки, освобождая место возле нижней полки, на которое уселся я — прямо на пол, бригадирша убедительно наказала сидеть тихо и не шуметь, после чего проводники дружно забаррикадировали угол ящиками, скрыв меня от глаз.

Сидя в потемках картонного чулана и прислушиваясь к внешнему миру, я догадался, что мы на границе — по вагону ходили люди, что-то спрашивали с требовательными интонациями, чем-то лязгали, потом рядом раздался голос начальницы, шум отъехавшей двери и звук шагов. В купе вошли двое, потоптались, переговариваясь, и вернулись в коридор. Я сидел тихо как мышка, уразумев, что в рейсе проводники, похоже, тривиально запомнили про меня, а вспомнили, когда пограничники уже шли по составу, вот и спрятали «зайца» как контрабанду. Причем, как выяснилось, это была российская таможня, то есть проверка на земле братского народа прошла по-родственному небрежно.

Позже, заимев собственный опыт работы проводником, я убедился, что совершать несуразные оплошности — неотъемлемое право железнодорожника, данное ему сумасшедшим графиком, невыполнимыми инструкциями и привычкой к форс-мажорам. Есть три типичные ошибки, которые совершает каждый проводник, откатавший пару лет: надорвать билет пассажира на обратный поезд, проспать или перепутать станцию, на которой нужно было высадить человека, и, напротив, разбудить того задолго до нужного времени. Как-то я растолкал мирно дрыхнувшего командировочного за четыре часа до срока, но напарница переплюнула мой рекорд, растормошив женщину за девять часов. А проспал я не просто станцию, а конечную на маршруте Москва — Псков, не разбудив никого. Очнулся в ужасе лишь после прибытия, но вагон был пуст: приезжие как-то выгрузились сами, что характерно, собрав белье, оставив на столиках деньги за чай (сам я остался многим должен) и не захватив на память ни единого подстаканника. Псковичи как пассажиры здорово контрастируют с москвичами, за что выношу благодарность жителям города.

Хотя сам Псков мне не понравился — пыльный и скучный, он был подобен любому из многих провинциальных городков, существующих словно вне времени и пространства. Таковы же, например, Выборг и Тобольск: сначала была крепость, потом вокруг вырос город и превратил ее в памятник. Хоть сейчас ссылай туда декабристов и колокола — город примет и похоронит, а рядом водрузит позолоченное надгробие бандиту из девяностых, как стало с могилой Кюхельбекера на Завальном кладбище. Помимо памятников браткам, из тобольской почвы тянулись черемуховые деревья, усеянные сочными ягодами и легионом жирных клопов. К счастью, у меня, в отличие от Вильгельма Карловича, был выбор, и я бежал оттуда. Но в Псков возвращался до тех пор, пока не уволился, оставив другим проводникам разбираться с тем, что превращает службу на «железке» в недоразумение.

Труд таможенников тоже богат на глупые промахи и необъяснимые ошибки. Проводник с двадцатилетним стажем работы на международных поездах рассказывал о случае, произошедшем в девяностых годах на скором поезде маршрута Киев — Москва. На границе в вагон зашли украинские мытари — и попали на праздник. У одного проводника наступил день рожденья, а вопрос о выпивке на рабочем месте в те годы стоял стократ мягче, нежели в наши, забитые инструкциями, дни: если и сейчас выпивают, то раньше просто бухали, никого не стеснясь. От приглашения угоститься стражи пределов не отказались, потом еще разок не отказались, стоянка была длительная, и убралась восвояси она сильно добрыми... Поезд тронулся, а километров через полста, уже в России, началась карусель: на станции ввалились те же самые таможенники (на машине догнали!) — и давай выяснять, кто спер пистолет. Протрезвевшие в ходе допроса проводники, не имея ни малейшего представления о пропаже, перерыли купе, а затем и вагон, но безрезультатно. Гости крепко расстроились, ибо бардак бардаком, но утерю табельного не утаишь. Молодой инспектор, чуть не плача, повторял, как зачем-то снял кобуру, но куда подевал, хоть убей, не помнит... А поезд едет, колеса стучат, Украина все дальше! Старший таможенник решил идти к бригадиру, проводники воспротивились, и вот, когда все стояли в тамбуре и орали друг на друга, едва за грудки не хватая, состав подошел к станции. Именинник открыл дверь (рефлексы не пропешь!), не опуская ступенек, собрался ухватиться за поручень, чтобы выглянуть, не бежит ли какой пассажир по перрону, и обмер, узрев, что на поручне висит кобура с пистолетом. На границе ведь дверь с этой стороны открывали, и табельный мирно пропутешествовал немаленький перегон снаружи вагона. А вот как он там очутился, владелец объяснить был не способен. Самое интересное, что ликующие таможенники, как нашли свою утрату, так и сошли. А ведь была то совсем не станция, а какой-то богом забытый полустанок, через который поезда могли проходить без остановок, и до автотрассы оттуда не пара шагов. В общем, как ребята в форме украинской таможни домой добирались, приходится только гадать, но наверняка это была захватывающая история.

Моя же история в украинском поезде закончилась через пятнадцать минут после досмотра: высадили практически на ходу, на щебенку, когда состав притормозил перед светофором. Конечно, мне жаловаться не пристало: до Белгорода было меньше тридцати километров, которые нетрудно пройти за день, но и в том не было нужды. Не успел я докурить, как рядом затормозил локомотив с вагоном-дефектоскопом, и машинист, светлый человек, согласился подвезти, приняв в оплату повесть о моих похождениях по братской республике, которые не ограничивались вышеприведенным анекдотом.

* * *

Впервые я попал в Украину, случайно перейдя границу. Возвращаясь с моря на попутках, к вечеру мы с товарищем заметили указатель в сторону Чертково. Название было на слуху: не единожды зависали на тамошней станции в ожидании электрички. Не имея карты, мы не знали, где еще будет возможность пересечь на «железку», поэтому не раздумывая сошли с трассы и бодро пошлагали за поворот, намереваясь вскоре разместиться на ночевку в каком-нибудь леске. Спокойно прошли пост гаишников, обратив внимание на странную форму

одежды — парадная, что ли? — наверное, праздник какой... Лишь позже стало понятно, что это был пограничный пункт. Над дорогой висела камера, поглядев на нее, товарищ глубокомысленно заметил: здесь, мол, ложиться спать не будем, пройдем подальше... Утром застопили машину, в которой ехала семейная пара с бабушкой, направляясь как раз в Чертково. Приближаясь к месту, водитель прервал наше созерцание цветущих яблоневых садов вопросом, в порядке ли паспорта. Не зная, в чем дело, мы на всякий случай заверили, что все в норме, хотя документов не имели. «А то на границе иногда проверяют», — пояснил водитель. В этот момент мы и поняли, что ненароком очутились в другой стране.

Но в следующий раз все было законно, с напарником по прозвищу Белый мы бродили по Киммерии, описанной Волошиным и Богаевским, и, добравшись почти до Перекопа, очутились в приятном местечке с чистым ручьем и тенистой рощей, где решили встать на привал.

Поэтому живи текущим днем.
Благослови свой синий окоем.
Будь прост, как ветер, неистошим, как море,
И памятью насыщен, как земля.

Душевно привалились — почти на неделю, пока из продуктов не осталась только соль. Бросили жребий, кому идти в магазин за десяток километров, и выпало мне. Пока я не торопясь протопал это расстояние, закупил немудреной еды (хлеб, лук, крупа), перекусил и дошел обратно — миновал день, к бивуаку вернулся в сумерках. Почуяв запах жареного мяса, не поверил — откуда, если поблизости ничего? Белый сидел у костра и готовил шашлык на прутиках. Сперва мне в голову закралась темная мыслишка: кого он мог тут поймать и зажарить, когда за неделю мы встречали только рыбаков на «Урале»? К счастью, тревога оказалась ложной — товарищ всего лишь отужинал собачатиной. Оказалось, в мое отсутствие оголодавший напарник вспомнил дедову науку вязки силков на птиц. Лески имелось в достатке, приманкой послужили крошки из хлебных пакетов. Не столько надеясь на улов, сколько рассчитывая занять время, Белый опутал петлями рощу, улегся на поляне и задремал. Проснулся от рычания и визга — вместо доверчивой птахи в силок влетела неосмотрительная шавка рыжего окраса. Что она забыла в роще, для меня загадка, но нашла собачью смерть.

Товарищу, которого дома дожидался верный лохмато-хвостатый друг, по началу и в голову не пришло воспользоваться уязвимостью божьей твари — он сострадательно хотел ее освободить, но незадачливая дичь светлых намерений не оценила и прокусила ему руку. А Белый озлился и свернул ей шею. После чего — не пропадать же добру! — освежевал убитую и запек пробную порцию. Я прибыл к дегустации. Судя по шкуре, невезучая гостья была дворнягой, но по вкусу — козой, правда, жилистой, как старая кляча. Не имея кулинарных предубеждений, мы с удовольствием кушали моську. С маринадом, конечно, было бы лучше, но если предварительно поварить минут сорок в соленой воде, чтобы плоть стала мягче, а после печь на углях с яблоневыми ветками — получалось годно, хоть гостей приглашай, все бы спрашивали рецепт. Только предварительно следовало тщательно счистить жир, отдающий горечью, — впрочем, псина не скопила много сала. Белый сокрушался о двух вещах: о том, что не сдержался и

прибил бедную, и о том, что в округе не росло лопухов, с запеченными корнями которого блюдо приблизилось бы к совершенству. Как по мне, то салат из сняты и молодых листьев одуванчика прекрасно справлялся с этой ролью. Так я тоже стал собаколюбом.

Позже дальневосточные браконьеры открыли мне рецепт «сахалинского шашлыка», который отличался от нашего крымского тем, что отваренное и остуженное мясо мариновалось в бульоне с луком, чесноком и корейской приправой «янным». Как говорил Саня-водолаз: свинина-говядина — это обычное дело, а собака — маленький праздник!

* * *

С хорошим напарником и дождь не холоден, и собака вкусна. В первом поезде убедиться на Тамбовщине, которую мы с другом Володей исходили вдоль и поперек. Родина повстанцев встретила путников тепло, и сразу вспоминалось, что Луну зажигает фонарщик из здешнего административного центра. Жители были дружелюбны, только понятие «прямо» в их обиходе означало вовсе не то, к чему привыкли мы, линейные горожане. Желая найти устье реки Ворони и островок Кипец, на котором добились остатки мятежников, мы опрашивали встречных. Те рады были помочь, но, указывая дорогу к устью, махали рукой, кажется, в случайном направлении и произносили излюбленное слово. В разных ситуациях «прямо» могло расшифровываться как «по дороге, а потом направо и налево», или «в горку, через рошу да наискосок», или даже «наугад через поле, а там спросите». Побродили порядком. Порой, окончательно потерявшись, мы обессиленно падали наземь, ползали, смеялись и цыкотали. Славные были деньки. Шли налегке, а когда заряжал дождик, прятались в лесу под развернутым коврик-каремом и пели песни, прикладываясь к полторашке алкогольной бурды неизвестного состава, но с таким гадким вкусом, что, даже вдвое разбавленная компотом, она не пилась легко.

В период моей работы проводником на маршруте Москва — Адлер в последнем можно было выменять комплект постельного белья на два литра хорошей чачи и бонусом получить бутылку этой бурды. Она пролежала в моем холодильнике пару лет, пока не нашла потребителей. На железной дороге процветал пречудной рынок, благодаря которому собирались домашние коллекции подстаканников, полотенец, чайных ложечек и диковинных вещей, которые не знаешь, куда приспособить. Проводники вообще уделяют бессмысленно много времени мелочам: подсчитывают копейки от случайных приработков, ежемесячно теряя тысячи из оклада, беспокоятся из-за пустячных недоделок, при этом пуская на самотек угрожающие ситуации, сплетничают о глупостях и жалуются на ерунду. И я вел себя так же, принимая правила игры, которые есть в любой работе, но эта еще и соответствовала моему образу жизни, удовлетворяя потребность в перемене мест, и там не приходилось скучать, разве что на ночном дежурстве. Но я люблю ночь!

...Прямоугольник тамбура, пронзаемый студеными сквозняками; утонченные дуновения перегона: стелящийся вдоль состава дым и морозный воздух, искрящийся снежинками; лязг переходной площадки, грохот автосцепки и перестук колес — все это вместе приносит думы о человеческом могуществе, опутавшем земной шар рельсовыми нитями дорог, покорив безбрежные и пу-

стынные просторы Родины. Качка бьет по ногам, а потертая лента зазаконного пейзажа кажется обернутой вокруг глазных яблок. Не зря проводники шуточно окрестили окно телевизором — такое же гипнотическое однообразие, только выключить нельзя. Ворох раскаленного угля зрелищно переливается оранжево-алым, словно в утробе топки стая саламандр пожирает жар-птицу. Подчас замрешь, опершись на лопату, и смотришь заворожено, пока сигарета до пальцев не дотлеет. Очнешься — и снова за дело. В холода ведьмы слезают с метел, боясь примерзнуть к древкам, а проводник садится на лопату и совершает на ней рейс за рейсом.

Когда надоедало курить, я читал стихи. Бывало, на строке вроде: «Хотите — буду от мяса бешеный...» — дверь распахивалась, и в проеме появлялся пассажир, подавившийся заготовленной просьбой о чае. Не знаю, о чем они думали в эти моменты. Хотя однажды врасплох застали меня: примерно в час ночи на перегоне между Рязанью и Шиловом я сидел в тамбуре и (как всегда в это время) разбивал киянкой целые стаканы. Дверь приоткрыл мужчина и спросил, чего это, мол, я тут делаю. Как оправдать такое занятие — утилизирую, дескать, у нас стекло одноразовое? Не найдя достойного ответа, я промямлил: вот-де, черепки собираю... Пассажир пожал плечами и пошутил: а я, мол, думал, тут свадьба! В общем-то, неплохая версия. А посуду я колотил, чтобы — парадокс! — восполнить недостачу оной, возникшую в рейсе: осколки двух сосудов, расфасованные на три пакета, можно было сдать экипировке в Саранске и получить взамен три новеньких стакана. Трудовые будни, во всей красоте неласкового созвучия.

Когда приедались стихи, я брался подметать стены. Снежная пыль, вдуваемая сквозь незаметные щели, заносила металл и наращивала новые слои, грозя превратиться в наст. Если бы я был лилипутом, умеющим ходить по вертикали, я бы порадовался, прыгая через сугробы и творя снеговиков. За рейс можно было бы вылепить целую армию и организовать профсоюз: с молчаливыми снежными бабами мы добились бы удлинения зимы быстрее, чем с боевитыми проводниками увеличения зарплаты.

* * *

...Станция. Перрон снегом застелен как полка в плацкарте — чистенько и безыскусно, белая простынь не примята суетливыми ожидающими. Пусто. Зато на противоположном пути расположился пассажирский — двойник нашего поезда, с номером, отличающимся на единичку — возвращается в Москву. С гудками локомотивов составы трогаются, увозя фигуры проводников хвостовых вагонов, стоящих в свете дверных проемов. Хорошо! Выставив руку с фонарем, громоздким, как трансформатор, гляжу в темноту. Снежинки бросаются врассыпную, но луч света настигает убегающих, и бедняжки писаются от страха. Ветер швыряет в лицо капельки мокрости, колесный перестук ускоряется, в ушах звенит:

Не верю, что есть цветочная Ницца!
 Мною опять славословятся
 мужчины, залежанные, как больница,
 и женщины, истрепанные, как пословица.

Но вся эта романтика хранится глубоко внутри, проявляясь наедине с собой, а в кадре человеческих взаимоотношений высвечивается различная чепуха: махинации с бельем и стаканами, лотерейками, кофе и посылками... Когда в перечень чайной продукции проводникам включили беруши и щетки для обуви, мы еще шутили: скоро, мол, будем, как ларьки «Союзпечати», предлагать и газеты, и презервативы. А то и вовсе войдешь в купе, подобно советскому спекулянту, полы пиджака распахнешь, а под ними чего только нет: четушки вискаря, порнуха на болванках, семечки в кулках... Но потом в план продаж внесли лотерейные билеты, и нам стало не до шуток. Первое время выкручивались: кто сдачу лотерейками отдавал, кто, скрипя зубами, сам играл, но вдруг стало известно, что информацию под защитным слоем реально считать, приложив билет к лампочке в купе, и по бригадам прокатился вал выигрышей — однако невысоких, поскольку скретч-карты, таящие призы более чем в пятьсот рублей, в поезда не попадали, видимо, отсеиваясь на подступах. Но вскоре подступы приблизились, и максимум возможного выигрыша стал равен стоимости билета...

До лотереи в чайное меню был введен кофе эспрессо, на состав выдали несколько капсульных кофемашин. И началась беготня по утрам с чашкой в руке — по переходным площадкам и тамбурам — в вагон с машинкой. Не было печали! Если бы кофе-капсулы продавались в магазине, проводники бы возликовали, кладя разницу в карман, но в ту пору «таблетки» такого типа поставлялись только фирмам. Но все же умельцами была разработана технология «эспрессо по-железнодорожному»: в пластиковую скорлупку от использованной капсулы насыпался кофе любой марки, цилиндрок плотно заворачивался в целлофановый пакет, конструкция вставлялась в предназначенный (вернее, не предназначенный) для этого отсек, а дальше машинка прогоняла горячую воду под давлением, превращая ее в напиток. Единственным недостатком было отсутствие характерной для эспрессо пенки, но введенная в рецепт сода на кончике ножа решила проблему. Заодно и от изжоги спасала доверчивых кофеманов.

Спрашивается, а зачем заморачиваться такими глупостями, неужели проводники столь скаредны, что барышей от провоза посылок и «зайцев» им недостаточно? А затем, что барышей почти не было. За всю страну не скажу, но в наших краях нечистоплотные менты с узловых станций научились зарабатывать на угрозе терроризма.

Свершается сие так: безобидная бабушка хочет передать внуку подарок — магнитофон; проводник открывает коробку, убеждается, что начинка упаковки не противоречит озвученной, принимает посылку, берет деньги, а его берут под белы ручки люди в штатском; предъявляют удостоверения, подзывают понятых, вскрывают коробку, свинчивают крышку магнитофона, достают оттуда муляж гранаты (что есть уже не потенциальное увольнение, а вероятный срок) и предлагают выбор: или по тундре, по известному маршруту, или можно уладить вопрос. В те годы вопрос улаживался суммой от шестидесяти до ста тысяч. За оставшееся время стоянки горемыка оголтело бегал по составу, правдами и неправдами вытрясая деньги из коллег, влезал в долги и расплачивался с вымогателями. Хотя тоже загадка: из поездной бригады, вроде как не практикующей традиционные приработки, вытрясалось до сотни тысяч рублей взаймы... А злосчастный проводник, пытаясь за рейс восстановить кредитоспособность, хватал посылки и «зайцев» пачками, не разбирая, где гранаты, а где наркотики.

С зарплаты долгов точно было бы не вернуть... Ну вот и черед жалоб пришел — стандартная фабула рассказа проводника соблюдена.

Многих на железную дорогу приводила романтика, но со временем быт перевешивал, оставляя людей в дежурках перетирать сплетни и тоску. Эта судьба преследует мечтателей. В детстве, помнится, я фантазировал почему-то исключительно о непрестижных специальностях: думал стать дворником, проводником, водителем поливальной машины, вожатым в лагере, убирать снег с крыш и фрукты с деревьев... Управлять поливалкой не довелось, но все остальные мечты исполнил. Еще, правда, писателем хотел стать, но это из несбыточного. Если пропадает интерес к работе, следом теряется вкус к жизни, дни занимают очередь за унынием и непременно его приобретают. Поэтому, побыв проводником два года, за которые видел уже все, кроме пожара в вагоне и захвата террористами, а на самые несусветные вопросы пассажиров был заготовлен дежурный ответ, я уволился, оставив на память табличку «Не открывать при поднятом токоприемнике» и множество жизненных историй, включая глупые, забавные и чернуху не для слабонервных. Табличку я предсказуемо присобачил на дверь комнаты, а несколько историй сейчас расскажу. Все участники событий, насколько мне известно, места службы не меняли, поэтому обойдемся без имен.

* * *

...Устраиваясь на эту работу, я в общих чертах представлял, с чем придется столкнуться: пьяные драки вахтовиков, хамство всякого рода, напряженный график и прочее, прочее... Все это было, но нашлось место и таким вещам, о которых я даже не предполагал. Например, когда человек попадает под поезд — точнее, в тех случаях, когда он попадает действительно *под* поезд, а не оказывается отброшенным на обочину трупом — проводникам порой приходится участвовать в извлечении останков. Впервые такой казус приключился со мной на южном направлении: на подходе к Горячему Ключу кто-то из местных неудачно сходил за хлебушком, и его конкретно разметало под составом.

И вот в начале шестого утра, проводники — в костюмах, с бейджиками, как приличные люди, — вышли из вагонов с мусорными мешками в руках и принялись деловито собирать в них анатомические детали. Насколько мне известно, этим вопросом должен заниматься помощник машиниста или иные, так сказать, специально обученные люди, которым машинист сообщает о происшествии. Если угрозы безопасности движения нет, поезд двигается дальше, как и полагается по инструкции. В тот раз угрозы не было заметно, и затрудняюсь предположить, по каким соображениям эту миссию доверили нам — может, по эстетическим? Там ведь санитарная зона: где запрещено сбрасывать содержимое кишок, оставлять сами кишки вовсе не резонно, места людные. Версия так себе, но все же лучше привычной фразы «начальству виднее».

Кстати, наблюдал характерную сценку, в которой юная проводница обращалась к старшей коллеге с милой просьбой: «Теть Валь, у меня под котлом обрубков чего-то... Веником не дотягиваюсь! Достань, а? А я тебе застылы верхних полок сделаю!» И «теть Валь», являющая собой образ классической советской проводницы, с задранной юбкой лезла под вагон, пересыпая матерком старую песню: «Эх, молодежь! Ничего-то сами не могут!» По-моему, забавно. Хотя, возможно, это профессиональная деформация.

В том же рейсе на перегоне Мичуринск — Рязань поздним вечером поезду повторно довелось испытать экстренное торможение. Остановились напротив каких-то куч с песком, осветив сидевших вокруг рабочих. Те возбужденно галдели: «Вон они, там, под колесами!»

Я чертыхнулся, пессимистично вообразив ждущую выноса вереницу трупов на рельсах, и уже собрался было опускать ступеньки, когда из-под штабного (мой вагон был по соседству, в середине состава) неожиданно выползло тело. Вполне себе живое и здоровое тело мужика лет тридцати, пьяного в дым. Не успел я подивиться везению индивидуума — полсостава прошло над головой, а его даже не поцарапало! — когда работяги вытянули из-под колес второго, которому не повезло. Может, трезвый был? Больше никого, к счастью, не обнаружилось. Из начальственного тамбура пахло сигаретным дымком, и я закурил тоже. Стояли, легкомысленно болтая, когда в поле зрения появился пожилой путеец, по-видимому, ответственный за участок, ибо произошедшее повлияло на него сильнее, чем на остальных. Едва разобравшись что да как, он немедленно бросился к пьяному, ухватил его за шиворот и начал нецензурно ругаться: вот, мол, бухие уроды, шлендают где ни попадя, а ему теперь всю ночь бумажки писать! Картина была что надо: чудом спасшийся гуляка мычал, покачиваясь под градом ругательств, рядом лежал его отгулявший дружок с разломанной черепушкой, а путеец бесновался из-за предстоявшей бумажной волокиты. Мы, проводники, как услышали это, так и грянули хохотом, дополнив полотно житейского равнодушия штрихами будничного цинизма. Хорошая история получилась. Однако главный рассказ впереди.

* * *

Стряслось это на маршруте Москва — Саранск. Мрачный маршрут — не потому, что рейс ночной, а потому, что ведет из города, откуда замечательно уезжать, в республику, откуда восхитительно возвращаться. Россия вдоль железной дороги почти всегда выглядит так, словно та дорога ведет в ад, но когда она ведет в Мордовию, набитую зонами, так оно, в общем-то, и есть. Из числа пассажиров выделялись нагруженные баулами женщины с опухшими глазами, а также самые разные с виду люди, часть которых, кажется, неуютно чувствовала себя без звезд на плечах, обнаружив звезды у соседей на коленках.

Отъехав от станции едва на полчаса (я и чай не успел разнести), состав резко дернулся, словно от срыва стоп-крана, но затормозил плавно, как перед светофором, а под конец остановился рывком. Что такое? Выглянул на улицу: справа лес, слева лес — ни черта не видно. Вдруг по цепочке (от проводника к проводнику) передали: закрутить штурвалы (ручные тормоза в тамбурах), проводникам хвостового вагона выставить ограждение, а мужчинам идти в штаб. Мужчин в бригаде было трое: ПЭМ — вечно пьяный, вечно злой, наш механик поездной, я и еще один парень, чуваш. От штаба всей командой, к которой присоединилась начальница поезда, двинулись к локомотиву. ПЭМ был мрачен — уже знал, в чем заваyka, но нам не говорил, а начальница, посмеиваясь, сказала: «Сами увидите». Захватив бандуры ручных фонарей, мы спустились из головного вагона, подошли к морде тепловоза и увидели: поперек рельса лежал здоровущий мужик, разбросав руки (не в буквальном смысле). Мертвый, конечно. Перед столкновением машинист сбросил скорость, но человека это не

спасло, более того, труп не откинуло на обочину силой удара и не затянуло под состав, как происходило обычно. Вместо этого злосчастный мертвец зацепился за скотоотбойник. Машинист, как я понял, пытался остановиться в нормальном режиме — состав выходил из-за поворота, к тому же путь шел под уклон — надеясь, что труп повисит, пока мы пройдем неприятный участок, но у покойника был явно несчастливый день и в последний момент он сорвался под колеса. И застрял! Колесо перепахало часть пуза, остальное придавило.

Помеха движению была налицо, труп следовало убрать, но он засел крепко. Машинист, зараза, заниматься этим отказался, сославшись на то, что едет без помощника и покидать кабину не имеет права. Как я выяснил позже, таких машинистов не больше четырех десятков на всю страну — видимо, нам повезло. Я слабо знаком с регламентом действий локомотивной бригады, но твердо уверен, что в инструкции проводника — об уборке трупов вообще ни слова. Однако подводить начальницу, хорошую тетку, не хотелось, поэтому необходимо было действовать. Схватив труп за руки, попытались его выдернуть — не пошло. Подергали за ноги, кое-как раскорячившись под ходовой частью, — тоже безрезультатно.

Времени было чуть, с отрывом в полчаса за нами шел товарняк, а потом еще один пассажирский. Никаких рабочих, специализирующихся на решении проблем со жмуриками, поблизости не наблюдалось. Помеху надо было ликвидировать, но основательно прижатое тело (какие-то ткани наверняка были защемлены между гребнем колеса и рельсом) не желало покидать место дислокации, и решено было доставать труп частями — разорвать его по линии разреза, начатой колесом, чтобы вытянуть сначала верхнюю часть, затем нижнюю.

ПЭМ принес лом, примерился, а затем произошло несколько событий: ПЭМ хрястнул ломом в живот трупу, изо рта покойника выплеснулась струйка темной жидкости — и одновременно фонтан некой жидкости ударил изо рта чувашского коллеги. Секундой позже мы переглянулись с начальником и расхохотались. Эта сцена навсегда останется в памяти: ночь, ПЭМ с окровавленным ломом, блюющий парень, смеющиеся мы и мертвец у наших ног. А машинист, хладнокровный человек, в эту минуту высунул голову из кабины с напутствием: вы там, дескать, аккуратнее давайте, мне еще трещин в колесе не хватало.

Ослабший коллега был отправлен к себе, а ПЭМ взялся за работу. Дело шло туго, и вскоре стало ясно, что для такой задачи уместнее был бы топор. На выдохе механик обдал меня запахом коньяка и со словами «крепкий, мол, мужчина попался...» (осталось непонятным, пошутил он или всерьез прокомментировал жилистость трупа) передал инструмент мне.

Начав довольно резво и сразу пробив пару внушительных брешей в чужом теле, я быстро сдулся, силенок не хватало. Поэтому махать ломом продолжил ПЭМ, а мы с начальницей раз за разом брали труп за конечности и со всей мочи тянули на себя. Казалось, время бежит очень быстро, и мы ни за что не успеем. Лом покидал тело с хлюпаньем, луна в небе была бледна, словно ее мутило, я курил сигарету за сигаретой. Наконец, поддавшись нашим усилиям, верхняя половина тела с воодушевляющим треском отделилась, вывалив месиво мокрых кишок, и мы победно заулыбались. Чтобы вытянуть оставшееся, лом не понадобился, но пришлось поползать под локомотивом.

Когда я описал произошедшее приятелю-машинисту, он недоумевал, почему же не оставили труп на обочине. А я не имею понятия! Ни малейшего, как и о многом другом. Вся работа поездной бригады представляется мне соревнова-

нием в некомпетентности в режиме вечного аврала: то есть проводник либо не знает, почему оказался в заднице, и беспокоится о причине, либо знает и плюет на это — задница-то вот она, и надо как-то выбираться...

В общем, покойника мы не оставили и довезли до станции в нерабочем тамбуре хвостового вагона. Так что если вы как-нибудь ехали в хвосте и не могли выйти в курилку — возможно, за дверью лежало чье-то холодное тело. Сгрузив останки, я вздохнул с облегчением, но едва шагнул в вагон, как проводница испустила вопль: «Ноги!!!» — и в моей голове возникло пугающее видение половины трупа, забытой на перегоне. Обернувшись, я перехватил ее наполненный ужасом взгляд и, проследив его, уставился на собственные ноги, за которыми по ковровой дорожке тянулись кровавые следы. М-да, некрасиво получилось, ведь перспектива чистки ковра страшнее, чем груды мертвечины рядом.

До сих пор, мысленно возвращаясь к событиям той ночи, неизбежно начинаю смеяться. Может, это нервное? Да нет, не думаю. Поводов для веселья у проводника всегда полно, такая уж это работа. Приятно вспомнить.

* * *

Часто бывает: идешь за романтикой, а колешь лед и таскаешь трупы. Но и колоть лед можно с душой, в чем я убедился, подвизаясь дворником в Ярославле.

В этом городе училась одна славная девушка, снимавшая квартиру на пару с подругой, с которой мы не сошлись темпераментами. Желая видетсья с одной и не желая пересекаться со второй, я начал искать иное обиталище. Зимой выбор был невелик, и разведка привела в ЖЭК. Тамошние тетки с удивлением вертели московский паспорт, взирая на мою очкастую физиономию. Смотрины сопровождались комментариями типа: «Че тощий-то такой?» и «Да он же лопату не подымет!», но закончились успехом. Требовалось лишь купить трудовую книжку, хотя принести ее разрешали позже. По зарплате были обещаны копейки, из которых десятинa в месяц отбиралась на оплату койко-места.

Жилье соответствовало худшим опасениям: угрюмый подвал жилого дома. Сырые стены были местами убраны коврами (с помойки), а границы «комнат» очерчивали развешанные простыни. Прежде чем лечь спать, требовалось потопать ногами, дабы выгнать из-под тахты возможных крыс. Но это было все же лучше, чем квартира одного московского товарища, у которого, перед тем как зайти в ванную, следовало с размаху шваркнуть дверью, чтобы осыпались тараканы с потолка.

Делить же подвал предстояло с интернационалом, существующим в традициях социалистического общежития: пьющим хохлом Коляном, богомольным узбеком Шади и меланхоличным таджиком Адилом, который жил с тем же выражением лица, с каким спал. Колян был аборигеном подвала, несколько поколений коллег из южных республик успели устроиться, отправить денег семье и уехать, так и не увидев его трезвым; Шади пять раз в день совершал намаз и по каждому случаю читал неподходящую суру; выражение лица Адила менялось на удовлетворенное, лишь когда он пукал. И всем нам предстояло как-то уживаться, мирясь с недостатками друг друга. Но это были мелочи жизни, будничная суета, отступающая перед незамутненной романтикой противостояния фронту метеоосадков.

...Бессонные горожане могли бы сверять часы по нашему появлению за окном. Слышат: зашоркали лопатами — знать, пробило четыре! О, хрен они вылезут из теплых квартирок в такой мороз! И не узнают очарования безлюдной зимней ночи, когда между небом и землей лишь один человек не страшится злющего холода — дворник. Его действительность — это не пробежка в магазин за сигаретами, не торопливая чечетка по окоченевшему трупу тротуара — быстрее, быстрее, спрятав нос в воротник, а руки в карманы, нет!

Каждое утро дворник выходит на свидание с улицей, чтобы провести время наедине. Многих она пропустит через себя сегодня, но он будет первым. Чертовски душевно, оторвавшись от работы, оглянуться вокруг и закурить подрагивающими от усталости пальцами. Красота! Луна — как лужа. Редкие окна греют чужим уютom... А на земле, под небом Шиллера и Гете — я, и чем сильнее темнеет в моих глазах, тем меньше мрака остается окрест. Вскоре первые школьники уныло двинутся на привычную каторгу, чтобы после учебы переодеться гопниками и хором изнасиловать улицу.

Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне, — и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю млечность?

Когда из домов выходят жители, неохотно окунаясь в раннее утро, редкие романтики расползаются по своим мрачным норам — смотреть во снах на ошеломительные луноходы, позаброшенные в звездной пыли. Но долго восторгаться зимними рассветами в заснеженных подворотнях не получилось: через три недели на город навалилась оттепель, обслюнявив дворы, а за ней грянули морозы, обратив воду в лед, и, намахавшись ломом до ломоты в спине, я сбежал с этой работы, не успев растерять идеализм и не забрав трудовую книжку — а жаль, мог бы собрать коллекцию.

Возвращаясь в столицу на перекладных с заезженными и непокладистыми контролерами, я осмотрел подборочку мелких станций, через которые электричка проходила два-три раза в сутки. На одной из них, кроме кассы, был только лес. Будка пустовала, шел обеденный перерыв. Шел четыре с половиной часа! Мне еще не доводилось зреть такую сиесту на «железке», и по возвращении сотрудницы я не удержался от вопроса — отчего это, мол? На что женщина с типичным говором селянки средней полосы затараторила, слегка налегая на «о»: «Так пока до дому дойдешь, пока корову подоишь, свиней накормишь, печь натопишь, покушать сготовишь — вот и на работу пора!»

Но до Москвы я добрался и в первые же полчаса встретил знакомую проводницу. Мир тесен, но чтобы его объехать — жизни не хватит. Тем более — на «собаках».

Дороги-обочины

С тех пор как стали назначать цену не только за рельсы, но и за асфальт на платных трассах, поголовье «зайцев» умножилось — в первую очередь благодаря дальнобойщикам и байкерам, причем последние «оседлали» первых. Схема работает так: мотоциклист пристраивается неподалеку от операторской кабинки, а когда шлагбаум поднимается перед фурой, оплатившей проезд и медлительно трогаящейся с места, — дает по газам, проскакивая перед ней. Шофер мате-

рится, но денег не теряет, а только минуту времени, пока полосатая палка поднимется снова, чтобы пропустить настоящего клиента. А дальнобой, пользуясь тем, что шлагбаум опускается автоматически, когда за проехавшей машиной образуется достаточный просвет, выстраиваются впритирку друг за дружкой и следуют мимо кассы, словно автопоезд.

Водила, которому я составлял компанию на пути из Краснодарского края в Воронежскую область, проскочил «зайцем» семь терминалов из восьми, а оставшийся честно обогнул по пустынному предрассветному городу. Приближаясь к пункту оплаты, он окликнул по радиии большегруз, въезжающий в коридор: «Астрахань, я за тобой проеду?»

А ему в ответ неслось: да я сам, мол, за Казанью стою, ну давай... Бывало, что следом вызывали нашу машину — собирался караван. Некоторые предупреждали, что тяжеленькие, чтобы идущие впереди не спешили разогнаться. Инерция груженой фуры — такая штука, которую нужно почувствовать на себе, чтобы осознать, что количество колес не есть единственный фактор, влияющий на торможение. Жаль, что лихачи на легких авто не катаются стопом. В кабине большегруза понимаешь, почему шоферы по радиии называют легковушки «маленькими» — они действительно маленькие, носятся шустрými букашками вокруг степенно ползущих дальнобойных жуков-голиафов. И, когда очередная козявка самоубийственно лезет под лапы, я даже не меняюсь в лице, если, конечно, сам в этот момент не нахожусь в салоне легковой. Про шоферский сленг отдельная песня: разговор на радиоволне пересыпан уменьшительно-ласкательными окончаниями, и когда суровый мужик с наколками на пальцах, всю дорогу костеривший правительство, выдает нечто вроде: «Авариечка на обочинке, остороженько...», испытываешь неслабый контраст ощущений.

Если бы я понимал и любил технику, то наверняка попробовался бы на ниве грузовых перевозок. Труд дальнобойщика весьма специфичен. Обычно стопщики не видят его в целом, понаслышке зная о погрузках-разгрузках, диспетчерах, дающих заказы, и начальстве, отдающем указания, ибо едут столько, сколько по пути, и высаживаются перед поворотом. Но случаются исключения.

Так, достигнув Петербурга промозглой декабрьской ночью, дальнобойщик Руслан предложил не шарaxаться по зимнему городу до открытия метро, а культурно выпить казахской водки, сидя в теплой кабине, да и заночевать на верхней полке. Я согласился, соблазненный возможностью побывать на Кировском заводе, где должна была состояться разгрузка. На вопрос, как же мне попасть на охраняемую территорию стратегического объекта, где стоят сотни цистерн с нефтью и ремонтируются военные корабли, водила махнул рукой: а, какие пустилки, мол, впишу тебя как экспедитора!

И впрямь, оформив пару бумажек и показав паспорта на проходной, мы получили разрешение на проезд. Только сперва в кабину заглянула дородная охранница и хорошенько обшарила все взглядом, но на этом осмотр завершился. Заметив отсутствие мужчин в охране, я заинтересовался причиной. Оказалось, когда работали мужики, шофера норовили провезти на территорию контрабанду. Я предположил, что речь о бухле, но ошибся, что Руслан убедительно доказал, достав из-под «спалки» канистру водки. А ввозили на территорию проститутков. Так что женщины в форме не просто оберегали завод от посторонних, но и стояли на страже нравственности.

Прокатившись по темным проулкам индустриального городка, мы встали неподалеку от Финского залива. Цеха, пути, горы металлической стружки (такая

же была у нас в контейнере), насыпанные прямо у причала, — впотьмах окрестности казались особенно угрюмыми. На верфи высовывалась надстройка вмерзшей в лед подлодки, дальше возвышался, встопорщив какие-то стволы, корабль «Юрий Иванов». Эффектный был вид. Ну а утром мы стояли в туманной дымке, наблюдая, как ковш опустошает кузов, увеличивая груду железных завитков.

* * *

А зимой под Новосибирском я практически внедрил в образ жизни в рейсе, застопив «мерс» дальнобойщика Леха. Обрадовавшись найденному попутчику, он выдал тираду о том, что работает сам на себя, живет в городе Волжский, возит стройматериалы, а недавно подвернулся заказ аж на Красноярск — отвезти доски, он еще удивлялся, что это за доски, что их надо через полстраны везти, но какая разница — груз есть, деньги платят, и поехал, а вообще он прежде на такие расстояния не мотался, тем более зимой, тем более на своем «мерсе»-однооске, который, как истинный европеец, преодолевать снежные заносы не обучен, но вот уже неделю в пути и дефицит общения образовался — хоть вой, а на трассе, как назло, никого из нашего автостопного брата не видно, но, наконец, нашелся один!

Потом Леха прервался, чтобы спросить, куда я, собственно, еду, и, узнав, что в Москву, возрадовался еще пуще: «Я же могу тебя прямо до саратовской развилки довезти, ты такой хороший собеседник!» Притом что я ни слова не сказал, кроме сакраментального «в Москву». Сделав мне преждевременный комплимент, Леха добавил, что будет брать попутные заказы, и какой срок займет поездка, не знает. «Да времени — вагон!» — бодро ответил я, и нашей радости не стало предела.

Полдня мы общались, будто в театре, монологами: один разразился речью на час — затих, второй вывалил подборку баек на полсотни минут — устал. Лишь когда информационный голод был утолен, начался нормальный разговор. Водила оказался интересным человеком с большим жизненным опытом, в который, помимо всего прочего, вмещались и девять лет в местах лишения свободы. При этом ни внешне, ни манерами бывалого сидельца он не напоминал — когда в колхозе, куда мы привезли фанеру, вокруг суетились заскорузлые работяги, скидывая ценные стройматериалы в снег, в кабине сидели два интеллигентного вида человека в очках и забавлялись производимым ими впечатлением. В какие только захолустные углы не приходилось забираться, чтобы удовлетворить потребность заказчиков в древесине и бетонных блоках! «Мерсик» тосковал по среднеевропейским дорогам и застревал в Сибири, пробуксовывал на Урале, терял колеса и попискивал какими-то приборами, оповещая неизвестно о чем. На полпути сломалась автономка, придав ночевкам разнообразия: ложишься в тепле, еле прикрывшись спальником, через несколько часов просыпаешься, чтобы натянуть вещи, а еще через пару — из-за жара разогретого, заведенного дальнобойщиком двигателя — снова раздеваешься. Дорога давалась непросто, но шла легко. Ехали пять дней с тремя выгрузками и четырьмя загрузками — с последней Леха помчал домой. Расстались на развязке, довольные друг другом, обменявшись телефонами. Оказываясь в Подмоскovie, он заезжал в гости, и тогда уже я угощал его обедами. Всегда приятно оказаться небесполезным для хорошего человека.

Совсем иначе довелось поработать с шофером бок о бок летом под Аксаем. На бензоколонке я подошел к мужику, заправлявшему тентованный уазик, и поинтересовался, не по пути ли нам будет, на что он объяснил, что едет от Белгорода уже несколько дней, все в одиночку, и с удовольствием взял бы попутчика, но в машине вылетела раздатка, и я сам буду не рад. Для меня, технического профана, слова о вылетевшей раздатке были китайской грамотой, и я пожал плечами — дескать, мой день тоже не задался, может, минус на минус даст плюс? В общем, поехали.

В кабине я переспросил: что, мол, вылетело? И получил исчерпывающий ответ: «Раздатка». Спасибо, теперь все понятно. Позднее выяснилось, что диковинный термин означает устройство для включения пониженной передачи. Чтобы ехать со скоростью около шестидесяти, водителю приходилось действовать так: вот рычаг отщелкивает назад, мужик перегибается через кабину и дергает его обратно, после чего выжимает сцепление и едет спокойно — двадцать секунд, затем повторяется то же самое. Понаблюдав за процессом, я предложил: давай, мол, я переключать рычаг буду, он ведь ко мне ближе, а ты на педаль дави. Попрепетировали и создали этакую коробку-полуавтомат из моей руки и его ноги. Вошли в ритм и нормально прокатились почти двести километров до свертки на Кореновск, за которой его поджидал коллега с буксировочным тросом.

Но обычно полезность автостопщика исчерпывается умением вести беседу. Отрадно, когда удастся затронуть вопрос, увлекающий человека, — его глаза разгораются, темп речи набирает обороты, выпуливая байки одну за другой так, что только успевай запоминать. К примеру, часто запускает этот механизм тема рыбалки.

Алтайский дальнобойщик вспоминал, как у них в деревне ходят на карася. Летом ловят ведром, весной — лопатой. Данная рыба местными считается «мусорной», кошкиной едой, и беззаботно добывается во время нереста. В начале сезона люди сползаются к заливу, образованному рекой, и ждут, когда минует полночь. Еще без пяти двенадцать ни одного карася окрест, а уже в десять минут первого — глядь, камыши на мелководье зашевелились — пошел, родимый! Бери ведро, иди на лов. Но ведро должно быть без дна — увидел рыбеху, застывшую в воде, накрыл ее посудиной, руку сквозь дно просунул, сгреб скользкие бока пальцами, на берег выкинул да следующую накрыл. И так пока пара мешков не наберется.

А ранней весной разная рыба добывается иным способом — ловцы приходят на реку, пробуривают две лунки, расширяют, а между ними пробивают во льду желоб в половину глубины. На одну прорубь крепят мешок, а из второй совковой лопатой гонят воду. Рыба в конце зимы вялая, замороженная, она не плышет — тащится на свет, желая глотнуть воздуха, и больше ее ничего не волнует. В потоке воды она плюхается в желоб и соскальзывает в мешок, превращаясь в трофей. Можно ускорить процесс, если задействовать трактор: сдать задом, чтобы колеса макнулись в воду, и выжать газ — рыбеха полетит так, что успевай оттаскивать.

Жаль, я в подобном не участвовал, но на Алтае и без того было много чего интересного. Правда, добрался лишь до Чемала. Тамошние скалы, далеко не самые высокие в республике, впечатлили окрасом — они не были похожи на уральские, крымские, заполярные, карельские, одинаково пессимистично мрачающие под дождем. Прибыв в конце сезона, я попал под первый снег и очень удачно — холодная сырость оседала на камни, обнажая переливающееся самоцве-

тье. Оскользнувшись на ходу, сдерешь мшистую подушку с тропинки, а под ней заалет, как разбитая коленка. Даже шагая по обочинам тракта, трамбуешь не простой булыжник или скромный сланец, а такие камушки, которым любой подмосковный дачник бы обрадовался, пожелав выложить ими садовую дорожку.

Камни, принимающие нашу поступь,
белые под солнцем, а ночью камни
подобны крупным глазам рыбы,
камни, перемальвающие нашу поступь, —
вечные жернова вечного хлеба.

В Чемале, пробравшись от плотины ГЭС завитками козьей тропки вдоль крутого берега Катуня, я вышел к подвесному мосту. Внизу, метрах в тридцати, бурлила река, негодуяще оббивая пороги, ее знаменитые бирюзовые воды, мутные от грязи, слизанной с гор поздними осенними дождями, напоминали запыленное стекло, сквозь которое смотришь на просвет в смеркающийся летний день. Редко путешественник так радуется непогоде, как ликовал я, восхищаясь обновленными видами. Отвесные стены скал, изрезанные трещинами, блестели серебристыми и радужными вкраплениями, и, возвышаясь, составляли неприступный островок, на макушке которого угнездился маленький, будто игрушечный, деревянный храм. Когда мост, перекинутый через русло, закачался под ногами, в дымке, курящейся по обрыву соседнего берега, над краснеющими пятнами увядающих кустов, угловая скала неожиданно начала обретать человеческие очертания. Не предупрежденный о высеченной на вершине скульптуре, я смотрел на нее как на откровение, однако, будучи узнаваемой, Богоматерь с Младенцем вновь укрылась мгlistым туманом.

В тот миг я вспомнил Волгоград. По опыту двух поездок на Волгу можно было заключить, что город-герой продолжает отражать натиск роковой реальности: в первый раз это было нашествие саранчи, которой удалось захватить больше районов, чем немцам — громадные кузнечики оккупировали все улицы и покрыли длиннющие лестницы набережной так, что ощущался дефицит места для шага, а хруст стоял — как в рекламе чипсов; а во второй — зимний город оказался целиком окутан настолько плотным смогом, что, стоя у подножия Родины-матери, было реально распознать лишь контуры ее одежд. Между каменными матерями, видоизмененными туманом, было некое сходство — и четыре тысячи верст. Алтай умел поразить воображение.

А у дальнобоя из тех краев было еще полно замечательных историй — например, как искали магазин алкоголя в какой-то европейской стране, не зная языка. Ходили по чужим проспектам-площадям и рассматривали вывески, а когда до закрытия оставалось полчаса, заметили парнишку с бутылкой водки и бросились вдогонку. Парень, оглянувшись и узрев в сумерках группу хмурых мужиков, целенаправленно бегущих к нему, прижал пузырь к груди и со всего духу припустил по тротуару. Но русский дух оказался сильнее — догнали европейца, притиснули к стенке и, указывая на бутылку, принялись по-русски, но громко спрашивать, где он ее купил. Тот, крепко обняв фуфырик, отчаянно мотал головой. Наконец кто-то из шоферов откопал в памяти, что магазин по-английски — shop, и гаркнул: «Vodka shop!» Никогда, признавался водила, не видел, чтобы у человека так явственно просветлело лицо. Казалось, даже вечерняя улица стала приветливее. Парень отнял руку от драгоценной

ноши и указал куда-то вправо. Не-е-ет, сказали дальнобойщики, проводи нас! И, конвоируя гида, дошли до двери, над которой не было вообще никакой вывески, но за нею открывался алкогольный рай...

Или как водила мотался в командировку в Китай, где за каждый день простоя дальнобойщикам платили по сотне юаней, так что, когда пить от скуки стало неважно и необследованные достопримечательности кончились, они остановили велорикш, пересадили удивленных жителей Поднебесной на сиденья и, сев за руль, устроили гонки по городу...

Или как в советское время он работал в Казахстане, то ли с геологами, то ли с нефтяниками, и возил инженера от одного степного лагеря к другому. А тот инженер был чрезвычайно брезгливым человеком — он не только не мог есть за общим столом, где чавкают и хлопают, но даже если муха садилась на край тарелки, то мастер отодвигал суп и просил налить новый.

Как-то раз на пути со стоянки произошла поломка и вернуть прыть уазу удалось лишь к ночи, поэтому шофер предложил посетить местных, чья юрта стояла неподалеку. А казахи — свидетельствовал водила — очень гостеприимные и очень неопрятные люди: циновки на стенах жилища закопченные, кошмы на полу воняют чем-то прогорклым, а у огня сидит черная от грязи бабушка, как будто даже с землей в морщинах, и улыбается провалом рта... Инженер как вошел, так и сел. А хозяин лепешки руками рвет и лично потчует дорогих гостей, женщины бегают туда-сюда с мисками, яства выставляют. Инженер же тихонько сидит, чай пьет и от угощения отказывается: спасибо, дескать, но я сыт. Чем, конечно, страшно обижает казаха...

Но день был тяжелым, чаем не наешься, а рядом еще шофер, фанабериями не страдая, уминает всю манты и бешбармак. А среди тарелок стоит блюдечко с вареными яйцами — лежат они, уже очищенные, соблазнительно поблескивая белыми боками — какой от них может быть вред, это же просто яйца. Поразмыслив, инженер принимается их есть. Казашка опустевшее блюдце уносит, возвращается с новым. Пожевав, инженер решает воздухом подышать, выходит и, к ужасу своему, видит: сидит на улице черная бабушка и чумазыми пальцами очищает яйцо от скорлупы. Почистит, посмотрит — а оно все в потеках, в пятнах — нехорошо! Тогда она яичко в рот закинет, покатает беззубыми деснами да — плюю! — на блюдечко. И яичко снова беленькое, аккуратненькое!

Тут и мне, человеку невзыскательному, стало не по себе — поинтересовался, не вырвало ли инженера. А дальнобойщик в ответ: да какое там «не вырвало», дескать, я его еле довез, думал, помрет! Каждые пять минут останавливались, чтоб он мог содержимым желудка степь оросить...

* * *

Иной раз, пересказывая чужую историю другому человеку, узнаешь какие-то трактовки, до которых не додумался сам. Так, например, в Красноярском крае меня подвозил мужчина, недоумевавший, почему электроэнергия поставляется местным по цене выше, чем в Китай. Загадка была любопытна, и, когда под Хабаровском я ехал в обществе охранника, работавшего на Красноярской подстанции, переадресовал вопрос ему. Тот изложил такую версию: дело в Енисее, который берет начало в Монголии, и если бы монголам было выгодно поставлять электричество китайцам, они бы построили собственную

ГЭС, ввергнув российскую сторону в убытки. Поскольку сам я в Монголии не бывал, то не могу оценить уместность тамошней ГЭС, а пытаюсь разобраться в притоках-истоках Енисея, совершенно запутался. Но уверен, когда-нибудь кто-нибудь прояснит ситуацию, дополнив своим вариантом. А тот охранник, бывший дальбойщик, выслушав историю о приключениях брезгливого инженера в Казахстане, выложил свою.

Совершая рейс по Бурятии, он заглянул в позную — типичную местную столовку, дежурным блюдом которой являются позы, они же буузы, мешочки из теста с мясной начинкой, похожие на манты. В позной только два помещения, разделенные перегородкой, — общее, со столиками для посетителей, и кухня. Заказ приняла бурятка, которая в одном лице совмещала повариху, официантку и уборщицу. Шофер был не дурак покушать и с удовольствием умял три крупных бууза, поблагодарил, расплатился и вышел. Работница прямо за ним дверь заперла. А по пути к машине водила спохватился — ведь какие вкусные штуковины, надо ж было взять несколько в дорогу! Вернулся и сразу к двери в кухню, открыл — и стал свидетелем зрелища, не предназначенного для глаз клиентов: спиной к нему сидела бурятка и мяла тесто на собственной ляжке. Ну а что, удобно — стоять не надо, стол пачкать, только не всякий человек выдержит знание о том, как стряпалось съеденное. Вот и шофер застыл истуканом с остановившимся взглядом. Да еще заметил то, что вконец убило любовь к традиционным кушаньям: правая, незадействованная в процессе ляжка стряпухи была по-азиатски волосатенькая, а левая — гладкая, без волосиночки... Водила развернулся и побрел к фуре на автопилоте, а в голове пульсировала почему-то лишь одна мысль: когда женщина обслуживала столик, у нее под юбкой ляжка была в муке. Занятым рассказчиком оказался дальбойщик, достаточно повадывший на свете, чтобы живописать не только особенности рыбалки.

Сам я более-менее серьезно удил только однажды, причем это был эпизод ухаживания за девушкой. Янка обожала рыбу и могла поедать ее в любом виде. Когда данное обстоятельство открылось, мы были едва знакомы и находились в Петербурге. Я обрадовался. «В чем проблема? Махнем на Онежское, благо недалеко, наловлю тебе сколько хочешь!» — «А ты умеешь?» — «Конечно, чего там уметь-то!»

Уверенность была наигранной, ведь мой опыт ловли ограничивался вытаскиванием в детстве карасиком, притом что почти все необходимые действия произвел мой дядя — и червяка наживил, и удочку закинул... Но сообщать об этом я не стал, и мы приперлись на озеро. Разбили стоянку на восточной стороне, я взял купленные снасти — леску, грузило, крючок, поплавок — и отправился искать всамделишных рыбаков. Выйдя к оным, объяснил ситуацию: мужики, мол, так и так, научите рыбу ловить! Те посмеялись, но героической затеей прониклись и для начала раскритиковали мое снаряжение. Выяснилось, что вся эта фигня, которая приобреталась на глаз, разная и не совпадает по номерам. В жизни бы не подумал, что у снастей имеется нумерация! Снарягу мне заменили и дали простые указания: утром, дескать, ловишь в той протоке на червя, а вечером с берега и на хлеб.

Первые дни я часами сидел на берегу, чувствуя себя невидимкой — рыбы меня игнорировали, словно сговорившись. Пара окуньков и плотвичка, видно, пропустили общее собрание и попались, но такой смехотворный результат стыдно было показать. Чтобы отдалить явку с повинной, я вешал Янке на уши

феерическую лапшу: дескать, ветер западный... Луна в третьем доме... ну нет в этом озере рыбы! Что было абсолютнейшей чепухой — специалисты нахваливали здешний клев, поминая нехорошими словами иные места, где к рыбе требовался особый подход, а в наживку шли неслыханные деликатесы. Обитатели онежских вод не были избалованы, но покидать озеро посредством моих усилий решительно не хотели. Лишь на третье утро рыбсовет принял мою кандидатуру — наверное, именно это спешили сообщить четырнадцать подводных ораторов, активно разевавших рты, угодив в мои руки. Попрактиковавшись, я вышел на ежедневную норму в пять-шесть рыбешек, подтверждая статус добытчика, и был тем доволен. Янка готовила добычу всевозможными способами — жарила, варила, коптила и чего только не вытворяла, а я ел и нахваливал. Хотя был в этой истории неловкий момент: в ту пору я рыбу терпеть не мог ни в каком виде. Что поделать, приходилось идти на жертвы.

Так что тематика рыбалки мне не безразлична, как и все другие темы, кроме стехиометрии и сопромата, как и, например, тема гаишников, которые в последние годы принялись лихорадочно штрафовать стопщиков, хотя прежде будто и не замечали нашего существования. Но изредка получается нащупать в беседе некую сокровенную струнку, которая зазвучит по-настоящему, и беседа устремится в такие сферы, где нет места фальши и натужности, а есть только радость общения. Это всегда неожиданно и здорово. Некогда в Краснодарском крае остановился, чтобы меня подвезти, мужчина среднего возраста, одетый словно шестнадцатилетний гопник — лишь толстая золотая цепь на шее выбивалась из подросткового образа. Было очевидно, что я — нескладный очкарик — ему тоже не пришлось по сердцу.

Убежденный, что разговора не получится, я без вдохновения принялся о чем-то вещать, он нехотя вставлял реплики, а потом как-то само собой завели речь о Боге. И собеседник открылся с иной стороны — как человек философского склада ума. Поначалу диалог продвигался неторопливо, когда приводился свежий стоящий тезис, но исподволь пошел на ускорение, и вскоре мы воодушевленно зачастили, спеша изложить мысли по тому или другому непростому вопросу. К сожалению, совместная поездка выдалась короткой — я высадился на развилке и тепло простился с человеком, в выводах о котором поначалу крепко ошибся.

* * *

В студенческие годы мне выпало весьма познавательно прогулять пару. Я шел по городскому парку, радуясь тому, что вместо отсидки в аудитории наслаждаюсь свободой и природным очарованием, свойственным межсезонью, когда деревья еще не зачали, солнце хоть и не греет, но светит всюю и дружелюбно улыбается в лужах, а в воздухе такой запах, какой бывает лишь ранней весной, поздней осенью да еще летним утром после грозы. Шел себе и шел, а потом примостился на скамейку, чтобы шнурки завязать.

А на другом конце лавочки сидел дед, словно вышедший из прошлого, — в пальто такого фасона, который только в старом кино увидишь, в отглаженных, но будто молью поеденных брюках и в стоптанных ботинках — и добродушно мне кивал. Я, грешным делом, огорчился: сейчас, подумал, брякнет какую-нибудь пошлость о погоде, да так, что смажется вся радость от прогулки. Дед и впрямь открыл рот, но выдал неожиданно небанальную фразу, вроде как и не о погоде

совсем, а в то же время и о ней, и о целом мире, и непосредственно обо мне. К печали своей, ничего из той беседы за давностью лет в памяти не удержалось, но общение получилось в высшей степени примечательным. Дед поражал остротой ума и неординарностью суждений, проявляя при этом склонность к созерцанию окружающего — короче, необычайно меня восхитил. Только слушать не умел или не хотел, постоянно обрывал меня, на что я, слишком ценивший в те годы свои мнения, не успевал обидеться, ведь каждая следующая реплика была бесподобна. Мы общались с полчаса, пока в мою голову не стали закрадываться некие сомнения. Некие подозрения. Не сразу — слишком невероятными они казались — но все-таки я их проверил, задав несколько контрольных вопросов. И понял, что разговаривал-то дед не со мной! Пару минут еще сидел я рядом, пытаюсь осмыслить факт того, что на скамейке я третий (причем лишний, ведь дед продолжал диалог), а экстравагантные реплики собеседника являлись натуральным бредом, который я наивно воспринимал метафорически. Приняв твердое решение меньше увлекаться постмодернизмом, я встал и вежливо попрощался. Дед невозмутимо ответил: «Карандаши!» На следующую пару я тоже не пошел.

В дороге безумцы тоже встречаются, а также разнообразные чудачки, но это нормально — слова «странствие» и «странность» близки не только на слух. Все в движении: одни едут домой, другие — головой. В поле под Самарой на меня, спящего, едва не наступил старик в буденовке, похожий на юродивого из фильма «Не послать ли нам гонца?» Неразборчиво бормоча что-то себе под нос тонким голосом, он прочапал мимо, кажется, и не заметив меня. На обочине Краснодарской объездной под дождем сидела женщина, глядя на мокрую книгу, которую держала в руках, и на вопрос, нужна ли помощь, не отреагировала. Дальнойбойщик на минском направлении утверждал (к сожалению, серьезно), что земля плоская. В Абхазии меня подвозил военный наблюдатель ООН, всю дорогу вещавший о мировом еврейском заговоре, но это, пожалуй, обычное дело. На уральском перевале хромая плечевая в белом платье бросалась под колеса фур. На петербургской трассе М-10 водила остановил шедший на полной скорости тягач, чтобы меня подбросить, потому что подбирал нечетных стопщиков — говорил, примета такая, мол, чтоб в рейсе все хорошо было: первого не беру, ведь он первый, второго не беру, ибо он четный, третьего тоже могу не взять, если тот мне не по душе, четвертый четный, а ты — пятый, с тобой без проблем доедем; и правда, доехали. Но я чувствовал себя немного неуютно — может, он каждого нечетного подвозит, а каждого тринадцатого закапывает? Приметы — штука беспощадная.

Иногда же странность — кажущаяся, а на поверку — просто жизнь. Например, в Сибири меня вез газелист, в ходе разговора сообщивший, что ездит по чужим правам. И продемонстрировал оные: на фото был мордатый мужик, минимум лет на двадцать старше худощавого водителя. Как выяснилось, тесть. Но соль в том, что тесть умер за пять лет до этого. Только не был официально объявлен таковым. Нет, похоронили чин чином, поминки справили, все как полагается, но без оформления бумажек. Зачем покойнику свидетельство о смерти? Так рассудила родня, продолжив получать пенсию мертвого инвалида, пока не кончился срок действия карточки. А когда зятя-таксиста лишили прав, он не огорчился, а подремонтировал тестеву «газель» и начал карьеру дальнойбойщика. Ничего странного.

Постоянно путешествуя, постоянно возвращаешься: сперва домой, затем — в путешествие, и раз за разом — к воспоминаниям. Такова же последова-

тельность дорожного разговора: когда собеседник уже забыл, с какой темы мы перепрыгнули на эту, я возвращаюсь туда, откуда начиналось само повествование — на Сахалин.

* * *

На берегу Татарского пролива стоит поселок с чудным названием Правда, где от старого браконьера я впервые услышал фразу, которую в дальнейшем повторяли мне самые разные бракоши в разных концах острова: «Да мне эта рыба на хер не нужна!» — и объясняли: был бы способ зарабатывать нормальные деньги иначе, кто бы стал заниматься этим? Чисто для еды половить да собакам, куда больше? Такая она, сахалинская правда.

Сахалин — Россия в миниатюре, где на тысяче верст сконцентрировано все, что на материке разбросано по разным краям Отечества: богатство и бедность, полезные ископаемые и обезумевшие чиновники, природные красоты и урбанистическое уродство, явления абсурдного и парадоксального. Остров, где все есть. И где все было — каторга, войны, оккупация, стройки ГУЛАГа — и девяностые, когда, судя по рассказам, Сахалин мог претендовать на статус республики браконьеров. И по сей день бракошей там через одного — считай, все жители побережья, но в прошлом столетии было-таки больше (теперь главные разбойники — официальные предприятия, практикующие хищническую добычу путем всяческих ловкачеств). Бесконечно родная, знакомая страна и в то же время — словно другая планета, жители которой уверены, что они-то как раз и земляне. Там часто приходится слышать: ты чего, мол, с луны свалился? Да нет, это я на Сахалин прилунился.

На этой планете особое отношение к москвичам — не любят их, как везде, но, в отличие от общероссийского «везде», островитяне включают в число столичных жителей всех обитателей материка, кроме дальневосточников. Случается, внемлешь истории о некоем дурном москвиче, рыбачившем в заливе Мордвинова, а потом выясняется, что тот был из Барнаула. Непривычная, своеобразная жизнь острова: почти бредовая, почти курьезная, но потрясающая — трогает сердце, оно бьется быстрее.

...Слушая рассказы людей о здешней жизни, кажется, что читаешь романы Пикуля о временах русско-японской войны и оккупации: как тогда японцы перегородивали течения сетями, не давая рыбе пройти на нерест, а большую часть добытого перерабатывали в тук, которым удобряли поля, так и сейчас предприятия запирают заливы нерестовых рек, якобы для подсчета поголовья, из-за чего рыба идет прямо в сети, и продают ее за бесценок. К слову, у жителей, за исключением представителей народности орочи, нет квот на ловлю. Говорят, предыдущий губернатор собирался поднять вопрос о квоте, но не успел — «уволнили». «Увольнением» местные называют смерть губернатора в авиакатастрофе.

Как тогда чиновничья глупость и жадность открывала возможность иностранцам перекупать улов в ущерб российским предприятиям и самим морякам, так и теперь, только нынче рыба на Сахалине дороже, чем на материке. И мясо дороже, и молоко, и картошка, и что угодно, поскольку из своих производств тут только хлебозаводы, пекущие хлеб из привозной муки, — словно в Абхазии, куда все товары, кроме фруктов и орехов, поставляются из РФ. Цены примерно такие же. Но Абхазия все-таки искусственное государство, созданное на об-

ломке Грузии, пережившее официальную войну и ряд конфликтов, с зависимым, но своим правительством. У Сахалина из своего — только история. Все, что стоит посмотреть на Сахалине, создано либо природой, либо японцами — даже краеведческий музей в столице находится в здании бывшего японского этнографического, построенного во времена губернаторства Карафуту.

Сахалин запомнился тотальным радушием — если перечислить гостеприимцев по именам, то в списке окажутся буквально все жители острова, с которыми я общался дольше пяти минут. Потому расскажу лишь о троих.

* * *

...Володя с белыми шрамами ожогов на руках, оставивший в прошлом шесть томов уголовного дела с пачкой экспертиз и десять лет в «единичке» — сахалинской зоне, где широта крымская, долгота колымская; он чем-то напоминал старого рыбака с картины Тивадара Чонтвари.

Саня-водолаз, любитель рок-н-ролла, досконально знающий все клевые альбомы, начиная с восьмидесятых, и сам успевший порокенролить в девяностых с автоматом за плечами на ниве рэкета и отъема иномарок, но вовремя опомнившийся и ушедший в гавань потише, на браконьерскую добычу трепанга.

Владимирч, разменявший трепангов на кессонку, пробыл под водой больше часов, чем иные на свете прожили, и отметился на неофициальных страницах истории республики браконьеров спасением двадцати двух водолазов в день, когда все пошло не так.

Эти мужики зарабатывали на реализации морской капусты, которую сами добывали и готовили в вареном и сушеном виде. При перевозке партии сушенки мы и познакомились. Первая же остановившаяся утром машина оказалась судьбоносной. В «буханке» сидели трое и Малыш — здоровенный, лохматый, немолодой пес, отнесшийся ко мне не по-собачьи, но по-сахалински дружелюбно. Мужики довезли до самой столицы острова, а на прощанье пригласили на охоту на озеро Буссе и подарили тысячу рублей, сочтя, что им эта сумма погоды не сделает, а мне пригодится. Если учесть, что из Москвы я выезжал с таким же количеством денег в кармане, предположение было чертовски верным. И хотя, добравшись до Хабаровска за восемьсот рублей, я стал замечать за собой склонность недооценивать материальное, презенту, конечно, обрадовался. У денег свои пути, и треть этого капитала отправилась на Шикотан с Сергеем, человеком тяжелой судьбы, с которым мы пересеклись в порту Ванино, общались на пароме и случайно встретились в южно-сахалинской библиотеке.

Дорога — всегда движение, даже если сидишь в библиотеке: сходятся и расходятся вероятности, перекрещиваются линии жизни разных людей, взаимно меняя друг друга. Мириады возможностей ткут полотно нашей реальности, и лучше всего это заметно в путешествии — так в щель меж досок забора виден кусок внешнего мира, а если бежать вдоль, появляется понятие о целом. Но возрастают и шансы умереть подзаборно.

Идут они, идут! Зеленый славя гул,
 Купая тело в ветре и в пыли,
 Как будто кто сослал их всех на каторгу
 Вертеть ногами
 Сей шар земли.

Сергей, в прошлом боевой офицер морской авиации, попал в бесчисленное число бывших советских людей, чье бытие перепахала перестройка. Служебная квартира, достойная зарплата, ясное будущее канули в Лету с сокращением армии, сбережения стремительно пожрала инфляция, сохранилась только дача в Крыму, выделенная каким-то смежным, уже не существующим ведомством. С провозглашением независимости Украины добиться права на владение землей стало вовсе невозможно. Дачное товарищество, заселенное бывшими летчиками, затаилось в ожидании, когда явится хозяин и потребует их дома и жизнь. Кому было куда податься — съехали, остались те, кому деваться было некуда.

Сергей собрал немногие накопления и купил единственное, на что хватило, — полуразрушенную халупу на противоположном конце страны, на Шикотане. Не имея навыков автостопа, он отправился туда гораздо более сложным и неприятным способом — на перекладных, частично оплачивая билет, частично договариваясь с водителями. На Сахалине его финансовое состояние немногим превышало стоимость билета на паром до Курил. Это был второй случай на маршруте, когда кормил я, а не меня. Надеюсь, тем, кто потчевал меня, было так же приятно. Но уверен, что любой, увидевший, как Сергей ежедневно питается лишь замоченным на пять минут геркулесом, уверяя, что это вполне сытно, отдал бы ему последнее. Так что мужики, ассигновавшие мне «беспогодную» для них тысячу, озолотили сразу двух человек и даже не заметили этого.

Во второй раз я встретился с ними в поселке Береговом, чтобы отбыть на охоту. Когда мужики приехали, местные уже всюю кормили меня икрой и креветками. Стоило мне честно ответить на вопрос, едал ли я уже сахалинскую икру, как понеслось: «Хозяйка, тащи икру! На, москвич, чилимов пожуй!»

Владелица закрытого магазина, который обслуживал только покупателей водки да креветок, принесла тарелку красной икры, хлеб, ложку и посоветовала — с хлебом, дескать, попробуйте... Конечно, с хлебом, как, мол, еще, наивно ляпнул я, и все добродушно рассмеялись. Один из этих достохвальных людей, Андрей-лодочник, обмолвился с интонациями абстрактного размышления, что тоже-де хочет в Москву поехать. Почему он лодочник, я узнал позже: так называют человека, работающего с водолазами — пока те в погружении, лодочник наверху принимает трофеи, контролирует и, очевидно, продельывает еще массу вещей, о которых я ни шиша не знаю. Хороший лодочник высоко ценится, от его действий зависят жизни водолазов... Андрей был хорошим лодочником, но времена бесконтрольной добычи прошли. Перед отъездом с Сахалина я попросил Владимирыча передать Андрею мой телефонный номер, чтобы отныне он мог говорить: хочу, мол, в Москву поехать, у меня там знакомый есть — и мечта стала немного ближе.

Озеро Буссе, на берегу которого мы провели три дня, было пресно-солевым. Отделенное узким проходом от залива Охотского моря, в прилив оно было наполнено более соленой водой, в отлив — почти пресной; в нем на равных плескалась озерная и морская рыба. На восточной стороне острова (на расстоянии тридцати верст по прямой и ста тридцати по дороге) находилось другое, похожее, но по-своему уникальное озеро — Тунайча. Через месяц, проснувшись на его берегу в ворохе осенних листьев, я пойму, что сезон закончился.

В отлив дно Буссе обнажалось на десятки метров, и местные шли по ракушку — с ведрами и лопатами. Увидел в грунте дырочку — значит, внизу кто-то дышит, подкопнул, а там гребешок или мидия, кто-нибудь да есть, кого можно съесть. Но сахалинцы («да нам эта устрица на хер не нужна!») собирали вкус-

ности на продажу. Посмотришь со стороны на гладь озера, по которой, аки посуху, ступает мальчишка в болотных сапогах, волокущий за хвост грузную кетину, угодившую в яму, и понимаешь, что снасти — это буржуазные заморочки, и если руки есть, то ты уже рыбак. А если и голова на плечах имеется — моряк, а дальше — как судьба распорядится.

Бывало, она распорядилась лихо — людей швыряло в разные стороны, о чем можно составить представление, например, по истории двух моряков, работавших на одном предприятии. С первым, Андреем, повезло пообщаться по дороге к Корсакову — он был экспертом ФСБ, делающим заключения на рыбацкие суда, задержанные по подозрению в браконьерстве. От него я узнал про «крабовый порядок», то есть «чемоданы» на хребтине.

Близость моря придала местной речи самобытности — диалог пересыпан специфическими терминами и словечками, невразумительными для сухопутника. С непониманием такого рода в России я сталкивался только в сибирской булочной, когда попросил батон белого (в Москве белый хлеб в буханках мало распространен и, как правило, «батон» и «белый хлеб» значат одно и то же, тогда как дальше к востоку хлеб — это буханка, а батон есть батон), и продавщица переспросила: вам, мол, батон или белый, — отчего я захопал глазами, не постигая, чего от меня хотят.

Но сахалинца иной раз послушаешь — будто по фене ботает. Приходится эпизодически переспрашивать, чтобы дознаться, что гилыками по старой памяти именуют орочей, амурских нанайцев, камчадалом — камчатского краба, драги и треугольники — это сачки для ловли, но в то же время «треугольником» называют волосатого краба, хотя он вроде пятиугольный. Чилимы — дальневосточные креветки, ромашка — метод прицепки кустов (хапок) морской капусты к понтону или надувному плоту, на котором работает верховой (он же — плотовой), пока водолаз занимается добычей (причем моряки ставят ударение в этом слове на первый слог и поправляют, если ошибешься). То же касается ворон, которые на Сахалине не вороны, а вороны. А еще есть кукса — старые добрые «дошираки» и прочая лапша и кукси — корейский суп, и много чего еще, включая ненашенские породы рыбы, виды приправ и диковинные эвфемизмы, непринужденно возникающие в разговоре, а когда уточняешь, закономерно нарываешься — ты что, с луны свалился?

А «крабовый порядок» — это от восьмидесяти до ста двадцати ловушек «чемоданов» с наживкой, закрепленных на веревке-хребтине, которые сбрасывают в воду одну за другой. Отправив на дно несколько порядков, возвращаются к первому и приступают к выборке (подъему ловушек). После того как плутоватые коллеги приладили забирать чужой улов, браконьеры стали обозначать порядок не бум, а крестиком на карте и тралили якорем-кошкой, чтобы найти. Случалось, не находили, и «чемоданы» оставались лежать на дне, набитые гнилью. Задача эксперта — заметить на судне элементы промыслового оборудования или следы его установки, царапины на борту от металлического троса и прочие характерные признаки добычи. Но экспертов уже дергают нечасто — если пять лет назад приходилось осматривать десятки задержанных судов в год, то теперь всего несколько. Браконьерство усмирили, поголовье краба восстанавливается, закон действует.

Еще много любопытного сообщил Андрей — про дрейферные сети, про гидрографическую войсковую часть Тихоокеанского флота, в которой служил,

про БОР — Корсаковскую базу океанического рыболовства, на которой отработал пятнадцать лет, прежде чем крупнейшее предприятие Сахалина развалилось вслед за Союзом. На той же базе в то же время трудился Евгений: ходил матросом, затем боцманом (на жаргоне — «драконом»), а в девяностые занялся браконьерской добычей краба и прошел по этому пути до упора, до конца нулевых, когда бракошей стали отлавливать с вертушками, а если шхуна не оставалась, высылали самолет и стреляли по курсу, грозя затопить. Последнее судно, на котором ходил Евгений, в этой ситуации команда затопила сама — с гарантированным уголовным делом в виде сотни тонн краба на борту, — высадилась в шлюпки и была спасена патрульными катерами. Поднимать шхуну, конечно, не стали, и дела не завели, но дракон после этого завязал с авантюрами. Закон действует, подтверждал он, но только против мелких игроков.

Мы встретились с Евгением в Горячих Ключах — на месте бывшего санатория с термальными источниками, где стихийно образовалась дикарская стоянка. Люди приезжали туда с палатками и жили, регулярно принимая лечебные ванны в обветшалых сараюшках и полиэтиленовых чумах. Как-то само собой получилось, что боцман взял меня на довольствие, приглашая к трапезе трижды в день и угощая разнообразными яствами с корейскими прикусками под увлекательные истории о моряцкой жизни. К примеру, как происходит ловля сайры: ночью траулеры рыскают по морю в поисках рыбного косяка, а настигнув, включают мощный прожектор, бьющий лучом яркого белого света, — и рыба прет к поверхности. Пока она ослеплена невиданной иллюминацией, снизу заводят сетку так, что добыча оказывается в своеобразном котле. Взамен белого фонаря врубается красный — и рыба в ловушке словно закипает, вода бурлит и идет волнами, пока сеть стягивают и поднимают на борт. В советское время к месту ловли подходили японские суда и зажигали свои, гораздо более могучие прожекторы, переманивая косяки. По словам Евгения, вид скопления промысловых кораблей, добывающих сайру, незабываем: на море как будто вырастает город, сверкающий огнями на десятки километров...

А еще есть рыба-лапша, название которой полностью соответствует внешнему виду, ее ловят сачком, моют, замораживают, и больше никаких манипуляций не требуется. На пароме меня угощали котлетами из нее — обвалынная в муке с яйцом и поджаренная, по вкусу она напоминает типичную вареную рыбу. Иной коленкор — сваренная голова кеты: никогда не думал, что в этой башке столько съедобного и лакомого, а самой деликатесной частью являются глаза. То, что для приезжих экзотика, для жителей — обыденщина, и сахалинец на Черном море будет так же радоваться апельсинам, срываемым с ветки, как краснодарец — устрицам под ногами, а я, находя поводы для восхищения во всех концах страны, гадаю, чем же способна изумить Москва...

Там же, в Горячих Ключах, я познакомился со Славой-сибиряком, человеком дороги, оказавшимся близким по духу — ему тоже плевать на деньги, он путешествует и получает кайф от процесса. Раньше он гонял на выездах, как это принято у фанатов, организовывал бизнес и занимался прочими важными делами, а потом по нелепому стечению обстоятельств сломал спину. Полагаю, всякий человек, которому необходимо заново учиться жить, пересматривает отношение к земному бытию. Слава, или, как он предпочитает именоваться, Том Йорк, переосмыслил свою реальность радикально — и пустился в путь с титановым штырем в позвоночнике, взгромоздив на плечи огромный рюкзак.

Йорк оказался первым стопщиком, который не доставал меня песней о трудностях автостопа: казалось бы, логично — зачем об этом оповещать меня, если я так же катаюсь на попутках? Но, к сожалению, коллеги, как правило, подробно расписывают, от какого поворота они отъезжали, где встряли и как долго ждали, упоминая нумерацию трасс, километраж поездок и подобную ерундику. Да скажите же, что вам на душу легло, — хотелось возопить в таких случаях, — каких людей встретили, какими красотами наслаждались! Но оные вехи сюжет задевал лишь краешком. Возможно, после они выложили отчеты с красочными фотографиями, которые всё живописали за них, — ну и на кой такие собеседники?

Когда-то я тоже был таким, и не понимаю, как меня тогда водители выносили. А с Томом мы легко беседовали об отвлеченных вещах. К тому времени, облагодетельствованный сахалинцами, я начал опасаться, что все-таки становлюсь халявщиком, заметив за собой, что, контактируя с кем-то, предполагаю, что тот мог бы мне дать. Йорк успокоил, объяснив, что это опыт. И верно — ведь я просто знаю, что так будет. Обнадеженный этим соображением, я двинулся дальше, чтобы позже повстречать Тома вновь и провести с ним три дня на Байкале, возжигая костры, выпивая за «Чкаловец», отпугивая бешеных лис и отражая атаки голодных мышей.

Байкальский отдых отзывается в душе тем же теплом, что и охота со старыми бракошами на берегу Буссе, плавно перешедшая в работу с морской капустой, хотя это происходило уже в другом месте — на берегу моря, во дворе с покосившимися строениями. На вопрос, почему дома кривые, мне объяснили, что это последствия шторма — сортир, вон, вообще разметало да песочком присыпало, и убирать ничего не надо, а избушки лишь перекосило. Затевать ремонт не имело смысла, легче сломать и заново построить. А зачем ломать, когда следующая буря сама все сделает? «Это люди, которые ждут штормов», — понял я и гадил по кустам, потому что реконструировать нужник мужики тоже не захотели. Но такое мелкое неудобство не могло остановить на пути к постижению секретов заготовки морской капусты, она же — ламинария.

* * *

От моря до прилавка ламинария проходит четыре этапа: ее добывают водолаз и плотовой, затем резчики пропускают листы через лапшерезку, измазываясь в клейкой жиже, потом часть водорослей сразу сушится в листах или в нарезке — на сетках в сарае с тепловой пушкой, а часть липкой лапши варится в горячей (но не кипящей!) воде, чтобы стать засушенной тоже.

Я работал на варке под началом Володи. Вряд ли покупатели знали, что желанная капустка томится в зловещем чане и пробуется на зуб старым зеком да бродягой без медкнижки. Но сомневаюсь, что это сказывалось на вкусе продукта. Что до пищевой ценности, то у ламинарии, подвергнутой нагреву, таковой, в принципе, немного. В естественном виде капуста — бурая, как йод, содержанием которого славится. Если подержать лист над огнем, он начнет зеленеть на глазах, теряя пользу, которую мог бы принести человеческому организму. Тридцатикилограммовая груда резаных ленточек, вываленная в чан с горячей водой, травенеет за мгновения. Процесс похож на кипячение белья. Время приготовления определяется интуитивно — энергично помешивая парящую массу обломанным черенком от лопаты, в какой-то момент поддепляешь неаппетитную

макаронину, откусываешь часть и задумчиво жуешь, пытаешься понять, приобрела ли она требуемую мягкость, сохранив нужную упругость.

Если дегустатор доволен результатом, на край чана кладется стиральная доска, по которой капуста, истекая водой, ворох за ворохом перетаскивается короткими граблями в мармитку — еще одно словечко из автохтонных, обозначающее пластиковую корзину, но я этого не знал и, когда Володя попросил принести мармитку, приволок рыбацкую сеть, которую распутывал утром. Он, наверное, подумал, что я чокнутый.

В клубах пара, наполняющих сараюшку, очки запотевают полностью. Это дело не для слабовидящих, но я, как всегда, пошел поперек заведенного порядка и напросился поучаствовать. Готов был трудиться бесплатно, из любопытства, но мужики сказали: «Раз работаешь, должен зарабатывать...» — и заплатили три с половиной тысячи (то есть больше, чем я потратил за все путешествие) за два с половиной дня, в последний из которых я шесть часов сидел в кресле, наблюдая за охотой ястреба-рыболова, поскольку резчики капусты перепились и варить было нечего. Володя привалился рядом, поясняя тактические маневры хищной птицы. Ястреб выписывал четкие фигуры в небе, а мы созерцали и вели беседу.

Володя рассказал, как в 1977-м приехал на Итуруп и в компании с парочкой хороших людей организовал икорный цех в заброшенном японском бомбоубежище. За сезон — октябрь, ноябрь, декабрь — зарабатывали сорок восемь тысяч долларов. В те годы на острове в обилии валялись снаряды Второй мировой, поросшие клоповкой. В нынешнее время эта знаменитая ягода продается вдоль сахалинской трассы по восемьсот рублей за литр, хотя в лесу ее прорва. По вкусу клоповка незаурядна, словно сорт клубники, выведенный в горячих болотах. На Курилах дефицита ягоды тоже не наблюдалось, как и нехватки рыбы. За день сетью можно было полторы тонны лососевых натаскать, тогда как нынче пять горбуш вынешь — и доволен. Еще на Сахалине в ту пору располагалась «дикая дивизия» — вертолетчики, перебазируемые из Афгана, даже сговорчивые, если было, что посулить. Слетать на Кунашир, рыбы набить? Фигня вопрос, даешь пятьсот баксов, и поехали. За день набьешь пару тонн, икру вырежешь, остальное бросишь мишкам на радость, и обратно. «Все повыбили...» — подытожил браконьер. Захочешь на север за медведем махнуть, тоже не проблема — пятьсот баксов, полетели. Или шкуру трофейную отдашь, тогда бесплатно. Хорошо жили, свидетельствовал Володя. На Итурупе он провел тринадцать лет.

Много их, сильных, злых и веселых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда...

А все девяностые Володя прокуковал на зоне. На островах тогда рубли хождения практически не имели, расчет за все и везде шел в долларах и йенах. На материке рыбу сдавали за баксы, японцам — краба за йены. И сегодня к любому озеру и нерестовой речке ведет множество дорог — это обходы, чтоб миновать посты. Но теперь инспекторам надзора не обязательно мчаться на катерах для проверки — лучше дрона послать, чтоб полетал, пожужжал, высматривая сетки и водолазов. Правда, у бракошей на этот случай есть метода — снайпер, сидящий на высоте, высматривает дрона и сбивает на подлете, а пока патруль

раскачается, браконьеры уже далеко. Но все равно работать стало опасно. Еще недавно на входе в их поселок стояла вышка, на которой сидел дежурный с радаром, дальностью обнаружения превосходящим пограничный, — завидев чужие суда, караульщик сообщал по радию, и бракоши хилили к берегу; а на гэмэишников, морскую инспекцию, пытавшихся пройти к домам, спускали собак. Теперь не то — лишь капусту пока не прикрыли, можно работать...

Разница наших миров была разительна, и мои истории только усугубляли ее. Я поведал про светофор на федералке в Вышнем Волочке, до недавних пор известный как «светофор, который имеет всю Россию», — пройти городок за час считалось удачей. Никогда не слышал столько анекдотов, как в тамошней пробке. В 2015 г. была достроена объездная, но цены, назначенные за проезд, оказались выше любых ожиданий, так что фуры снова двинули через жилую зону. Подъезжая к Волочку, я был готов слушать анекдоты до ночи, но неожиданно проскочил город за сорок минут. А обратно — еще быстрее. В чем же дело? Отгадать причину не сумел ни один водитель легковой.

Но местный дальнобойщик разъяснил: в мурманский порт, попавший под санкции, сократился поток товара, как следствие, меньше фур стало кататься туда-сюда.

Действие кризиса ощутил и я: раньше, отправляясь на юга, брал пятьсот рублей и прекрасно отдыхал целый месяц, а теперь лишь две недели. Для Володи эта сумма звучала смешно. Да чего там, у самого в московском магазине тысяча улетает враз, но на море какие мои расходы? Только музеи, если не удастся бесплатно впроситься, да городские маршрутки, когда лень пешком топать. Хватало и на мороженое, и на арбузы с бахчи, а вино дегустировалось бесплатно. Для того чтобы отведать весь ассортимент, была разработана специальная техника.

Мы с подругой приходили в винную лавку под предлогом, мол, послезавтра уезжаем, есть намерение провести вечеров с бутылочкой вина. Но вот закавыка: у нас разные вкусы — мне нравится красное полусладкое, а девушке белое сухое. Хотим найти нечто среднее, чтобы получить удовольствие совместно, а не хлебать, как алкаши, каждый свое. Начав дегустировать, следовало высказываться попеременно, соблюдая контрастность мнений. А когда язык становился непослушен, я лепетал что-то вроде: пожалуй, оценить всех прелестей ваших амброзий уже не получится, лучше зайдем завтра... И мы удалялись, чтобы шататься по побережью, пока не выветрится хмель. Главное было — не посетить случайно этот же магазинчик в следующий раз.

Приязнь к вину Володя разделял: несколько лет назад он отказался от сорокаградусной и перешел на красное, а когда к России присоединился Крым — решил употреблять только крымское, бутылки из-под которого я обнаруживал теперь в разных закутках. Да и в тот момент он прихлебывал из горлышка очередную «Тавридию», слушая описание поездки в Нижневартовск, куда я отправился специально, чтобы побывать у скважины попутного газа близ города. Шофера самосвалов образно рассказывали, как зимой сдавали к факелу задом, встав в паре десятков метров, поднимали кузова и ночевали в тепле без автономки. На десятки метров вокруг все было усеяно золой, шуршащей под ногами. Но из-за режима чрезвычайной ситуации проезд через леса в то лето был закрыт, и я вернулся в город. Режим оный, как выяснилось позднее, по местной традиции объявлялся каждый сезон по вине медведей. Однако в

год моего посещения имелись реальные основания: после разлива Оби мишки откочевали на земли соседей, в результате чего поголовно оголодали. Пока добирался, наслушался страстей по уши: в каждой вахтовке рады были оповестить меня о пропавших егерях и собаках, вытащенных из будок. А следы на обочинах аргументировали истории — в обе стороны отпечатывались медвежьи лапы. Кстати, позже в Кемеровской области ехал с полицейским, который в то лето тоже на вертолете с егерями за мишками гонялся по тайге, хотя сам служил в отделе экономических преступлений.

И пейзажи не баловали красотой: сплошные болота да гари с торчащими палками черных, гниющих деревьев. Но съездил я все-таки не зря. Во-первых, это был самый молодой город из всех, какие видел (я нагрнул к его 45-летию), во-вторых, самый маленький, который легко было пройти пешком. И это стало бы оптимальным решением, ведь на дорогах вырос лес светофоров, шесть остановок на троллейбусе могли занять сорок минут. А в Старовартовске, с барачников которого начинался советский город нефтяников, на берегу сохранилась заброшенная пристань, заваленная гнилыми ржавыми баржами и плотами невиданных прежде форм и размеров...

Мы могли бы проболтать до ночи, но тут вернулся Владимирыч, устроил разнос пьяным резчикам и определил на это дело нас с Саней-водолазом. На прощание мужики одарили меня теплыми вещами и хотели купить билет на самолет до Москвы; еле их отговорил, убеждая, что это не только не нужно, но и совершенно не интересно — столько сюда добираться, чтобы обратно вот так скоро? Спасибо вам, братцы, но, честное слово, дороги-обочины познавательнее салона «Боинга». И я укатил, чтобы продолжить путешествие, зреть странности и чудеса, на которые Сахалин не скупился до самого дня отплытия.

* * *

Последние сутки на острове я провел в окрестностях холмского морвокзала. Сначала в поисках кипятка обошел все близлежащие организации от чебуречной до кинотеатра, но нигде не отыскал желаемого. В итоге кипяток все же был обретен в редакции оппозиционной газеты «Визит», там же материализовались чай и печенюшки вприкуску к разнообразным разговорам, которые мы вели с главредом, — о нелегкой жизни оппозиции, подлой власти, кете и горбуше, природных катаклизмах, ядерных отходах и китайских медитативных техниках. До моего визита в «Визит» главред Сергей коротал время наедине с какими-то своими журналистскими реалиями (это было, кажется, воскресенье) и обрадовался возможности отвлечься. Душевно поболтали несколько часов, после чего разошлись; он отправился домой, подарив на прощание экземпляр последнего выпуска — в нем из двадцати четырех страниц чуть ли не половину, по-моему, занимала реклама, а новости были поданы в ироническом стиле «читайте между строк». Вечером же кипяток щедро наливали и в кинотеатре тоже.

На площади подошел парень с целью стрельнуть сигарету. Разговорились; курильщик отрекомендовался Ангелом — не в том смысле, что это его имя, а в том, что такова его сущность на грешной нашей земле. Обсудили разное.

Ангел упомянул про своего кореша Архангела, обмолвился о темных созданиях, которые бродят среди нас, маскируясь под людей... «Вы обратили внимание, — спросил он, — как много в последнее время появилось вокруг странных персонажей?» — «Не замечал», — ответил я, глядя на Ангела. Побеседовали

о Гиперборее, осколком которой некоторые считают Сахалин. На острове меня уже проинформировал об этом некий радист-уфолог, живший рядом с «местом силы» в районе горы Лягушки. Под конец своего пребывания в тех краях (как раз закончились думские выборы) Ангел успел поучаствовать волонтером в предвыборной кампании КПРФ.

«Неужели Бог за коммунистов?» — ахнул я, но выяснилось, что оное участие было инициативой отдельно взятого ангела, поскольку, дескать, КПРФ — партия с великим прошлым, к которому она не хочет возвращаться, и уместно ее поддержать.

А ночью возле зала ожидания Ангела-коммуниста чуть не поколотили местные, но он был спасен проститутками с рыбзавода. Остро чувствуешь непредсказуемость жизни в мире дорог и обочин, где творятся вероятности, изумляющие людей, а люди совершают шаги, шокирующие мир.

Если на Черном море, провожая закат, можно неторопливо распить с другой бутылку вина, то в Татарский пролив солнце плюхается так резво, что не успеваешь выкурить сигарету. Ночь смотрелась до боли знакомо, полна безмерное замирным. Устав шляться по залу и площади, я расположился на обрыве, с которого распаивался вид на Холмск и море, и перебирал по памяти строки дорог, чередуя с запятыми тропинок и точками на карте, отмеченными яркими воспоминаниями, — и ощущал, как распухает голова, в которой хочется уместить все, всплывающее из былого.

Согбенные березы на перевале Сим: когда после оттепели, пригнувшей кроны потяжелевшим снегом к земле, грянули морозы, деревья прихватило к обледенелому насту — они словно склонились перед нами, проезжающими мимо, и ломались в пояснице с сухим треском. Смерч, идущий на Дивноморск, — освещаемый молниями, он прошел вдали от берега, на котором я разбил стоянку, но несколько секунд я цепенел, не дыша, обхватив ствол пихты, в сплошной стене ливня, несомой буйным ветром параллельно земле. Наутро к берегу прибило щепу от лодок с дивноморского причала. Свою кепку, сорванную с головы, я нашел только днем — в двухстах метрах от бивуака.

С туч ветер плеснул дождем и мечется с испугом
 По бледным заводам, по ярам, по яругам...
 Тьма прыщет молнии в зыбучее стекло...

То, Землю древнюю тревожа долгим зовом,
 Обида вещая раскинула крыло
 Над гневным Сурожем и пенистым Азовом.

Заснеженный перевал в Сейдовских горах, исхоженный медведями, — мы взошли на него, а потапычи как раз вышли из спячки и спустились в долину, оставив горы нам. Ступая по проламывающемуся насту, окуная ноги в студенючие ручьи, споро бегущие под глубоким снежным покровом, не верилось, что внизу в долине люди ходят в футболках, а здесь — лютый ветер, безжизненные скалы и зимовье зверей.

Здоровенные полуметровые черепахи-триониксы из озера Гасси в Хабаровском крае, так лихо перебегающие дорогу, что ни один водитель, пытавшийся их поймать, не смог опровергнуть апорию Зенона.

Метеозонд, поднимавшийся из мраморного карьера Рускеалы, запущенный в стратосферу участниками соревнования Global Space Balloon Challenge, кои

сначала подвезли меня от Приозерска — а спустя пару дней и сотен километров я пилил с ними самую высокую в лесу сосну, которую тот зонд ухитрился вы-брать для посадки.

Тяжелые грозди иссиня-черных ягод, лежащие на приборной панели ржавой «шестерки» под Уссурийском, оплетенной лозами дикого винограда.

Пронзительно-голубое горное озеро близ Териберки, извергающее водопад талой воды на прибрежную полосу Баренцева моря. Если забраться выше, то было видно, как каменные реки спускаются к песчаному пляжу. В виду моря крупные глыбы казались галькой великанов.

Дальневосточные сопки, как зеленые подушечки для иголок с клоками ваты на вершинах, — они возвышались по бокам трассы, не помышляя об осени в ту пору, как в Сибири уже всюю облетали листья. Убежден, что в сентябре в Рос-сии найдется соответствие каждой из двенадцати картин «Времен года».

Снежная яма в сосновом бору под Новосибирском, в которой мы с товари-щем устроились на ночевку, а сверху падали мокрые снежинки. По Володиной просьбе я читал Экклезиаста, но в голове вертелись строки Ивана Елагина:

Кольхались звездные кочевья,
Мы не засыпали у костра.
Шумные, тяжелые деревья
Говорили с нами до утра.

Следом за местами из памяти выныривали лица: шофера, ошеломившего признанием: «Знаешь, Дима, я ведь плохой человек, пью, жене изменяю, семье вру... А тут увидел, что человек на обочине голосует и подумал: если сейчас не подберу — не то что в ад не возьмут, а в землю не примут! Придется лежать на поверхности, а вороны будут в голову клевать...»; барда Владимира с женой, с которыми провели душевный вечер в бору под Архипо-Осиповкой, слушая его песни, а в десятке шагов соленый теплый ветер сметал сухую хвою в Черное море; астраханских бичей, угощавших меня цукатами из арбузных и дынных корок, которые полночи варились тут же на костре в исполинской кастрюле; идейного неудачника дальнобойщика Андрея на старой фуре, который брался за самые невыгодные заказы, оставаясь без копейки во всевозможных географиче-ских тухесах, закладывая вещи, чтобы выбраться и продолжить ездить, потому что иначе жить не хотел...

Все эти люди — простые, хмурые, щедрые, человеческие, странные, умные, лихие, понятные — свои, и я их люблю. И землю, которая нас объединяет — ее нельзя объехать, ведь хочется возвращаться, снова наведываясь туда, где уже побывал. Но можно быть счастливым в пути, видя родные звезды в неведомом небе, слишком близком или чересчур далеком; узнавая то, что иначе никогда бы не узнал; убеждая водителя не беспокоиться за меня, когда высаживаюсь на ночную обочину черт-те где, не представляя, что буду делать, но уверенный, что все сложится как надо, потому что иначе не бывает.

Зато, бывает, остановишь большегруз зимней ночью, залезешь в кабину, а шофер, обрадовавшийся собеседнику, разразится монологом в полбиографии, отыгрываясь за дни, проведенные наедине с баранкой, вываливая историю за историей на четыре с лишним часа... А потом умолкнет и будет слушать мои четыре.

ЗА ДВЕРЬЮ ВСЕХ ДВЕРЕЙ

Мальгина А. Дуреха. —

Барнаул: «Алтайский дом печати», 2018.

Поэты взрослеют по-разному. И уж точно вне зависимости от паспортного возраста и набранного мастерства. Случается, по-житейски вполне благополучный автор годами виртуозно описывает свои надуманные муки. А другому уже в юности так прилетит, что он по-настоящему мучительно и долго обрабатывает доставшийся ему каменный материал.

Вот и молодой поэт с Алтая Александра Мальгина, похоже, только завершает огранку того, что ей досталось. Хотя поглядеть на обложку ее новой книжки, что вышла осенью в Барнауле, — вообще ни дать ни взять детская. И название вроде бы под стать, игровое — «Дуреха».

Детское в этой книжке и впрямь присутствует. И не только в ярких иллюстрациях Екатерины Рейзбих, которые складываются в параллельную символическую историю, особенно понятную для посвященных друзей. Эта линия настолько самостоятельна, что, похоже, определила формат книги и размер шрифта — так что стихи иногда производят впечатление подчиненного материала.

Как минимум первые из них и напоминают тексты из подросткового сетевого аккаунта. Таким вот, к примеру, игровым наивом: «...А самый смелый подойдет / Поближе глянуть — / Улыбка ясная сойдет, / И я отпряну. / Забьется голубем сердчишко, / Взгляну понуро:

/ Меня признают гордой слишком, / Окрестят дурой...» Или бытованным предупреждением для тех, кто в наше время по-прежнему грезит о тургеневских барышнях или покорных мужчине домохозяйках: «*Девочки-ангелы — платья просты и строги... / Молча пекут старомодные пироги, / А не постылые маффины и капкейки. / Красят яйца на пасху луковой шелухой, / Улыбаются мягко, смотрят кротко, / Не ругаются, если приходишь домой бухой, / Предлагают огурчик, молча идут за водкой...»* Мол, таким, если засбоют или заплачут, надо просто сменить батарейки.

А лейтмотив этой книжки между тем — куда как взрослые попытки найти высокий смысл не только жизни, но и смерти.

К личной основе настоящая литература, конечно, несводима. Но некоторые события проявляются в ней очень весомо. Здесь, мне кажется, именно тот случай.

Сказать о пережитом со стороны весьма просто — скончался муж, с которым только-только начали жить. Прохожему, идущему с погоста домой и скользящему взглядом по датам на памятниках — повод для короткого вздоха: как рано ушел... Ну и для еще одного — о бренности всего земного. А для молодой женщины — по меньшей мере три жизни оборвались:

«Вот мы с тобой — как кофе с молоком — / Судьбой растворены один в другом... / На берегу я видела наш дом, / Там мальчик на крыльце с воздушным змеем / В предчувствии восторга, цепеня, / Веребочку удерживал с трудом... / А ветер рвался, мальчик улыбался — / И все на свете было далеко, / Кофейный дым над домом поднимался / И в облаках молочных растворялся, / И мне дышалось сладко и легко...»

Но собственная-то жизнь продолжается даже за этим обрывом: *«В тебе не вижу смысла — хоть убей — / ты божий дар и в то же время малость... / Дряхлеет мир за пересчетом дней — / кому и сколько от тебя досталось. / Но пробегает холод по спине, / когда нечаянно предполагаешь: / “Жизнь, может, ты во мне не угасаешь, / лишь потому, что видишь смысл во мне?”»*

Про кофе с молоком — из новой книжки. А отголосок еще пушкинского вопроса — из предыдущей, «Музыка чернил», вышедшей в 2012 г. Поиск нового смысла начался уже тогда. Но в ту пору в стихах еще ощущался запас прежней гармонии и любви: *«...Хорошо, что коты не скупаются на песни о счастье, / Мне так проще не спать и смотреть на кривой циферблат, / Где бессмысленно делится время на равные части / Так, что равную цену имеют рассвет и закат...»*

Тогда падение темнокожих слив с «насиженных веток» предстало похожим на выход в большой мир — впрочем, отнюдь не безмятежный: *«...Так и мы навсегда оставляем родительский дом, / Тайно веря, что там, за пределами дома, свобода... / Отчего же луна очень схожа с колодезным дном, / Оттого ль, что не вырастит куст из упавшего плода?..»*

И взрослая жизнь героине если и казалась пленом, то желанным, а ее ги-

бельность — романтичной: *«...Тонкая веточка стрекозы / Прямо на палец ко мне садится. / Вертит глазастую головой, / Да подсказать ничего не может... / Близкую гибель, хороший мой, Чувствую каждой частичкой кожи...»*

Да и в родительский дом еще можно было вернуться — хотя бы в памяти или во сне: *«...Где желтый стол, усыпанный мукой, / Прабабушка крылом гусиным гладит, / Вздыхая в воздух белые клубы... / Где небеса предельно голубы...»*

В «Дуреху» эти и еще несколько стихов из числа, на мой взгляд, лучших текстов «Музыки чернил» автор не включила. Хотя некоторые персонажи и образы перешли отсюда в новую книгу и обрели новые краски. Падкие на колбасу дворовые коты, например, теперь напоминают героине об одиночестве, ибо ее прекрасные закадычные друзья, которых они «считают за людей», лишь воображаемы.

По-своему, но тоже вполне глобально предстает пресловутый эффект бабочки: *«...В каждой игре свои, пусть дурацкие, правила. / Тысячи “если” стоят между нами. / Почтовая карточка — та, что я первой отправила — / Легкая бабочка, вызвавшая цунами...»*

Правда, во множестве эти поэтические насекомые выглядят весьма элегично. Хотя как знать, что скрывается в подтексте — ведь умножиться способен и тот же самый эффект: *«...Когда все пройдено, и все предрешено, / И новый день вчерашнего сирее, / Неловко видеть бабочек в сирени, / Танцующих так просто и грешно... / Я безоружна в этот летний вечер, / С улыбкой и тоской смотрю назад... / А бабочки садятся мне на плечи / И говорят...»*

Игра с известной библейской историей тоже началась в «Музыке чернил»: *«...А потом говорил этот змей очень кротко и сладко, / и так ласков он был и могуч, и не страшен совсем, / я сме-*

ялась в ответ, обещала, что яблоко съем, / но едва отвлеклась — / он меня проглотил без остатка...»

Но эта самая игра в «Дурехе» повторена. И, сходясь с новыми вариациями на эту тему, рождает явственные ассоциации с куда более тревожными подробностями истории о потерянном рае: «...И вот сидим под деревом. К стволу / Прижавшись спинами, молчим, а под ногами / Плоды надкушенные. Лучшие бы врагами / Нам разойтись, / Но ты окликнешь: “Саша?” / А я тебя спрошу: “Который наш?”»

Или смыкается с еще одним, не менее древним рассказом: «...Дурацкая, как ни крути, затея — / Через забор заветный перелезть, / И есть плоды, и слушать сказки змея... / Все тот же змей, но с умыслом другим. / Укус. Падение. / — Орфей, не оглянись!»

Перешел в новую книгу — Алтай все-таки — и мальчик-будда. Но раньше он, смеясь, «как по зыбкой лестнице неземной», просто бежал домой по лотосам черных луж, медленно распускающихся в августе. Теперь же «за дверью всех дверей, / ...Где разделили плод Адам и Ева, / Которых нет несчастней и мудрей», он не только кормит голубей, но и держит в руке середины всех нитей. «...А кошки, те, что ловят голубей, / От вкуса крови превращаются в людей...»

До полного примирения и умиротворения еще далеко: «Мама, что делать-то, я горю! / Спился мой ангел-подлец-хранитель... / Мам, я горю, и мне больно так, / Как никогда еще не бывало...» Правда, жалобы на ангелов вроде бы должны приниматься на другом уровне. Тем более героиня понимает: когда «жизнь и смерть на лицо одно, / Отличит лишь святая троица...».

Но если все, что происходит в мире, творится по воле Всевышнего, стало быть,

он и виноват: «...Один на тысячу был, потому люблю. / Таким без крыльев надолго никак нельзя, / Вот и заметил ревнивый заклятый Бог, / Что мало рук тебе пары и пары ног, / Забрал, не думая, в свой белокрылый полк... / Без права выбрать, проститься с тобой не дав...»

Впрочем, хотя сомнения остаются, приступ богоборчества оказывается недолгим: «...Даже в этом, кажется, Он был прав...». И союз с Ним, как это ни удивительно, «по-прежнему возможен». И терпения героиня в конце концов просит у Него.

А жизнь между тем продолжается: «...Александра Сергеевна / Вытесняет помалу / Сашу...», так что, знакомясь в Сети, приходится подумать, как представиться. И стихи в один присест не пишутся — приходится прерываться на работу или как минимум попить чаю. Хотя они по-прежнему остаются неотъемлемой частью жизни, и кормить их с ладони приходится крошками собственного сердца.

От боли хочется уйти во «времени горькое темноводье», захлебнуться и сгинуть в нем. «...На чем держится мир окружающий, как устроен, / Надоело задумываться — / Бреду за стадом... / Но живую оказываться в сухостое / Вижу смысл, / Только когда ты рядом...» И диалог на непреодолимом теперь расстоянии продолжается. И смыслом жизни подчас начинает казаться лишь ожидание новой встречи.

И все-таки даже такое словесное признание замкнутого кольца, из которого вроде бы нет выхода, насколько можно почувствовать, добавляет миру гармонии. Это кольцо не соскальзывает с пальца, как июнь, где ласточка надвое режет небо. Но, похоже, понемногу ослабляет свою хватку. Даже при воспоминании о той самой больнице, где это случилось:

*«Я умерла. Давно и без возврата. /
Под свод больницы первой городской /
Нельзя входить без белого халата /
И кротости церковно-приходской... /
Не убоись столкнуться с настоящим, /
Из сновидений впархивая в явь. /
Оставь надежду всяк сюда входящий, /
И выходящий что-нибудь оставь...»*

И приходит понимание, что «нельзя о прошлом думать, как о грузе, / Оно нам в назидание дано...» И смиренное принятие произошедшего как горькой, однако неотъемлемой теперь части собственной жизни: «...Подниму свою голову выше лицом на небо, / И скажу полупшепотом, так, чтоб оглохли птицы: / Даже если все то, что мне было даровано, — небыль, / Пусть и в будущей жизни со мной непременно случится...»

И ощущение той самой неотъемлемой изнанки жизни, которое при благополучии обычно приходит позднее, никуда теперь тоже не уйдет: «...И так не страшно быть одной из миллионов, / И очереди ждать на поезд в край садов, / Где каждому свой змей и перечень законов, / И шанс на встречу с тем, кого был не готов / Отдать немолодой костлявой проводнице, / Что искоса глядит на каждого из нас. / И к ней не подойти, и к ней не приспроситься, / Когда перед дорогой вдохнешь в последний раз...»

Таким стихам, даже когда автор не слишком заботится о плавном благозвучии некоторых строк, веришь гораздо больше. И горячо желаешь автору скорее укрепить проступающую в них новую гармонию и веру в то, что жизненный круг еще далеко не замкнут.

Андрей Расторгуев

Тамара БУСАРГИНА

АРХЕТИПЫ РУССКОГО СОЗНАНИЯ В ПЕЙЗАЖАХ ВЛАДИМИРА КУЗЬМИНА

Известно — для того чтобы приблизить свое, зрительское, понимание замысла и образного строя любого произведения искусства к авторскому (что до конца, конечно, невозможно), зрителю иногда приходится приложить немалые усилия. Вот почему принято считать, что акт создания художественного произведения по душевным и интеллектуальным затратам в некотором смысле может быть равным акту его созерцания: зритель, который захочет проникнуть в тайны авторского замысла, поневоле становится соавтором. Родовой признак всякого искусства — художественный образ — без зрителя, культурно подготовленного к восприятию искусства, себя не обнаруживает.

Это, безусловно, относится к авторам, которые создают нечто большее, чем видимость. Владимир Кузьмин именно такой художник.

Даже первый взгляд на любой его иркутский городской пейзаж может доставить удовольствие: сколько любви к родному городу! Ты блаженно водишь взглядом по прихотливому узору этих старых улочек-кривуличек, созерцаешь дома, которые словно сами изнутри излучают свет. Приятно, что и с сюжетом все просто — художник вроде бы его и не выбирает, хотя искушенный зритель знает, каким трудом и школой достигается эта естественность мотива и как трудно иногда за этой простотой увидеть главное: взволнованность художника, запечатленную в фактуре письма, его дыхание и сердцебиение. Стоит их уловить, и они настроят твое дыхание и сердцебиение в унисон чувствам художника.

Владимир Кузьмин уловил на поверхности холста дыхание самой природы, а потому холст дышит, вибрирует, трепещет. Это — по крайней мере, для меня — главное: без живой, образно осмысленной фактуры хорошей живописи не бывает. Только сумей прочесть, а главное — понять и пережить эту, если можно так выразиться, кардиограмму чувств художника на плоскости холста.

Всего этого уже было бы довольно, чтобы прослыть Владимиру Кузьмину хорошим пейзажистом, но ведь мы имеем дело с художником «от русской земли», а это значит, что, сознательно или бессознательно, он выявляет в своей живописи *архетипические* образы своего народа: то, что заложено в глубинах его подсознания, то, что и определяет *самостоянье* нации.

Русский человек душой свободно гуляет во времени и пространстве, с любовью вспоминает прошлое («что пройдет, то будет мило»), охотнее грезит о будущем, чем живет настоящим, и — что обычно ставят нам в вину заморские и доморощенные «западники» — нам слаще хорошо думать, чем хорошо жить. Ну никак не понять им, что наше «настоящее» без паломничества в прошлое, земное и горнее, теряет всякий смысл, да и не предполагает будущего.

Вкус к странничеству во времени в творчестве В. Кузьмина наиболее ярко воплотился в теме «Старый Иркутск». Пейзаж «Сибирский городок» (2005), в сущности, сочинение на вольную тему, где щедро представлены все первообразы русского сознания: река — образ соединения и разъединения, встреч и разлук,

образ быстротекущей жизни, радуга — небесная лестница. Художник заставляет зрителя неспешно рассматривать башенки и балкончики домов, крыши-бочки, тоненькие шейки барабанов часовен и церквей с навершиями — солнечными главками.

Понятно, что все эти колокольни и башни для художника не просто вертикали, без которых вся композиция расстроится, здесь что-то большее, чем видимость. Точно так же — кони, лады и много чего еще вмещают в себя, сгущают в себе очень важный для русской культуры архетипический образ дороги, земной и небесной, где и сам человек — это всегдашний путь, законченным он быть не может. Вечный на земле скиталец, русский человек еще чаще пребывает в состоянии духовного паломничества. И все, что открывается душе на этом пути — достоверно.

Вот и Владимир Кузьмин в пейзаже «Тихвинская площадь» (2004) вспоминает собор Казанской иконы Божьей Матери, которого, увы, давно уже нет. Не таким он был вовсе, более тяжелым по массе, цвету. Художник это знает, но в душе прижился совсем другой его образ — светлый, торжественно-сияющий. Храм обнимает дорога. Люди, пешие и в кошовках, обтекают его слева и справа. Обрамленный двумя дорогами — рекой и дугой главной дороги Тихвинской площади, собор предстает как остров-видение града Китежа, навек оставшегося в русском сознании грезой о несбыточном, а с другой стороны — и надеждой, что зазвонят еще его колокола. Печаль художника, столь свойственная его пейзажам, всегда светла и спокойна. Это же настроение можно уловить и в изображении этого главного, самого большого в Иркутске собора, что неудивительно — работа писалась во времена, когда у иркутян была в ходу мысль о его воссоздании.

В пейзажах «Вечерний Иркутск» (2002), «Улица Ленина» (2002), «Утро Иркутска» (2004), «Старые дома Ир-

кутска» (2005) и др. всегда множество дорог, они оббегают дома, уходят в разные стороны за раму полотна и где-то там, в бесконечности, сливаются с небом. Вот еще очень важный в русской культуре образ — *небо*. У Кузьмина небо и там, где оно вовсе не обозначено, например в натюрмортах, в картине «Пасха», «Окно мастерской» и т. д. Смотришь на его холсты и лишней раз удивляешься — а все мы, оказывается, живем в небе, лишь ступнями ног земли касаемся. Мне кажется, что потому так красива и гармонична палитра художника, оттого светятся то явно, то подспудно дома, окна, ворота, цветы и кулички, что живописец умеет видеть и чувствовать эту неслышную слитность *неба и земли*. Небо у Кузьмина не просто непременный для пейзажной живописи, творчески сложный (художники это знают), а потому интересный объект изображения. Небо для него духовно значимо. Небесный свет в его творчестве, как в искусстве великих мастеров прошлого, как в русской иконе, приобретает онтологический смысл — как причина и сама возможность явленности мира сего.

Стежки-дорожки у Владимира Кузьмина не просто красивый узор на плоскости холста и важная структурная составляющая композиции, действительно важная, т. к. делает ее открытой. Как и положено в чувственно-романтическом осмыслении реальности, а я так и воспринимаю творчество художника, В. Кузьмин на поверку отображает извилистые, прихотливые тропки русского сознания, русской души, русской судьбы. Дорожки и тропки обнимают, оберегают, держат в ладошках, словно баюкая, эти красивые, теплые, уходящие, а потому пронзительно родные старые дома Иркутска.

Уверена, что и потомки наши будут воспринимать эти пейзажи Владимира Александровича Кузьмина как добрую, светлую сказку, как колыбельную песню художника нашему волшебному городу.

АВТОРЫ НОМЕРА

Бабанская Алена родилась в г. Кашире. Окончила филологический факультет Московского педагогического государственного университета. Публиковалась в журналах «Арион», «День и ночь», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Волга» и др. Автор книги стихотворений «Письма из Лукоморья». Живет в Москве.

Берязев Владимир Алексеевич родился в 1959 г. в Кузбассе. Окончил Литературный институт им. Горького. Автор поэтических сборников «Окоем», «Золотой кол», «Могила Великого Скифа», «Посланец», «Тобук», «Кочевник», романа в стихах «Могота» и др. Живет в Новосибирске.

Бусаргина Тамара Георгиевна родилась в Иркутске. Окончила Иркутский государственный университет и факультет теории и истории искусств Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. Кандидат искусствоведения. Автор более сорока работ по истории искусства Сибири, детскому художественному творчеству. Живет в Иркутске.

Высоцкая Кристина Анатольевна родилась в 1987 г. в г. Талица Свердловской области. Окончила отделение журналистики филологического факультета Тюменского государственного университета. Неоднократный победитель городских литературных конкурсов. Публиковалась в альманахах «Врата Сибири», «Берега», «Мы молодые». Живет в Тюмени.

Григорьев Алексей родился в 1972 г. в Ленинграде. Окончил филологический факультет Московского государственного гуманитарного университета. Публиковался в «Литературной газете», журналах «Новая Юность», «День и ночь», «Сибирские огни», «Интерпоэзия» и др. Автор трех книг стихов. Живет в Москве.

Колосов Николай Станиславович родился в 1986 г. в Новосибирске. Окончил Сибирский государственный университет путей сообщения. Работает машинистом электропоезда в Новосибирском метрополитене. Ранее не публиковался. Живет в Новосибирске.

Куницын Игорь Николаевич родился в 1976 г. в Печоре. Окончил Архангельскую государственную медицинскую академию, учился в Литературном институте им. Горько-

го. Публиковался в журналах «День и ночь», «Интерпоэзия», «Новая Юность», «Крещатик» и др. Автор книг «Некалендарная зима», «Портсигар». Живет в Домодедове.

Метелица Дмитрий родился в 1987 г. в Москве. Путешествует по России и ближнему зарубежью. Перепробовал множество специальностей — от дворника и проводника вагона до сушильщика морской капусты. В «Сибирских огнях» публикуется впервые.

Молодцова Мария Михайловна родилась в 1987 г. в Москве. Работала администратором сериалов на «Мосфильме». Училась в Литературном институте им. Горького. Публиковалась в журнале «Октябрь». Живет в Москве.

Расторгуев Андрей Петрович родился в 1964 г. в Магнитогорске. Окончил Уральский государственный университет и Российскую академию государственной службы при Президенте Российской Федерации. Кандидат исторических наук. Автор нескольких книг стихов, переводов и литературно-критических статей, многих публикаций в литературных журналах. Лауреат ряда литературных премий. Член Союза писателей России. Живет в Екатеринбурге.

Семенов Владимир Александрович родился в 1961 г. в Ленинграде. Окончил финансово-экономический институт им. Н. А. Вознесенского. Работал экономистом, бухгалтером, был частным предпринимателем. Публиковался в журнале «Знамя». Живет в Санкт-Петербурге.

Федорова Марина Александровна родилась в 1991 г. в Кемерове. Окончила Кемеровский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета. Работает в сфере социальной защиты. Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «После 12». Живет в Кемерове.

Хафизов Олег Эсгатович родился в 1959 г. в Свердловске. Окончил факультет иностранных языков Тульского государственного педагогического института. Работал художником-оформителем, переводчиком, сценаристом, телеведущим, педагогом. В настоящее время научный сотрудник музея-заповедника «Куликово поле». Автор четырех книг прозы. Публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Волга» и др. Живет в Туле.

СИБИРСКАЯ ГОРНИЦА

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 21.12.2018. Дата выхода № 2 за 2019 г. в свет 08.02.2019.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.